BX 597
.A5 A8
Copy 3

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

OIN
ECTION
597
5 A8

АМФИТЕАТРОВЪ

ЯКОВЪ КОСЬМИЧЪ,

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ КІЕВСКОЙ Д. АКАДЕМІИ.

В. АСКОЧЕНСКАГО.

КІЕВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1857.

Askochenskiĭ, Viktor Ipat'evich

АМФИТЕАТРОВЪ

ЯКОВЪ КОСЬМИЧЪ,

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ КІЕВСКОЙ Д. АКАДЕМІИ.

(Біографическій очеркъ).

В. АСКОЧЕНСКАГО.

КІЕВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1857.

4

Сарч 3

BX597
.A5A8

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Кіевъ 1856 года, Декабря 31 дня.

Цензоръ *Новицкій.*

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ
В. КЛОЧКОВА.
Спб., Литейный, 55.

ДВА-ТРИ СЛОВА

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Скромность—похвальное качество; и мы—Русскіе, преимущественно предъ всѣми народами въ мірѣ, отличаемся ею часто во вредъ самимъ себѣ. Смѣло идемъ мы впередъ на какомъ угодно поприщѣ: но лишь только дойдетъ дѣло до переклички, — смотришь, самаго-то лучшаго, самаго отличнаго между нами и нѣтъ впереди; онъ забился въ задніе ряды, и притихъ тамъ, какъ будто виноватъ въ чемъ.

Это къ тому я говорю, что вотъ напримѣръ, нашъ Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ. *Честно и многополезно прошелъ онъ недолгую жизнь свою; сдѣлалъ дѣло, которое другому не подъ силу; заслужилъ вниманіе міра ученаго и обрадованъ былъ на одрѣ смертномъ* Высочайшею *наградою. И узнали люди, что это былъ профессоръ Кіевской Академіи: но какъ и какимъ путемъ достигъ онъ высокой степени профессорства, какъ усовершалъ себя, какъ подвизался на поприщѣ, честно имъ пройденномъ, — этого никто не знаетъ да и знать не можетъ. Священнымъ долгомъ по сему почитаю, какъ воспитанникъ* Амфитеатрова, *сказать объ немъ мое право-слово, и почтить память незабвеннаго моего наставника не панегирикомъ, а истиннымъ сказаніемъ о его жизни, которое будетъ говорить въ честь его, лучше всякаго панегирика.*

Авторъ.

Амфитеатровъ Яковъ Косьмичъ родился 1802 года 23-го Октября, Орловской губерніи Кромскаго уѣзда въ селѣ Высокомъ, гдѣ отецъ его Косьма Ивановичъ Красинъ былъ сначала причетникомъ, и черезъ 25 лѣтъ церковнослужительской службы, — священникомъ. При относительной бѣдности, родители *Якова Косьмича* считались въ деревнѣ людьми зажи- [illegible] недостатокъ постороннихъ вспомогательныхъ средствъ [illegible] они умѣли восполнять трудолюбіемъ, — и Богъ [illegible] лъ честные труды ихъ. Пчеловодство было главнѣй- [illegible] чникомъ ихъ семейнаго благоденствія; при надлежащей бережливости, отецъ *Якова Косьмича* имѣлъ небольшой домикъ, всего въ три комнаты, включительно съ кухнею, стоявшій въ 25 саженяхъ отъ церкви, порядочный садикъ и пчельникъ, за которымъ виднѣлась превосходная роща, открытый долъ и богатые помѣщичьи сады, между коими протекала быстрая Сосна и блестѣло обширное озеро Немецъ. Здѣсь-то рѣзвый ребенокъ проводилъ первые, сознательные дни своего дѣтства, воспитываемый въ нѣдрахъ матери—природы и далекій отъ помысловъ о своей не блестящей, но завидной будущности.

На седьмомъ году отъ рожденія, *Яковъ Косьмичъ* началъ учиться русской грамотѣ, подъ руководствомъ своего дѣдушки, священника Григорія Монастырева. Жалѣя своего внучка, почтенный старецъ не слишкомъ заботился о томъ, чтобы поскорѣе окончить домашнее ученіе и старался длить его, сколько

возможно, чтобы дитя, по его понятію, укрѣпилось и возмужало для перенесенія многотрудной семинарской жизни. Счастливому баловню свободной жизни предстояла бурса. „Больно „вспомнить, говоритъ товарищъ и родственникъ нашего ученаго, „о прежней Сѣвской семинаріи! Въ ней воспитывалось болѣе „тысячи дѣтей. Семинарія эта была на разстояніи отъ города „около 900 саженей, окруженная со всѣхъ сторонъ болотами, „въ то время непроходимыми, свирѣпствовавшими лихорадками „и сильными горячками. Сколько дѣтей здѣсь померло! Сколько „вышло ихъ съ хроническими болѣзнями!“ Не мудрено, что дѣдушкѣ тяжело было отпустить любимаго своего внучка почти на вѣрную смерть; отъ того-то болѣе четырехъ лѣтъ держалъ онъ его при себѣ, занимая Часословомъ и Псалтиремъ. Но время уходило, и ребенку пора было поступить въ училище. 5 Сентября 1814 года *Яковъ Косьмичъ* принятъ былъ въ семинарію, въ низшую *Элементорію*, гдѣ преподавались латинская и русская граматики, но болѣе всего обращаемо было вниманіе на чистописаніе, почему и наставники особенно отличались искуствомъ въ послѣднемъ дѣлѣ. Обративъ на себя благосклонный взоръ педагоговъ, *Яковъ Косьмичъ* въ слѣдующемъ же году, не въ примѣръ прочимъ, переведенъ былъ прямо въ третій классъ, именовавшійся *Граматикою*. Такой лестный переходъ потребовалъ отъ юнаго питомца большихъ усилій; ему показалось мало сравниться съ своими новыми товарищами; онъ захотѣлъ опередить ихъ,—и „рѣзвое дитя“, любившее игры, принялось за работу и черезъ полгода сидѣло уже на *второмъ* мѣстѣ въ званіи *цензора*. Въ 1816 году *Яковъ Косьмичъ* переведенъ былъ въ *Синтаксисъ*, и хотя научные предметы здѣсь были тѣже, что и въ прежнемъ классѣ,— но уже воспитанники, по запискамъ наставниковъ, знакомились съ правилами словосочиненія и чрезъ постоянныя *оккупаціи* получали навыкъ излагать чужія мысли приличными фразами и выраженіями. *Амфитеатровъ* былъ изъ тѣхъ, которые лучше прочихъ

поняли эту умную методу ученія. Онъ ревностно занимался переводами съ латинскаго на русскій языкъ, и почувствовавъ въ себѣ болѣе силъ и способностей, чѣмъ сколько требовалось для граматическаго класса, свободное отъ уроковъ время сталъ посвящать чтенію задачекъ учениковъ Поэзіи и Реторики, даже самъ рѣшался писать кое-что изъ подражанія высшимъ себя воспитанникамъ. Наставники отличали его передъ всѣми: но чѣмъ болѣе *Амфитеатровъ* чувствовалъ себя усовершаемымъ, тѣмъ скромнѣе и строже становился къ самому себѣ, стараясь быть незамѣченнымъ. Въ 1817 году онъ переведенъ былъ въ Орловское училище, и по окончаніи двухгодичнаго курса поступилъ въ семинарію. Судьба послала ему разумнаго и опытнаго руководителя въ одномъ изъ старшихъ воспитанниковъ Семинаріи, который, сразу постигнувъ своего подначальнаго, старался ознакомить его съ лучшими классиками, перечитывалъ его задачки и не исправляя ни одного слова, замѣчалъ встрѣчавшіяся погрѣшности, и строго требовалъ отчета во всемъ прочитанномъ. Не мудрено, что при такомъ надзорѣ, при данныхъ Богомъ и развитыхъ собственными трудами способностяхъ, *Амфитеатровъ* сталъ *первымъ* ученикомъ въ классѣ Словесности. Но съ поступленіемъ своего педагога въ Кіевскую Академію, *Амфитеатровъ* вдругъ перемѣнилъ образъ своихъ занятій. Онъ пересталъ ходить на лекціи, извиняясь болѣзнію, писалъ задачки только для порядка и чтобъ избѣжать взысканія и кончилъ тѣмъ, что начальство, перемѣнивъ объ немъ свое мнѣніе, поставило его во *второй* разрядъ воспитанниковъ. *Амфитеатровъ* не заботился объ этомъ. Пристрастившись къ чтенію, онъ занимался выписками изъ прочитываемыхъ имъ книгъ, и между прочимъ переводилъ Буколики Виргилія, пробуя силы свои въ стихотворствѣ. Къ сожалѣнію, опыты эти погибли; онъ самъ немилосердо сжигалъ все, что выходило тогда изъ подъ пера его. Всей душой полюбивъ науку, *Амфитеатровъ* рѣшился было еще остаться въ среднемъ отдѣленіи: но архи-

пастырскій совѣтъ ближайшаго родственника его, преосвящ. Филарета, епископа Калужскаго (нынѣ высокопреосвящ. митрополита Кіевскаго) удержалъ его отъ такого намѣренія. „Мнѣ „очень пріятно, писалъ 30 Іюня 1823 года нѣжно-заботливый пастырь, что вы имѣете ревность къ наукамъ Просвѣщеніе „истинное есть величайшій даръ Божій человѣку. Но мнѣ не „очень нравится желаніе ваше остаться на другой курсъ въ „философскомъ отдѣленіи и особенно заняться математикою. „Лучше займитесь ученіемъ Богословіи, какъ нужнѣйшимъ для „всякаго христіанина, и особенно для тѣхъ, которые призы„ваются на служеніе олтарю Господню. Я бы желалъ, чтобъ „вы болѣе успѣли въ греческомъ и еврейскомъ языкахъ. Вотъ „вамъ мой совѣтъ: постарайтесь съ отличнымъ успѣхомъ окон„чить курсъ наукъ въ семинаріи, и можетъ быть Богу угодно „будетъ, что вы назначены будете въ Академію; тамъ и фило„софію выслушаете еще, и математикою займетесь въ свобод„ное отъ важнѣйшихъ и нужнѣйшихъ для васъ предметовъ „время.“ Послушный пастырски-родственному слову, *Амфитеатровъ* перешелъ въ классъ Богословія: но мало встрѣтилъ тамъ того, что совѣтовалъ ему изучать просвѣщенный архипастырь. Преподаваніе главныхъ предметовъ еще шло коекакъ: но языки греческій и еврейскій оставались и безъ наставниковъ и безъ слушателей; значитъ, досужнаго времени оставалось много, и юный питомецъ науки принялся за самостоятельную работу. Перечитавъ всѣ школьные учебники, онъ обратился къ св. Писанію и къ природѣ—этимъ двумъ никогда не вычитываемымъ книгамъ, гдѣ въ каждой буквѣ болѣе смысла, чѣмъ въ пышныхъ системахъ блуждающаго ума человѣческаго. Но мысль о поступленіи въ Академію ему и въ голову не приходила; единственною цѣлію его занятій было — приготовить себя къ достойному служенію олтарю Господню и занять со временемъ мѣсто своего родителя. Съ этимъ скромнымъ желаніемъ окончилъ онъ курсъ семинаріи и удалился на спокойное

житье въ домъ своихъ родителей. Помогая имъ въ трудахъ, онъ теперь разумно-сознательнымъ взоромъ смотрѣлъ на природу и во всякомъ явленіи ея искалъ внутренняго значенія, такъ глубоко осмыслившаго потомъ какъ всю жизнь его, такъ и каждую строку художническаго его пера. Естественныя перемѣны года, метеорологическія явленія, сельскія работы—все говорило душѣ его тѣмъ языкомъ, который понятенъ только человѣку неиспорченному, умѣющему видѣть въ мірѣ Божіемъ силу, премудрость и благость вся Создавшаго. Припомните его *Лилію*, нѣкоторые эпизоды о сельскомъ бытѣ изъ повѣсти *Лёва Долина*, нѣкоторыя бесѣды и даже гомилетическіе уроки о природѣ, какъ объ источникѣ проповѣданія, писанныя какбы подъ вліяніемъ какого-то ясновидѣнія, и вы согласитесь, что если къ кому, то именно къ *Амфитеатрову* по всей справедливости можно отнести слова поэта:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Но посреди сельскихъ занятій и спокойнаго самоуглубленія вдругъ приходитъ къ *Амфитеатрову* предписаніе Семинарскаго Правленія собираться и ѣхать въ Академію. Горько плакалъ онъ, видя любимые планы свои неосуществившимися и можетъ быть съ перемѣною обстоятельствъ долженствовавшими совершенно измѣниться (¹). Неохотно и со скорбію прибылъ онъ въ Кіевъ, гдѣ суждено было ему заслужить благородное имя истинно-ученаго, и потомъ положить свои кости. И опять услышалъ онъ здѣсь утѣшительное слово пастыря—отца. „Напрасно ты „такъ скорбѣлъ, писалъ *Амфитеатрову* преосвящ. Филаретъ 25 Ноября 1825 года, когда Промыслъ Божій назначилъ тебя „къ высшему образованію и служенію Церкви Его святой

„Пріучись безропотно и безпрекословно, въ кротости духа, по-„виноваться велѣніямъ Господа, Который такъ милосердо объ „насъ печется. И сіе повиновеніе положи въ твердое основа-„ніе твоего просвѣщенія. Только старайся пріобрѣтать Еван-„гельское просвѣщеніе“. И во все продолженіе академическаго курса попечительный архипастырь не оставлялъ своего родственнаго питомца. Посылая частыя денежныя вспоможенія, онъ дарилъ его то драгоцѣнными совѣтами, то отеческими привѣтствіями и благожеланіями. „Благодарю Господа Бога, писалъ архипастырь отъ 30 Іюня 1826 года,—помогающаго тебѣ успѣ-„вать въ наукахъ. Мнѣ очень пріятно, что ты въ числѣ от-„личныхъ студентовъ Академіи по ученію. Будь отличнѣйшій „по благочестивой жизни и Господь Богъ поможетъ тебѣ со-„вершить подвигъ ученія и приготовить себя служителемъ „Церкви Его святой. Мое желаніе, чтобъ ты готовилъ себя „именно для служенія олтарю Господню, а потому и книги „нужны для тебя болѣе относящіяся къ уразумѣнію догматовъ „Вѣры нашей святой и православной. Ни Дежерандо, ни Тен-„неманъ столько для тебя не нужны, чтобъ имѣть ихъ собст-„венными. Довольно прочитать ихъ. Старайся успѣть въ грече-„скомъ языкѣ, яко въ священномъ.— Напиши мнѣ, спрашивалъ архипастырь въ другомъ письмѣ своемъ отъ 8 Октября 1828 года, въ какое ты званіе поступить располагаешься? Краткое „время остается тебѣ на окончаніе курса ученія. Да поможетъ „тебѣ Господь Богъ совершить свой подвигъ благоуспѣшно „и содѣлаться служителемъ Церкви Его святой“. Наблюдая такимъ образомъ за успѣхами своего питомца, высокій покровитель неусыпно заботился и о будущности его; онъ желалъ имѣть его при себѣ, и съ этою цѣлію намѣревался открыть въ Казанской семинаріи другую каѳедру философіи: но спокойно отказался потомъ отъ своего желанія, когда *Яковъ Косьмичъ*, по окончаніи въ 1829 г. курса и по возведеніи на степень магистра Богословія и словесныхъ наукъ, оставленъ былъ бакка-

лавромъ Академіи „Отъ всей души, писалъ архипастырь, по-„благодарилъ я Господа Бога, давшаго тебѣ помощь такъ счаст-„ливо окончить курсъ академическаго ученія. Не скорби о „томъ, что ты не въ Казани, а въ Кіевѣ. Мнѣ дѣйствительно „хотѣлось видѣть тебя въ здѣшней семинаріи, но я всегда со-„блюдаю правило: слѣдовать Промыслу о насъ Божію, а не „предварять оный нашими распоряженіями: ибо то для насъ „самое лучшее, что Господь Богъ устроиваетъ. Теперь ясно „вижу, что служеніе тебѣ назначено въ Академіи, а не въ „семинаріи и доволенъ собою, что нигдѣ не настоялъ о на-„значеніи тебя въ Казань, а ожидалъ, какъ Господь Богъ уст-„роитъ судьбу твою. Продолжай порученное тебѣ служеніе „предъ очами Господа въ полномъ спокойствіи духа. Мнѣ очень „пріятно, что ты займешься Церковнымъ Краснорѣчіемъ. Для „вѣрнаго въ семъ успѣха, совѣтую читать тебѣ болѣе всего „творенія св. Отцевъ Церкви, а наипаче св. Златоуста. Изъ сихъ „только святыхъ источниковъ можно почерпать изобильно воду „чистую для напоенія душъ, искупленныхъ кровію Христовою“.

Всей душой, всей силой своего ума и воли принялъ *Амфитеатровъ* внушеніе мудраго архипастыря, и каѳедра Церковной Словесности, занятая имъ, вдругъ ожила небывалой жизнію. Предшественники *Якова Кузьмича* трудились, можно сказать, только надъ приготовленіемъ матеріаловъ для образованія науки: но самая наука все еще робко и несмѣло уклонялась отъ проторенной дороги, по которой шли иноземные проповѣдники. Самое строеніе гомилетическихъ произведеній подчинялось мертвымъ формуламъ старинной реторики, парализировавшимъ проявленіе мыслящаго ума и животрепещущаго чувства. Все это надобно было пересотворить, передѣлать, и *Амфитеатровъ* не убоялся такой трудной и громадной работы. Съ свѣжими, еще не потраченными силами принялся онъ за дѣло, и—надо было слышать это живое, энергическое слово, исходившее изъ устъ молодаго наставника! Не мудрствуя лукаво,

не прибѣгая къ ложной экзальтаціи, не убирая рѣчи своей пустыми, а потому и звонкими фразами, *Амфитеатровъ* заговорилъ просто, даже слишкомъ просто: но какая бывала бездна мысли и чувства въ этой видимой простотѣ! Нечего и говорить о томъ, когда онъ увлекался чѣмъ либо изъ своей науки: передъ слушателями являлся тогда ораторъ, у котораго всякое слово — молнія, всякая замѣтка вынута изъ души и прямо идетъ въ душу.

Такимъ образомъ первый шагъ къ преобразованію науки былъ уже сдѣланъ; въ аудиторіи слышался уже голосъ не раболѣпнаго подражателя иностраннымъ образцамъ, а строгаго судіи краснорѣчія, оглашавшаго церковныя каѳедры. Но на пути къ задуманному *Амфитеатровымъ* преобразованію гомилетическаго дѣла стояли *Правила Церковнаго Краснорѣчія*, составленныя неискусно, непримѣнительно къ дѣлу, наполненныя примѣрами и образцами несроднаго намъ западнаго витійства. *Амфитеатровъ* сразу отбросилъ ихъ, и пошелъ новою, имъ самимъ проложенною дорогой. Онъ открылъ глаза своихъ слушателей на прославленныхъ Фенелоновъ, Массильоновъ, Бурдалу, Флешье и прочія знаменитости западнаго краснорѣчія; онъ указалъ ихъ недостатки, ихъ хвастливую плодовитость, ихъ ложную аффектацію; онъ первый откровенно сказалъ слово правды, что русскому проповѣднику не къ лицу французское многоглаголаніе, нѣмецкій сухой анализъ и англійскій эмпиризмъ. Онъ положилъ предъ понятливыми своими слушателями безсмертныя творенія Златоуста, Василія Великаго, Аѳанасія, Григорія, и научилъ живо и дѣйственно, благотворно и спасительно вѣщать Слово Божіе. Забыть нельзя того искренняго одушевленія, съ какимъ *Амфитеатровъ* объяснялъ, бывало, слезоточивыя бесѣды св. Ефрема Сирина, или простую, безхитростную, но полную вышняго помазанія рѣчь, св. Димитрія Ростовскаго. »Вотъ гдѣ, восклицалъ онъ, родное наше краснорѣчіе! Вотъ у кого учитесь писать! А Французы и Нѣмцы намъ не годятся!«

Но занимаясь оффиціальнымъ своимъ предметомъ, *Яковъ Косьмичъ* не выпускалъ изъ виду и прочихъ наукъ, озаряя ихъ впрочемъ тѣмъ свѣтомъ, какимъ долженствуютъ онѣ сіять въ очахъ христіански—настроеннаго мыслителя. Во всѣхъ его сочиненіяхъ, даже въ письмахъ, видѣнъ своеродный взглядъ на предметы, входящіе въ область науки въ ея обширномъ значеніи, на всѣ случайности жизни человѣческой. Въ первые годы своей училищной службы онъ завелъ горячую переписку съ однимъ изъ своихъ родственниковъ, обучавшимся тогда въ Калужской семинаріи (2). Минуя частности, касающіяся домашняго быта переписывавшихся, мы прочтемъ только тѣ страницы, которыя имѣютъ общій интересъ въ ученомъ отношеніи, и которыя характеризуютъ самаго *Якова Косьмича,* какъ со стороны его ума, такъ и со стороны нѣжнаго, расположеннаго къ любви и дружбѣ сердца.

22-го Іюля 1831 года.

. . . . Ты, я думаю, кончилъ теперь курсъ философіи. По своей молодости и незрѣлости души, мнѣ кажется, мало ты получилъ пользы отъ науки важной и солидной, или какъ называетъ философію одинъ изъ германскихъ современныхъ умниковъ, отъ *науки наукъ.* Но и то ужъ хорошо, что ты хоть мало познакомился съ нею. Классъ философскій есть цѣлая наша жизнь; слѣдовательно, чему нибудь да можно и здѣсь научиться, хоть напримѣръ тому, чтобъ умѣть великодушно переносить несчастія.

14-го Октября 1831 года (*).

. . . . . унынію. Для сего же самаго мнѣ и въ тебѣ нравится томное расположеніе души, въ извѣстныя минуты посѣщающее тебя,— и твоя юношеская мечтательность служитъ для меня яснымъ признакомъ

(*) Начало этого письма не отыскано.

души нѣжной, благородной, исполненной жизни и силъ, хотя еще не распустившихся, — души, если хочешь, поэтической. Здѣсь должно искать зародыша для чувствъ изящнаго и религіознаго; здѣсь образуются первыя сѣмена мыслей прекрасныхъ и святыхъ; и я угадываю, что когда или тяжелый вздохъ безцѣнной матери, или томные звуки музыки, или какая нибудь нечаянная неудача располагаютъ тебя къ грустному чувству: то сіе чувство скорѣе и вѣрнѣе всего обращаетъ взоръ твой къ небу — туда, гдѣ твой незабвенный родитель, и выражается чистою, въ глубинѣ души совершаемою молитвою, незамѣтною для людей, но тѣмъ болѣе угодною для Отца человѣковъ. Я угадываю также, что когда находишься ты въ грустномъ расположеніи духа: то въ головѣ твоей не найдутъ себѣ мѣста дурныя мысли, а въ сердцѣ низкія пожеланія, и что если ты обратишь взоръ свой на землю, то вѣрно никого не захочешь на ней обидѣть или ненавидѣть, а скорѣе согласишься даже недоброжелателю подать руку примиренія. Наконецъ, я твердо вѣрю словамъ твоимъ, что въ расположеніи, о которомъ говорю съ тобою, ты болѣе нежели гдѣ либо и когда либо способенъ писать элегію. Вотъ для тебя, милый другъ мой, начало и чувства религіи, и чувства изящества—поэзіи. Ты самъ видишь, что не должно угашать сей священный огнь, если онъ начинаетъ искриться въ душѣ, но стараться усовершать и давать доброе направленіе добрымъ склонностямъ. Само собою разумѣется, что я не даю тебѣ совѣта непрестанно предаваться грусти и мечтательности; это показывало бы съ моей стороны безразсудность, а съ твоей — слабость душевную; я только объясняю тебѣ, что если посѣтятъ тебя сіи гостьи нежданно, то вмѣсто безплодныхъ вздоховъ и стенаній, старайся обратить мысли и чувства свои къ предметамъ полезнымъ, благимъ и святымъ. Вездѣ нужна осторожность и благоразуміе. Помни правило старика Горація, который въ одной сатирѣ своей написалъ такъ:

Est modus in rebus, sunt certi denique fines,
Quos ultra citraque rectum consistere nequit.

25-го Іюля 1832 г.

Хорошо, хорошо, добрый мой братецъ, любезный Я. Г. Ты не забываешь меня; вотъ другое письмо твое ко мнѣ—доказательство, что ты

меня любишь. Богъ небесный Одинъ можетъ наградить тебя, молодой другъ мой, за твои родственно-дружескія чувства въ разсужденіи меня. А я твой старый пріятель, по всей правдѣ тебѣ преданный, отъ души и отъ сердца благодарю за оныя; между многими другими у меня есть и та странность, что я люблю быть любимымъ кѣмъ бы то ни было, хоть съ другой стороны плохо умѣю поддерживать доброе къ себѣ расположеніе. Но это дѣло постороннее; я увѣренъ, что ты не станешь сомнѣваться въ моей ласковой къ тебѣ душѣ, и потомъ даже не оправдываюсь, что рѣдко и медленно отправляю свои отвѣты изъ Кіева въ Калугу на твои письма. Оправдывай меня самъ; ты молодъ; я старѣюсь ктому же недосуги, хлопоты, разсѣянность, иногда же просто лѣность— и мало ли еще какихъ причинъ медлить! Воля твоя, а право, трудно созданному изъ тяжелой земной персти человѣку преодолѣвать и лѣность и всѣ другія препятствія. Впрочемъ, вины мои предъ тобою суть дѣло прошлое; скажи о нихъ доброе слово, или ничего не говори, по пословицѣ: de mortuis aut bene, aut nil.

Обращаюсь къ тому, что будетъ, и во первыхъ къ будущему твоему..... потому что ты объ этомъ спрашиваешь. Человѣка, о которомъ идетъ теперь дѣло, молва описываетъ невыгодно: но, мой другъ, изъ всѣхъ нарѣчій и языковъ, коими объясняется родъ человѣческій, молва, исключая Московской при Телескопѣ издаваемой, есть самый глупѣйшій и несправедливѣйшій языкъ толпы. Еслибъ ты болѣе жилъ, чѣмъ теперь, я попросилъ бы тебя заглянуть въ житейскій лексиконъ нашего времени; подъ словомъ *молва* вездѣ бы ты нашелъ синонимическія значенія оной— *сущая ложь, вздорная клевета* и рѣдко — рѣдко *полу-истина*... Человѣкъ прямодушный, въ глазахъ нынѣшнихъ людей, почти всегда есть буянъ... Судить людей дѣло важное. У меня правило одно: хорошее о человѣкѣ слушать съ удовольствіемъ, худому не вѣрить, хоть бы то и правда была....

Теперь о твоей философіи. Ты примешься за эту дивную науку разумѣется съ юношескимъ жаромъ: хорошо, очень хорошо! Но я не намѣренъ теперь превозносить тебѣ оную до небесъ, откуда ее прежде насъ съ тобою стащили на землю и прежде насъ вопіяли: o philosophia, philosophia! dux vitae, lux veritatis, fons virtutum, vitiorum indagatrix и проч. и проч. Я хочу только сказать тебѣ, что ты напрасно презираешь систему философіи Баумейстера. Въ рукахъ опытнаго наставника эта

старая книжонка для молодыхъ, только что начинающихъ любомудрствовать, юношей, по моему мнѣнію, гораздо полезнѣе, чѣмъ высокопарныя, заоблачныя системы новѣйшихъ мудрецовъ, кои вообще трудно понимать, и коихъ часто не понимаютъ и тѣ сами, кои изобрѣли ихъ. Повѣрь, мой другъ, что удовлетворительной и основательно обдуманной системы отъ начала міра не было и вѣроятно до конца его не будетъ. Философія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть поле предположеній, область догадокъ, и желать или думать, что изучая такую именно, а не другую систему, мы все можемъ узнать, значитъ желать и думать довольно нелѣпо. Тотъ, кто въ первый разъ принимается за Философію, долженъ ожидать и требовать отъ ней только одного, чтобъ она научила его размышлять, дала дѣятельное направленіе силамъ души, и какъ акушерка, способствуя рожденію идей въ молодой головѣ, указала бы средства, какъ развивать оныя. Для этого весьма годенъ Баумейстеръ; онъ учитъ мыслямъ тамъ, гдѣ другіе набиваютъ голову только варварскими, техническими терминами. Довольно. Мало бумаги. Если хочешь, чтобъ я много съ тобою говорилъ о твоей философіи, — пиши ко мнѣ отвѣтъ на мое письмо поскорѣе.

14-го Сентября 1832 г.

Ты грустишь, юный, любезный другъ мой; грустенъ и я съ тобою. Ты въ извѣстномъ отношеніи одинокъ; одинъ-одинёхонекъ и я, одинъ съ пріятною мыслію о тебѣ, о твоей душѣ, о твоей милой и благородной грусти. Но я не сожалѣю ни о себѣ, ни о тебѣ: нѣкогда разсуждалъ я съ тобою, что тихое уныніе и горесть о потерѣ самыхъ лучшихъ и драгоцѣннѣйшихъ предметовъ сердца могутъ быть вмѣстѣ источникомъ возвышенныхъ и непорочныхъ наслажденій для духа человѣческаго; и теперь я увѣренъ въ справедливости моихъ прежнихъ мыслей, и теперь думаю, что эта дѣтская горесть, коею по временамъ вмѣсто хлѣба питается душа твоя, имѣетъ и должна имѣть благодѣтельнѣйшее вліяніе на нравственныя силы и характеръ молодаго человѣка; она подобна въ нѣкоторомъ смыслѣ тѣмъ великимъ и святымъ тоскамъ, кои имѣютъ праведники о небѣ—отчизнѣ духа человѣческаго, о добродѣтели, о Богѣ — красотѣ и благѣ сердца безконечномъ. Ты

боишься, чтобъ я не назвалъ тебя мечтателемъ; напротивъ, другъ мой,— твоя грусть, по моему мнѣнію, не есть мечтательность, а существенная потребность молодой, начинающей развертываться души твоей. Видалъ ли ты, какъ весною восходитъ солнце? Въ самую раннюю зарю лучи великаго свѣтила слабы и дрожащи; они сіяютъ, но ихъ сіяніе не есть жизнь полная и безмятежная, а только бореніе свѣта со тьмою,—бореніе, во всякомъ случаѣ порождающее скорбное чувство; солнце свѣтитъ, но свѣтъ его грустенъ Я увѣренъ, что въ семъ торжественномъ и самомъ постоянномъ явленіи природы ты угадаешь настоящую тайну души твоей. Законы природы вездѣ одинаковы; утро, въ коемъ исполинъ неба, по выраженію святаго поэта, не освѣщаетъ вселенную, а грустно взираетъ на дремлющую землю, есть признакъ и предтеча дня: также точно и грусть молодаго человѣка, происходящая отъ боренія возникающихъ въ душѣ силъ съ прирожденною ей темнотою, есть развитіе духа человѣческаго, полный пріятными надеждами въ будущемъ, есть первый и вѣрнѣйшій признакъ философскаго сознанія, и слѣдовательно есть первый и счастливый шагъ къ самой философіи твоей, за которую ты, какъ вижу изъ твоихъ писемъ, принимаешься съ такимъ жаромъ. Мнѣ понятны, любезный другъ мой, слова твои: »сколько бы я предложилъ вопросовъ, пишешь ты ко мнѣ, сколько потребовалъ бы отвѣтовъ въ теперешнемъ моемъ положеніи! Теперь я ихъ предлагаю только себѣ; ищу рѣшенія ихъ въ себѣ самомъ, въ другихъ, ищу въ книгахъ, — и большая часть ихъ не рѣшена для меня«. Мнѣ, говорю, понятно это счастливое безпокойство, это недовольство и жажда юной души твоей, приводящія тебя въ грустное расположеніе, и ты кажешься мнѣ очень милъ, умненькій молодой философъ, въ тѣ минуты, когда я смотрю и вижу тебя сидящаго въ уединеніи, предающагося тихой меланхоліи, мирно мечтающаго о томъ, о семъ, о другомъ, о третьемъ. Еслибъ я былъ твоя философія или воплощенная мудрость, то именно въ такія только минуты посѣщалъ бы тебя, лобызалъ и благословилъ бы твое стремленіе и усилія къ познаніямъ, ибо думаю, что и сама дѣйствительная мудрость не находитъ лучшихъ минутъ для посѣщенія своихъ любимцевъ, какъ тѣ, о коихъ я говорю съ тобою.

Продолжаю взятое мною для объясненія тебя и твоей души сравненіе. Въ году бываютъ дни не совсѣмъ пріятные, кои отъ ранней зари до глубокаго вечера суть не иное что, какъ продолжительный, медлен-

ный, и печальный разсвѣтъ безъ полудня: на небѣ ходятъ облака, на землѣ дѣлается грязно, воздухъ сыръ, и на душѣ такъ грустно, какъ на дворѣ мрачно и не погоже. Случается тоже и съ нравственнымъ разсвѣтомъ души человѣческой. Есть въ жизни обстоятельства, кои не столько проясняютъ душу, сколько набрасываютъ мрачный и тяжкій покровъ на умственное зрѣніе. Одно изъ таковыхъ обстоятельствъ очень знакомо тебѣ; горизонтъ жизни твоей почти на самомъ разсвѣтѣ задернутъ былъ страшною мглою. Какъ глубоко трогаютъ меня слова твои, относящіяся къ событію, очень памятному для всей нашей фамиліи! »Я »очень чувствую, пишешь ты, чего не достаетъ у меня — горестная »мысль! — не достаетъ того, что болѣе всѣхъ могло бы способствовать »къ исполненію всѣхъ моихъ желаній. Нѣтъ у меня отца!... Жизнь »наша слишкомъ скользка, чтобъ не опираясь на руку вѣрнаго водителя, »можно было ходить, не оступаясь.« Благоговѣю предъ этою святою, сыновнею горестію! Но милый другъ мой, ты долженъ знать, что въ душѣ человѣческой есть то, чего не имѣетъ великое свѣтило неба,—есть сила и рѣшительность свободной воли—не подчинять духа своего обстоятельствамъ жизни, есть умѣнье обращать и скорбные случаи въ свою пользу и отраду. Солнце, конечно, не можетъ разогнать мрака, когда съ моря и земли поднимутся густые пары къ небу, какъ наши грѣхи человѣческіе: но въ душѣ человѣка смыслящаго всегда найдутся такія идеи, кои могутъ проникать сквозь самый густой туманъ и прояснять самыя темныя стороны бытія человѣческаго. Не напрасно философы утверждаютъ, что человѣкъ есть царь природы, а тѣмъ болѣе владыка обстоятельствъ; въ этой мысли есть правда, хоть она для большей части людей представляется иперболою. Я не разсуждаю теперь съ тобою о пользѣ несчастій; а только хочу сказать, что онѣ неизбѣжны, и потому отнюдъ не могутъ быть гибельны, ибо Господь не для гибели создалъ человѣка и пустилъ его плавать по морю житейскому среди бурь и подводныхъ камней. Да, мой любезный философъ, бѣдствія неизбѣжны и отнюдь не новая вещь на землѣ,—на которой мы теперь живемъ съ тобою и которую не много не во время оставилъ твой покойный родитель. Ими свѣтъ начался, ими же и окончиться долженъ: для человѣка и большею частію отъ человѣка онѣ родятся, съ ними же человѣкъ и жить долженъ. Спроси у кого хочешь, кто ихъ не испыталъ? Кто на своемъ вѣку не терпѣлъ огорченій и муки душевной? Сравни прошедшее съ настоящимъ: тѣ ли

нынѣ живутъ люди, кои жили прежде? Тѣ ли города цвѣтутъ, кои процвѣтали въ старину? Тотъ ли это міръ, въ коемъ обитали, двигались подобно намъ, суетились наши предки? Суета, мой другъ, суета! Цѣлыя царства рухнули; какъ подмытая моремъ скала, потонули въ безднѣ времени; цѣлые народы безъ вѣсти пропали съ лица земли, такъ что и въ самыхъ древнѣйшихъ хроникахъ не отыщешъ никакого слѣда ихъ бытія; знатнѣйшіе и нѣкогда въ мірѣ счастливѣйшіе роды и фамиліи шли, шли да и сошли всѣ тудаже, откуда вышли — въ утробу общей нашей матери-земли, гдѣ съ недавняго времени покоится твой незабвенный родитель. Вотъ тебѣ и вся исторія ихъ! Вотъ книга бытія человѣча! Но среди такихъ всегдашнихъ перемѣнъ въ явленіяхъ міра, среди этого вѣчнаго прилива и отлива племенъ и народовъ, гдѣ каждый человѣкъ взятый порознь, изчезаетъ будто капля въ морѣ, есть нѣчто неизмѣнное, неразрушимое—это наша душа съ своимъ безсмертіемъ, это сильный характеръ мудреца съ его постоянствомъ, съ его твердою и рѣшительною волею, съ коими онъ при всеобщемъ колебаніи и движеніи окружающихъ его вещей остается одинъ и неподвиженъ, какъ скала, одинъ возвышается и виднѣетъ, какъ Александрова колонна, въ бурѣ и смятеніи мірскихъ приключеній. Римскій поэтъ видѣлъ такой неподвижный, несокрушимый характеръ, когда говорилъ: Justum... si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae. Ты говоришь: »примѣры величайшихъ мужей, опытнѣйшихъ въ искуствѣ жить, слишкомъ высоки, чтобъ имъ въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ я нахожусь, можно было подражать.« Правда; но высокимъ добродѣтелямъ должно обучаться именно въ молодыхъ лѣтахъ; но терпѣніе, великодушіе, героизмъ въ злополучіи, милый другъ мой, — неужели сіи великія слова не производятъ ни малѣйшаго дѣйствія на юную и пылкую душу твою? Не ужели не воспламенятъ сердца твоего благороднымъ честолюбіемъ? О, я слишкомъ унизилъ бы и свою мысль о тебѣ, и твое благородное сердце, еслибы призналъ въ тебѣ малодушіе и недостатокъ силы къ перенесенію своей доли, назначенной тебѣ небомъ!.... Еще разъ обращаюсь къ твоей грусти: кто во время и не попустому умѣетъ погрустить и поплакать, въ томъ есть доброе, невинное и вмѣстѣ сильное чувство; кто умѣетъ чувствовать, тотъ способенъ къ высокимъ и святымъ размышленіямъ; кому знакомы сіи размышленія, тому не чуждо святое упованіе на Промыслъ небесный; гдѣ есть упованіе, тамъ есть и терпѣніе и великодушіе, и этотъ

героизмъ въ злополучіи, который мнѣ такъ хочется вдохнуть и въ тебя. Когда я мысленно вижу на глазахъ твоихъ блистающую слезу, я обыкновенно тогда говорю себѣ: это святая вода, извѣстная только сердцу праведника, ибо злодѣи не плачутъ. Всевышній Отецъ человѣковъ, конечно, благословитъ ее и превратитъ въ благодатную росу, которая увлажитъ и освѣжитъ юную скорбящую душу моего друга, и которая возраститъ въ ней плодъ благородныхъ мыслей и образуетъ характеръ сильный и смѣлый на подвигъ мудрости и добродѣтели.

Довольно ли я занялся твоею душою? Теперь слова два о твоей философіи. Ты принимаешься за сей предметъ съ великими ожиданьями, съ безпокойствомъ юноши, стоящаго на порогѣ храмѣ необъятной природы и желающаго все видѣть, все чувствовать, все понять. Отъ сердца улыбаюсь, смотря на тебя; не знаю зрѣлища, болѣе любопытнаго и восхитительнаго, какъ то, которое представляетъ мнѣ молодой другъ мой, полный чистою страстію къ любовѣдѣнію. Но какъ искренній повѣренный твоего сердца, какъ человѣкъ, желающій тебѣ добра истиннаго, я долженъ, я почитаю полезнымъ указать тебѣ нѣкоторыя предосторожности на пути къ мудрости, предполагаемой тобою. 1. Неумѣренный жаръ скоро простываетъ; философія есть наука солидная, требующая мысли сильной, мѣрно и степенно подвигающейся впередъ; и такъ—*глубокое спокойствіе*, *тихій миръ душевный* есть самое лучшее и выгоднѣйшее расположеніе, которое долженъ сохранять искатель мудрости. 2. Великія надежды чаще всего сопровождаются великими неудачами; кто въ основаніи своей дѣятельности не полагаетъ *твердость* и *рѣшимость*, готовую вынесть съ равнодушіемъ самое лестное, но горько обманутое ожиданіе: тотъ получаетъ *досадное расположеніе духа*, дѣлается капризнымъ, слишкомъ взыскательнымъ, брюзгливымъ, ничѣмъ недовольнымъ. Это хуже всего; это можетъ случиться и съ тобою, ибо ты молодъ. Посему *твердость* и это *желѣзное терпѣніе*, которое тѣмъ болѣе крѣпнетъ, чѣмъ больше встрѣчаетъ холоду на пути къ великимъ цѣлямъ, должно быть вторымъ твоимъ характеромъ. 3. Философія предлагаетъ важнѣйшія, мудреныя задачи уму и сердцу; и такъ—*продолжительное и постоянное вниманіе*, *уединенное размышленіе*, *чтеніе хорошихъ книгъ*, *спокойная бесѣда*, не со школою (отъ школы нельзя много требовать) а съ добрымъ пріятелемъ; *обдуманное записываніе* пріобрѣтаемыхъ и размышленіемъ развиваемыхъ *дѣльныхъ мыслей*

есть лучшій для тебя методъ философическихъ занятій. 4. Часто, и при самомъ лучшемъ изученіи, успѣхи въ пріобрѣтеніи свѣдѣній кажутся мало замѣтными; это отъ того, что умъ, какъ и тѣло, возвышается и подростаетъ непримѣтно; и такъ не *горюй*, а *жди* съ благимъ упованіемъ, какъ ждетъ добрый земледѣлецъ честнаго плода отъ трудовъ своихъ. 5. Ты говоришь: »одно изъ пламеннѣйшихъ моихъ желаній »есть то, чтобы чрезъ философію выучиться жить такъ, какъ требуютъ »обстоятельства здѣшней жизни«. Прекрасное и благородное желаніе! Но наука мудрости есть цѣлая наша жизнь; обстоятельства жизни суть также задачи философскія, разрѣшаемыя не школою, а опытомъ. И такъ рѣшимость *быть мудрецомъ*, искать истины и добра во всю жизнь, а не въ продолженіи школьнаго курса — вотъ прямой плодъ философіи! 6. Ты, кажется, съ неудовольствіемъ смотришь на Баумейстера; напрасно, — это школьный предразсудокъ. Не забудь, что этотъ старикъ Баумейстеръ съ своею системою нѣкогда былъ наставникомъ цѣлой Европы и принесъ юношеству пользы можетъ быть несравненно болѣе, нежели всѣ новѣйшія высокопарныя системы. Правда, что онъ немного устарѣлъ: но Логика его все таки весьма полезна для молодыхъ людей. Я совѣтую тебѣ узнать и изучить оную, особенно Силлогистику, сколько можно, получше. *Не пренебрегай*, мой милый другъ, тѣмъ, что есть; увидишь, что найдешь пользу. 7. При слушаніи лекцій могутъ тебѣ встрѣчаться пункты неясные; предлагай мнѣ ихъ въ видѣ вопросовъ. Что могу, все сдѣлаю; если хочешь, пожалуй, заведи, со мною переписку ученую и назови ее хоть *письма къ другу о философіи*. Въ слѣдующемъ письмѣ къ тебѣ укажу Логики, кои съ пользою можно читать. Теперь прости, мой милый, мой любезнѣйшій братецъ и другъ. Впрочемъ мысль моя не прощается съ тобою; я думаю о тебѣ. Тебѣ преданный и усердный баккалавръ Академіи Я. Амфитеатровъ.

P. S. На твоей печати: Elle nous reunit; на моей будетъ: l'esprit, le pays, et l'éternité. Разгадаешь ли? здѣсь важная философская тайна. Конецъ: я въ Кіевѣ, гдѣ есть Академія... Что ты скажешь на это?

13-го Октября 1832 г.

Въ эту минуту, когда пишу къ тебѣ, милый другъ мой, окончилась недѣля, какъ я получилъ письмо твое; извини, что не много замедлилъ

отвѣтомъ; не охоты, не пламеннаго усердія не доставало у меня приняться за перо, но времени и свободы отъ занятій по моей должности. Ты можешь повѣрить, добрый братецъ мой, что бесѣда съ тобою есть одно изъ лучшихъ наслажденій души моей. Благодарю тебя за вопросы, кои ты предложилъ мнѣ; умненькій философъ, ты знаешь, какъ пріятно для меня наблюдать первый шагъ молодаго, жаждущаго познаній человѣка на поприщѣ истины. Теперь я сижу и уединенно размышляю, какъ бы мнѣ объяснить тебѣ со всевозможною понятностію тѣ предметы, коихъ значеніе и смыслъ ты желаешь постигнуть. Слушай же, другъ мой; я постараюсь сколько можно стать ближе къ твоей душѣ, и къ твоему, теперь еще не твердому, образу воззрѣнія на предметы Философіи.

Первый вопросъ: *что такое идея?*— вопросъ весьма важный; имя и ученіе объ идеяхъ изобрѣлъ Платонъ, и сіе ученіе составляетъ у него глубочайшую тайну Философіи. Простой, буквальный смыслъ слова: *идея есть = образъ, видъ, видѣніе*— *εἶδη*, по Цицеронову весьма удачному переводу: species тоже видъ или образъ какого бы то ни было предмета, но видѣніе не посредствомъ простаго физическаго нашего глаза, а видѣніе посредствомъ ума нашего. Вотъ видишь, другъ мой: мы смотримъ на предметы двояко: a) простыми тѣлесными глазами и b) внутреннимъ духовнымъ глазомъ или окомъ ума нашего; далѣе — всякій предметъ, на который мы смотримъ, имѣетъ также двоякую сторону: a) внѣшнюю, b) внутреннюю. Внѣшнюю сторону предмета, внѣшній образъ или видъ его мы познаемъ посредствомъ тѣлеснаго глаза; внутреннюю *стараемся* постигнуть окомъ ума; внѣшній образъ предмета, коль скоро мы видимъ его предъ собою, — для насъ вѣренъ, ясенъ такъ, что сей самый предметъ, на который мы смотримъ, въ тоже время легко можемъ отличить отъ всѣхъ другихъ предметовъ; представь себѣ, что мы также ясно, также вѣрно и безошибочно постигаемъ умомъ нашимъ и внутреннюю сторону, внутренній видъ или образъ того же предмета:—тогда это *вѣрное и безошибочное наше постиженіе внутренней стороны* или сущности обозрѣваемаго нами *предмета* будетъ *идея.* Короче: что для физическаго глаза есть внѣшній видъ предмета, тоже точно и для ума нашего есть внутренній видъ или идея сего предмета; различіе только въ томъ, что въ глазѣ нашемъ рисуется образъ какой бы то ни было вещи такъ, какъ она является намъ, а въ умѣ сія же вещь должна представляться такъ, какъ она есть сама въ себѣ, по своей внутренней,

постоянной и неизмѣнной природѣ. Почему и говорятъ, что *идея есть представленіе вещи или предмета такъ, какъ онъ въ себѣ есть*=idea est repraesentatio rei, uti in se est. Внѣшняя сторона предметовъ, то есть форма, цвѣтъ, расположеніе частей — все, что мы видимъ въ сихъ предметахъ нашими тѣлесными очами, или понимаемъ другими внѣшними нашими чувствами, напримѣръ, осязаніемъ, вкусомъ, обоняніемъ, — эта, говорю, наружная сторона предметовъ называется у философовъ *феноменомъ* = явленіемъ опыта. Внутренняя сторона вещей, то есть, основныя причины ихъ бытія, законы, по коимъ сіи вещи образовались, условія, коими необходимо опредѣляется подлинная сущность ихъ, — все то, почему какая либо вещь есть *именно сія вещь*, а не другая, почему она имѣетъ сіи, а не другія свойства, почему не можетъ измѣнить своихъ свойствъ безъ того, чтобы вовсе не уничтожиться,—вся эта сторона вещей именуется *ноуменомъ*, то есть мыслимымъ, умопостигаемымъ въ вещи, или что тоже: *идея*, которой философъ доискивается въ изслѣдуемомъ предметѣ не внѣшними чувствами, а умомъ.

Объясню тебѣ примѣромъ мои положенія. Положимъ, что, получивъ мое письмо, ты смотришь на часы, дабы узнать, въ какомъ часу оно попало тебѣ въ руки. Теперь оставь письмо и обрати вниманіе на *часы:* что ты видишь въ этомъ предметѣ, который называемъ *часами?* Сперва внѣшнюю, наружную сторону, то есть, ты замѣчаешь ихъ форму; глаза твои сказываютъ тебѣ, что твои карманные часы *круглы*, *выпуклы*, имѣютъ извѣстный *цвѣтъ* и *величину;* слухъ твой понимаетъ и извѣщаетъ тебя о *біеніи* маятника въ часахъ; осязаніе увѣряетъ, что они имѣютъ *твердость* и *упругость*, что они могутъ быть *теплы* или *холодны* и такъ далѣе. Сіи и другіе внѣшніе признаки соедини въ одно,—и ты составишь себѣ понятіе о *явленіи*—феноменъ, то есть, объ образѣ, въ какомъ *показывается* тебѣ предметъ, именуемый *часами.*

Далѣе—замѣтивъ хорошо наружный образъ или видъ часовъ, все ли ты узналъ? совершенно ли понялъ эту хитрую, удивительную машинку? Нѣтъ, ты можешь *отличить* ее отъ всѣхъ другихъ предметовъ, можешь вѣрно описать ея внѣшніе признаки; можешь увѣрить себя, что эта машинка, которую держишь въ рукахъ, есть точно *часы*, а не мое письмо, не книга, не столъ и т. п. Но у тебя все еще остаются весьма важные вопросы: что такое часы въ самомъ дѣлѣ? Отъ чего они такъ хитро дѣйствуютъ? Какъ они устроены? По какимъ законамъ художникъ

образовалъ ихъ внутренній составъ? Что за умъ, что за соображеніе было у мастера, когда онъ придумывалъ расположеніе и части этой машины? За чѣмъ въ ней необходимы колесца, пружины, волоски? Почему имъ надлежало быть такъ, а не иначе устроенными? Почему каждая изъ частей поставлена здѣсь именно, а не на другомъ мѣстѣ? Отъ чего, перемѣнивъ или уничтоживъ такую или другую пружину, твои часы по необходимости станутъ или испортятся? Отвѣть на всѣ сіи вопросы, постигни мысль художника въ малѣйшихъ ея подробностяхъ такъ ясно и вѣрно, какъ будто видишь ты ее своими глазами, познай весь механизмъ часовъ такъ, какъ будто ты самъ творецъ и изобрѣтатель ихъ, какъ будто самъ ихъ выдумалъ и умѣешь сдѣлать: тогда ты понялъ *внутреннюю сторону* или *подлинную сущность* часовъ; а умственное представленіе твое сей сущности будетъ не иное что, какъ *ноуменъ* или *идея* часовъ.

Послѣ сего я увѣренъ, что ты, милый другъ мой, не сведещь съ часовъ своихъ глазъ; они сдѣлались для тебя эмблемою идей, и ихъ примѣръ, ихъ устройство можешь ты приложить ко всѣмъ или по крайней мѣрѣ къ весьма многимъ предметамъ философіи. Во всѣхъ предметахъ, также какъ въ часахъ, найдешь ты внѣшнюю сторону—феноменъ, образъ, и во всѣхъ будешь отыскивать также, какъ въ часахъ, внутреннюю сторону предмета—идею предмета, и только отыскавъ сію послѣднюю, умъ твой успокоится.

Но хорошо ли ты понялъ меня? Чтобы понятіе объ идеѣ еще легче представить тебѣ и лучшее усвоить, я повторю мои положенія: a) *идея* называется *образъ* или *видъ*, подъ коимъ умъ нашъ представляетъ себѣ внутреннюю сущность какого бы то ни было предмета, потому что въ ней отражается сія сущность предмета точно также, какъ образъ видимый, матеріальный предмета отражается въ нашемъ тѣлесномъ глазѣ. b) *Идея* называется *представленіе* предмета такъ, какъ онъ самъ въ себѣ есть всегда одинаковъ, постояненъ и неизмѣненъ. Это значитъ, что мы, если идея наша полна и совершенна, созерцаемъ внутреннюю сторону предмета, его сущность такъ, какъ созерцаетъ ее Умъ Высочайшій, какъ видитъ оную самъ Богъ, Творецъ сущности вещей, и что другое какое либо созерцаніе сей сущности вовсе ни для кого невозможно — ни для человѣка, ни для ангела, ни даже для самаго Бога — Вѣчной и Безпредѣльной мудрости. Такъ, напримѣръ, мы представляемъ

себѣ Бога подъ *идеею единства*, то есть, что Богъ есть единъ, и нѣтъ Бога кромѣ Бога, и наше представленіе такъ вѣрно, что всякое другое представленіе, кромѣ *идеи единства*, вовсе ни для кого невозможно. Почему? По слѣдующимъ причинамъ: a) что такое Богъ? Существо Безконечно — совершенное, такое, что въ Немъ соединено все, что есть и можетъ быть высочайшаго, прекраснѣйшаго, святѣйшаго, могущественнѣйшаго и соединено въ безпредѣльной степени, такъ что нельзя ничего ни придумать, ни вообразить, чего бы не было въ Немъ, и что совершенствъ Его не можно ни изчислить, ни измѣрить, ни опредѣлить. Вотъ *основная идея*, въ коей разумъ нашъ силится созерцать Господа своего. Теперь на основаніи сей идеи суди о единствѣ Божіемъ; представь, что боговъ много, тогда ты будешь умозаключать такъ: если боговъ много, то сіи боги a) или неравны между собою или же b) равны. Если они неравны: то одни изъ нихъ болѣе совершенны, другіе менѣе; другое понятіе о неравенствѣ невозможно. Далѣе—тѣ боги, кои имѣютъ низшее совершенство, очевидно, не будутъ боги въ отношеніи къ богамъ, имѣющимъ высшее совершенство: ибо первые необходимо будутъ зависѣть отъ послѣднихъ. Далѣе — сіи боги, имѣющіе высшее совершенство, опять должны различаться степенями совершенства; опять одни изъ нихъ должны быть выше, другіе ниже, слѣдовательно опять одни изъ нихъ не будутъ боги. Дѣли же ихъ на сколько угодно степеней, но ты ни до чего болѣе не дойдешь, какъ только до заключенія, что или быть не можетъ много боговъ, а долженъ быть необходимо только одинъ Богъ, или если ихъ много, то всѣ они должны быть одинаково совершенны, равно безконечны. Разсматривай сіе второе заключеніе, то есть, что боги всѣ совершенно равны: тогда у тебя выйдетъ два силлогизма: *первый*,—если всѣ боги совершенно равны, то ихъ ничѣмъ нельзя различить одного отъ другаго; если ничѣмъ нельзя различить, то ихъ не много, а одинъ Богъ. Слѣдствіе вышло нелѣпое, ибо мы представляемъ вмѣстѣ и *многое* и *одно;* воображаемъ и *многіе* предметы, и вмѣстѣ сіи многіе предметы суть для насъ *одинъ* предметъ, то есть, мы утверждаемъ, что 2 + 2 составляютъ 4, и вмѣстѣ допускаемъ, что 2 + 2 не 4 а 1, или, что бѣлое есть вмѣстѣ и бѣло и черно. Отсюда и вышло знаменитое Лейбницево положеніе: duo perfecte similia non dantur. *Второй*,—если всѣ боги равны между собою, то они другъ друга ограничиваютъ, то они не безконечны; если не безконечны, то всѣ они

не боги, ибо истинная идея совершеннаго единства въ Богѣ исключаетъ всякую ограниченность; далѣе—если они не безконечны, то не всемогущи, не всесовершенны, слѣдовательно, опять они не боги: ибо истинная идея о Богѣ необходимо полагаетъ въ Немъ всемогущество и всесовершенство. И такъ какое заключеніе остается для ума нашего вѣрнымъ и безусловнымъ? То, что Богъ есть Единъ, и многихъ боговъ быть не можетъ. Отсюда представленіе о единствѣ Божіемъ есть чистая идея такъ, что инымъ образомъ и совершеннѣе никто не можетъ ее представить себѣ— ни философъ, ни ангелъ, никакой умъ во вселенной. И ты можешь видѣть какъ ошибались бѣдные язычники, кои допускали многобожіе.

Объясню тебѣ инымъ образомъ, что такое идея. Она есть *внутренняя форма* духа нашего, *модель*, *образчикъ* (exemplar по Платону) или *первообразъ* = прототипъ, по коему мыслящій духъ человѣческій производитъ что либо. Такъ, напримѣръ, тебѣ нужно писать о чемъ бы то ни было разсужденіе: что въ такомъ случаѣ ты сначала дѣлаешь? Сперва *стараешься понять* данное тебѣ *предложеніе* и *предметъ*, въ немъ заключающійся; потомъ *обдумываешь, какъ и чѣмъ доказать* оный, *разсматриваешь различныя стороны* твоего предмета, сравниваешь черты онаго. Наконецъ *пріискиваешь* въ душѣ *планъ* или расположеніе, какъ бы разсортировать найденныя тобою черты предмета, разставить ихъ по своимъ мѣстамъ, чтобы все твое разсужденіе представляло нѣчто цѣлое, полное, правильное, гармоническое. Теперь, если ты въ умѣ все хорошо придумалъ: то у тебя составился *умственный образецъ* или *модель* для твоего разсужденія; эта модель и есть не что иное, какъ *идея*. Когда ты берешься за перо, и пишешь: то твое писаніе, твои слова и выраженія суть не иное что, какъ внѣшняя, *матеріальная форма*, выливающаяся по твоему *умственному образцу*, по твоей *идеѣ;* и потому твое уже написанное сочиненіе есть не иное что, какъ *видимое проявленіе* твоей идеи, *оттискъ* твоего первообраза, который есть твоя идея.

Этимъ я оканчиваю письмо мое; извини, милый другъ мой, что пишу не аккуратно. Ужасно спѣшу, чтобъ не пропустить почты и не заставить тебя долго ожидать. Для лучшаго выраженія моихъ мыслей не достало у меня времени. Въ слѣдующемъ письмѣ я буду разсуждать съ тобою о различіи *идеи* отъ *понятія*, *о характерѣ* идей, о ихъ *врожденности*, или о томъ, что основаніе ихъ лежитъ въ нашемъ духѣ

и проч. Теперь пока удовольствуйся, любезнѣйшій мой философъ, тѣмъ, что успѣлъ я написать тебѣ. Прости, мой сердечный другъ. Твой весь б. Я. Амфитеатровъ.

28-го Декабря 1832 г.

. . . . . И теперь, какъ и всегда, я долженъ оправдываться и извиняться въ медленности моихъ отвѣтовъ на твои письма; я очень зналъ, что ты будешь скучать и досадовать на меня за мое молчаніе. Изъ медленности моей ты можешь извлечь доказательство, между прочимъ, на ту непреложную, правда, бѣдную, но вмѣстѣ съ тѣмъ префилософскую истину, что человѣкъ—то самъ по себѣ ограниченъ, что при всемъ своемъ притязаніи на великія нравственныя и физическія совершенства въ идеѣ, онъ все таки на опытѣ есть не болѣе, какъ слабый и скудельный сосудъ; что онъ замышляетъ многое, хотѣлъ бы сдѣлать многое, но въ самомъ дѣлѣ исполняетъ мало, исполняетъ такъ, какъ предписываютъ ему обстоятельства, часто даже мелочныя, по видимому, не стоющія вниманія. Такъ-то, милый другъ мой, и съ нами случилось! Мы съ тобою начали разсуждать объ *идеяхъ;* но какъ же разсуждали? Ты предложилъ мнѣ важнѣйшіе вопросы; я сталъ отвѣчать на оные, то есть, я написалъ тебѣ неполный отвѣтъ на одинъ только изъ твоихъ вопросовъ, — и вотъ уже мѣсяца три, если не болѣе, молчу; утомляю тебя ожиданіями, провожу обѣщаніями, а исполненія все таки нѣтъ. Не правда ли, молодой философъ мой, что это скучно и жалостно? И не мы одни такъ поступаемъ; если правду сказать,

Такъ вѣдь на насъ весь свѣтъ похожъ;
Кто сколько мудростью ни знатенъ,
Но всякій человѣкъ есть ложь.

Сущую истину говоритъ поэтъ! Умершіе и живые философы всегда кормили народъ болѣе обѣщаніями, нежели исполненіемъ того, что обѣщали. Я могъ бы указать тебѣ на множество примѣровъ, подтверждающихъ мои слова: но дѣло само собою ясно и истинно. Вотъ тебѣ и оправданіе мое! Между тѣмъ въ слѣдующемъ письмѣ ты, надѣюсь, скоро получишь прерванное недосугами и другими занятіями по моей должно-

сти размышленіе о твоихъ идеяхъ..... Я тебѣ совѣтовалъ когда-то заниматься французскимъ языкомъ; теперь же совѣтую еще знакомиться и съ нѣмецкимъ: ибо въ наше время вся ученость философская заключается у нѣмецкихъ писателей и также французскихъ..... Ты напрасно думаешь, что твое требованіе у меня лекцій нашего.... можетъ оскорбить меня. Напротивъ, я рѣшился уже доставить тебѣ случай и удовольствіе читать оныя лекціи. Только не думаю, чтобъ онѣ были полезны тебѣ столько, сколько ты отъ нихъ надѣешься: тамъ объ идеяхъ мало разсуждаютъ. Притомъ.... не выдаетъ своихъ записокъ; онъ только говоритъ въ классѣ, а студенты со словъ его составляютъ по своему произволу то, что ты называешь лекціями. Правда, что онѣ очень хороши: но ты можешь себѣ представить, что слушатели никакъ не удержатъ въ памяти всего того, что имъ говорилось съ каѳедры академической.

P. S. Благодарю тебя отъ всей души за присланнаго мнѣ Орланда. Не будетъ ли у тебя продолженія? Крайне скучно, когда читаешь этотъ превосходный романъ по частямъ; ждешь не дождешься конца; завязка такъ любопытна. Будь здоровъ, мой милый братецъ. Твой другъ и братъ Я. Амфитеатровъ.

12-го Марта 1833 года.

Ахъ, какъ же я отсталъ! Вотъ еще письмо отъ тебя, и вмѣстѣ съ сумасшедшимъ Орландомъ; а я все еще медлю, все не исполняю моего священнаго въ отношеніи къ тебѣ долга. Право, мнѣ такъ стыдно, такъ стыдно передъ тобою! Но что дѣлать, — извиняй меня, Бога ради; не знаешь ты, мой другъ, какъ трудны бываютъ подъ часъ мои обстоятольства,—извиняй, говорю, и ни въ какомъ случаѣ не приходи къ той мысли, чтобы я тебя забылъ, или не захотѣлъ по возможности удовлетворять твоей святой охотѣ къ познаніямъ. Вѣрь мнѣ, что дорога и сладостна для души моей и твоя жажда къ просвѣщенію, и твоя ко мнѣ довѣренность, и моя къ тебѣ любовь, и, если хочешь, уваженіе.... Одно письмо къ тебѣ объ идеяхъ я началъ было еще подъ новый годъ; но оставилъ, не кончилъ, за недосугами, за развлеченіемъ пустымъ, но необходимымъ въ быту житейскомъ, — и теперь долго рывшись въ бумагахъ своихъ, не нашелъ онаго. Почему и принимаюсь за новое.

Тебѣ хочется знать, *какое различіе между идеей и понятіемъ* (conceptus). Милый другъ мой, это опредѣлить не трудно. Я сказалъ бы тебѣ: такое же, какое между *сущностію* вещи (noumenon) и ея явленіемъ (phaenomenon), то есть, что понятія сообщаютъ намъ однѣ *общія, поверхностныя, чувственныя* познанія о вещахъ, а идеи даютъ вѣдѣніе полное, дѣйствительное, существенное: но для большей ясности и раздѣльности представленія я разберу тебѣ вопросъ о различіи идей и понятій нѣсколько подробнѣе.

Первое различіе, существующее между *понятіемъ* (conceptus) и идеей, явствуетъ изъ самаго опредѣленія,—что такое идея, и что понятіе. Идея, какъ я прежде говорилъ тебѣ, есть представленіе вещи самой въ себѣ, есть вѣдѣніе внутренней природы ея такое, что получивъ оное, мы уже не спрашиваемъ болѣе, что такое эта вещь или предметъ? Ибо мы ее совершенно знаемъ, такъ какъ будто бы мы сами оную создали. Понятіе, напротивъ, есть представленіе вещи такъ, какъ она кажется намъ, какъ наши чувства предлагаютъ ее нашей душѣ къ разсмотрѣнію. Легко представить себѣ, мой другъ, что не все одно и тоже—*знать вещи или предметы совершенно*, то есть, умѣть постигнуть *начала*, изъ коихъ они образуются, *законы*, по коимъ образуются, *образъ*, или, какъ говорятъ философы, *процессъ*, какъ они образуются; почему какой либо предметъ есть именно сей, а не другой предметъ; почему онъ является именно въ это время, а не другое; какая связь и отношеніе его къ другимъ предметамъ; какое существенное назначеніе и т п—и *знать вещи поверхностно*, то есть, понимать одну ихъ кору или *наружность*. Въ первомъ случаѣ мыслящій духъ нашъ есть въ извѣстномъ отношеніи художникъ и творецъ, который знаетъ, какъ и почему что бываетъ и быть должно; во второмъ онъ есть не болѣе, какъ зритель, который выходитъ на великое зрѣлище вселенной, видитъ, что вкругъ него происходитъ, видитъ безчисленное множество явленій, перемѣнъ, рожденій и изчезаній, но вовсе не постигаетъ, какъ, для чего и къ чему все это. Въ первомъ случаѣ онъ живетъ и питается идеями, вѣдѣніемъ чистымъ, или, по выраженію философовъ, *абсолютнымъ* и безусловнымъ; во второмъ—руководствуется и собираетъ однѣ понятія. Конечно, и понятія даютъ намъ многое разумѣть въ вещахъ, изображаютъ ихъ видъ или форму, разлагаютъ на части, учатъ насъ точно различать одинъ предметъ отъ другаго: но все это познаніе основывается на однихъ

внѣшнихъ признакахъ (nota), на однихъ дѣйствіяхъ видимыхъ; такъ что получивши *понятіе* о предметѣ, мы еще не знаемъ, что такое сей предметъ есть *дѣйствительно* (in se). Напримѣръ, читая мое письмо, ты приводишь на мысль меня. Что такое я для тебя? Ты отвѣчаешь общимъ названіемъ: *человѣкъ*,— это будетъ твое *понятіе* (conceptus) обо мнѣ, какъ предметѣ твоей настоящей мысли. Но много ли сіе понятіе сообщаетъ тебѣ свѣдѣній о человѣкѣ вообще? Разсуждая о человѣкѣ *въ отношеніи къ его виду* или стану, можемъ съ тобою сказать, что онъ имѣетъ такую и такую форму и фигуру, что онъ не есть ни звѣрь, ни птица, на насѣкомое, ни растеніе, ни металлъ, и такъ далѣе,—но есть существо отличное отъ всѣхъ другихъ, нами видимыхъ; въ отношеніи къ *дѣйствіямъ его* мы говоримъ, что онъ есть существо разумное или глупое, доброе или злое, свободное, иногда невольное, богатое или бѣдное и проч. Но разсуждая такимъ образомъ, получили ль мы вѣрное познаніе о человѣкѣ? Не осталось ли у насъ никакихъ болѣе вопросовъ о немъ? Вполнѣ ли мы изслѣдовали и объяснили его природу? Хотя бы мы къ симъ признакамъ присовокупили еще много другихъ, присовокупили всѣ, какіе доселѣ открыты философами;—думаешь ли ты, что мы совершенно поняли бы это дивное существо, каковъ есть человѣкъ? Думаешь ли ты, что духъ нашъ рѣшительно успокоился бы и не сталъ ни о чемъ болѣе спрашивать, поколику пріобрѣлъ ясное и полное вѣдѣніе о разсуждаемомъ предметѣ? Нѣтъ, милый другъ мой; доколѣ мы судимъ о человѣкѣ по однимъ *понятіямъ*, дотолѣ онъ остается и останется для насъ неразрѣшимою загадкою. Чтобы совершенно постигнуть нашу человѣческую природу, надлежало бы представить человѣка въ *идеѣ*—тогда все было бы для насъ ясно. Но этого, скажу мимоходомъ, ни я, ни ты, и никто изъ философовъ, благодареніе Богу, доселѣ не могъ сдѣлать.... Надѣюсь, что ты понимаешь теперь *различіе между идеей и понятіемъ*, основанное на опредѣленіи или лучше, сущности того и другой. Обращаюсь къ иному признаку различія.

Второе различіе изслѣдуемыхъ нами съ тобою предметовъ основывается на источникѣ или *началѣ происхожденія* оныхъ. Думаю, тебѣ извѣстно, что всѣ наши *понятія* бытіемъ своимъ одолжены *опыту* и *чувствамъ;* почему и называются онѣ вообще *опытными* или *эмпирическими, чувственными* (sensitivi), *наглядными* или *созерцательными*

(conceptus intuitivi); а сумма познаній, составляемая изъ сихъ понятій, именуется познаніемъ *чувственнымъ* или *опытнымъ* (cognitio empirica). Для полученія понятій непремѣнно нуженъ сперва предметъ и большею частію физическій, или, какъ выражается новѣйшая школа, *данное* и *фактъ*, то есть, нѣчто существующее въ опытѣ и доступное нашимъ тѣлеснымъ органамъ, или же *чувству внутреннему*. Если нѣтъ предмета, нѣтъ и понятія; если чего нѣтъ въ предметѣ, того нѣтъ и въ понятіи; если наконецъ для предмета нѣтъ у насъ чувства или органа, то опять нѣтъ и понятія о предметѣ, хотя бы самый предметъ и существовалъ. Такъ напримѣръ, у меня отъ природы нѣтъ обонянія, и потому я, проживъ тридцать лѣтъ на земли между благовоніями и зловоніями, доселѣ не имѣю на какого *понятія* о запахѣ. Говорятъ; роза пахнетъ прекрасно, табакъ дурно, — но для меня все равно. Отсюда происходитъ оное старинное философское положена: nil fit in intellectu, quod non prius sit in sensu,—положеніе, которое годится для однихъ только понятій смысла (intellectus), а не идей ума (ratio). Идеи напротивъ порождаются независимо отъ чувствъ и даже опыта; бытіемъ своимъ онѣ одолжены бываютъ такъ называемой *чистой самодѣятельности и творческой силѣ духа;* конечно, и здѣсь нужно бываетъ *данное* или предметъ: но сіе *данное* вовсе не служитъ основою для идеи; оно только пробуждаетъ ее, и она въ такомъ случаѣ не есть списокъ или копія съ предмета, какъ понятіе; напротивъ, самый предметъ ей подчиняется; она переработываетъ оный, разлагаетъ, уясняетъ такъ, что не предметъ для нея, а оно для предмета становится *первообразомъ* или *моделью*. Объясню тебѣ это примѣромъ. Мы говоримъ; человѣкъ смертенъ. Почему это мы знаемъ? Откуда родилась у насъ сія истина? Отъ опыта, отъ чувствъ; мы видимъ, что люди предъ нашими глазами живутъ — живутъ и умираютъ; слышимъ печальный звонъ погребальнаго колокола; съ грустію, мой другъ, посѣщаемъ могилу, гдѣ покоится безцѣнный прахъ... . Такимъ образомъ *мысль о смертности* есть *понятіе*, ибо она бытіемъ своимъ одолжена опыту и чувствамъ. Но мы же говоримъ: человѣкъ безсмертенъ. Откуда эта истина образовалась? Она не могла произойти ни отъ опыта, ни отъ чувствъ: ибо они вовсе не сказываютъ намъ, что бываетъ и куда дѣваются покойники, коихъ мы опущаемъ въ могилу. Она не есть истина просто *историческая;* ибо историческаго происхожденія оной обьяснить нельзя. И такъ она есть

внутреннее, полное убѣжденіе ума нашего, созерцающаго, хоть не ясно, природу человѣческую въ идеѣ; есть свободное твореніе духа, сознающаго свою самостоятельность не только временную, но болѣе вѣчную. Отсюда *мысль о безсмертіи* не есть *понятіе*, а есть *идея*: ибо она порождена не чувствами и не отъ чувствъ, но есть проявленіе высшаго, духовнѣйшаго сознанія *нашего я*, или нашего свободно—мыслящаго духа.

Третіе различіе между понятіями и идеями можемъ мы находить въ *различномъ способѣ образованія* тѣхъ и другихъ. Какъ составляются наши понятія о вещахъ? Рѣшеніе сего вопроса, безъ сомнѣнія, тебѣ извѣстно послѣ того, какъ ты познакомился съ Логикою, въ коей онъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ задачъ. Впрочемъ, не опасаясь обременить тебя, я предложу свои мысли о способѣ образованія понятій. Послушай, милый другъ мой.

Представь себѣ нѣкое дивное существо, въ высшей степени одаренное тонкимъ сознаніемъ (conscientia sui ipsius) и *чуткостію*, — существо, обладающее силою мыслительною, существо, умѣющее *осмотрѣть* предметъ, *обсудить*, *разобрать* и *произнесть* объ ономъ рѣшительный *приговоръ*, или какъ говорятъ логики, подвести подъ извѣстную *категорію*, которая, скажу мимоходомъ, точь въ точь означаетъ *судейскій приговоръ*. Вообрази далѣе, что это дивное существо находится заключеннымъ въ нѣкоей тоже дивной комнатѣ, или лучше, палатѣ, какъ зритель и судія; что въ сей палатѣ есть множество свѣтлыхъ, подобныхъ стекламъ удивительной работы отверстій, между коими пять почитаются главными; далѣе — что вся сія палата устроена изъ самыхъ нѣжнѣйшихъ, благороднѣйшихъ, одаренныхъ высочайшею степенью раздражительности пружиновъ или лучше, *эластическихъ*, то есть, упругихъ, натянутыхъ, напряженныхъ струнъ, звучащихъ и играющихъ весьма стройно, коль скоро на нихъ что нибудь подѣйствуетъ или прикоснется къ нимъ *совнѣ* или *снутри*, также точно, какъ на твоихъ гусляхъ, когда къ ихъ струнамъ касаются твои персты,—играющихъ, говорю, сообразно свойству и устроенію предметовъ, дѣйствующихъ на оныя, Наконецъ подумай, что передъ сею дивною палатою вѣчно толпится безконечное множество другихъ существъ, безконечно разнообразныхъ и чудныхъ, вѣчно вращающихся, живыхъ, движущихся или безмолвно стоящихъ, великихъ или малыхъ, прекрасныхъ, восхитительныхъ или несо-

всѣмъ пріятныхъ, какбы угрюмыхъ, суровыхъ и враждебныхъ, но тѣмъ не менѣе удивительныхъ по своей природѣ и устройству.

Ты, вѣрно, понялъ уже, что это дивное существо, одаренное *самосознаніемъ* и *силою* мышленія и ожиданія, есть наша *безсмертная* и *умная душа*, къ коей, какъ къ царю и судіи на показъ и для рѣшенія *представляются* предметы (repraesentatio objecti); что эта чудная палата, въ коей заключенъ духъ нашъ, есть наше *тѣло*, которое *представляетъ душѣ предметы* для суда, и которое несовсѣмъ кстати нѣкоторые философы и богословы называютъ темницею, узилищемъ и другими непристойными именами, явно означающими неблагодарность къ Творцу и невѣжество касательно высочайшей премудрости Божіей, у коей все, что ни создано, создано *добро зѣло*, особенно человѣческое тѣло, обитель и святилище души; что наконецъ безконечная толпа другихъ существъ, стоящая у сей палаты, есть міръ явленій,—тотъ самый міръ, въ которомъ мы живемъ съ тобою, который мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, обоняемъ и ощущаемъ, — тотъ міръ, съ которымъ мы связаны не только всѣмъ тѣломъ *вообще*, но и каждымъ членомъ онаго *въ частности*, каждою струною, или по выраженію физіологовъ, каждою фиброю и нервомъ, каждою малѣйшею точкою нашей матеріальной природы, — тотъ міръ, другъ мой, въ коемъ каждый предметъ силится протѣсниться въ нашу душу, желаетъ быть ей *представленъ* и получить себѣ имя, значеніе, степень въ ряду другихъ предметовъ,—получить, говорю, отъ ея суда и рѣшенія.

Любезный другъ мой! Изъ сихъ предварительныхъ понятій, которыя за нужное почелъ я изъяснить тебѣ, ты легко можешь представить себѣ, какъ много труда, усилія и хлопотъ предлежитъ душѣ въ обхожденіи съ предметами, на нее дѣйствующими; сколько потребно внимательности, смѣтливости и вѣрности въ соображеніи, чтобы всю эту безконечную громаду явленій, какъ море, волнующихся передъ душею, правильно разобрать, разсортировать, распредѣлить по родамъ и видамъ, по формѣ и способу дѣйствованія, и всему назначить свое мѣсто, свой чинъ и достоинство. Какъ же поступаетъ въ такомъ случаѣ наша душа? Какъ разбираетъ она предметы и *составляетъ* объ нихъ свои *понятія? Душа ведетъ процессъ* или *тяжбу съ предметами*. Здѣсь все совершается почти также точно, какъ въ судейской палатѣ, какъ въ верховномъ Государственномъ или въ другомъ какомъ либо мудромъ совѣтѣ. Здѣсь

есть свой a) *судія*,—наша душа, какъ я сказалъ прежде, дѣйствующая въ семъ случаѣ не всѣмъ существомъ своимъ, но столь извѣстною въ Логикахъ и Психологіяхъ и столь мало еще изслѣдованною и опредѣленною философами, силою *разсудка* или *смысла* (intellectus); b) есть свои *истцы* или *подсудимые*,—предметы въ явленіи; c) есть свои *докладчики* и частію *адвокаты*, то есть, ходатаи по дѣламъ—это наши *чувства* и вообще, *чувственность* (sensualitas); d) свои *писцы* или *копіисты*,—это наше *воображеніе;* e) своя *форма суда*, коею ведется процессъ,—это *форма пространства и времени*, общая, необходимая, безъ коей ни одинъ предметъ не можетъ и не смѣетъ явиться къ душѣ; f) свое *рѣшеніе суда* или резолюція, — это *категоріи*, къ коимъ въ обширномъ смыслѣ должно отнести *роды* (genus) и *виды* (species), — рѣшенія обыкновенно выражаемыя такъ: такое-то понятіе по дѣлу причислить къ такой-то категоріи, напримѣръ, въ разсужденіи количества къ категоріи *единства*, въ разсужденіи качества къ категоріи *положенія* или *отрицанія* и проч. или: такой-то предметъ отнести къ такому-то *роду* и *виду* и проч. Здѣсь, говорю, g) есть свой *архивъ*, гдѣ хранятся дѣла для справокъ,—это наша *память*, гдѣ душа, какъ въ магазинѣ, складываетъ полученныя о предметахъ свѣдѣнія, для востребованія, по производству дѣла новыхъ, еще неизвѣстныхъ и въ первый разъ явившихся ей существъ. Здѣсь наконецъ h) есть свой закономъ установленный *порядокъ производства дѣлъ*, свои *засѣданія*, свои *инстанціи* суда,—это тѣ *акты*, или по просту, *дѣйствія*, кои происходятъ въ душѣ до окончательнаго рѣшенія или произнесенія своего мнѣнія о предметахъ. Разсмотрѣть сіи *акты*, сіи *инстанціи* — значитъ показать и изложить *способъ*, какъ составляются наши понятія о вещахъ,—къ чему я и приступаю теперь.

I. Я уже замѣтилъ, что для составленія понятія прежде всего нужно *данное*, или предметъ какой бы то ни было, — положимъ, мое теперешнее *письмо* къ тебѣ, и первое, что требуется со стороны предмета, ищущаго доступа къ душѣ, есть *дѣйствіе* онаго на чувства, то есть, предметъ долженъ коснуться или всей нашей чувственной природы, или преимущественно одного какого нибудь органа, какъ напримѣръ, письмо преимущественно относится къ зрѣнію. Такъ совершается первый актъ или первая точка, съ коей должно начинаться наше мышленіе, называемое *впечатлѣніемъ* (impressio). Симъ первымъ актомъ почти точь

въ точь выражается извѣстная въ судахъ или переднихъ формула: »доложить обо мнѣ NN. господину«; то есть, сей актъ въ самомъ началѣ мало самъ по себѣ представляетъ намъ точнаго и опредѣленнаго; онъ только даетъ намъ знать, что нѣкоторый предметъ, что-то такое, отличное отъ насъ самихъ, присуще нашимъ чувствамъ и темному сознанію; но что это такое именно, какой собственно этотъ предметъ, произведшій на насъ впечатлѣніе,—этого еще не постигаютъ ни чувства, кои должны объ немъ *докладывать* душѣ, ни душа, которая не получила еще надлежащаго доклада. Конечно, впечатлѣнія могутъ быть слабыя или сильныя, смотря потому, тихо ли и мирно предметъ дѣйствуетъ на чувства, или онъ, какъ буря, какъ разъяренная волна, стремится протѣсниться въ нашу душу; могутъ быть пріятныя или непріятныя, смотря потому, подъ благовидною или уродливою формою предметъ желаетъ представиться. Но при всемъ томъ свойство впечатлѣній, каковы бы они ни были, какъ первый актъ, само по себѣ недостаточно къ опредѣленію свойства предмета; впечатлѣнія только *вызываютъ* душу къ обращенію вниманія на предметъ, а не *излагаютъ* предмета; сила или слабость оныхъ опредѣляютъ степень возбужденія, или какбы пробужденія оной, — неболѣе. Объ этомъ можешь ты судить, милый другъ, по дѣйствію, которое въ сію минуту производитъ на тебя мое письмо. Для ясности и вѣрности соображенія, ты вѣрно, припомнишь взятое мною сравненіе о судахъ и переднихъ; одни изъ просителей стоятъ робко, смиренно, прижавшись въ уголку и ожидая очереди; другіе тѣснятся впередъ, толкаютъ, суетятся; нѣкоторые шумятъ; иные даютъ плату приставникамъ или швейцарамъ; но ни швейцаръ, ни господинъ или судья еще не знаютъ вѣрно и не могутъ разобрать, что это за народъ, съ чѣмъ и зачѣмъ именно пришли они. Точно также бываетъ и съ предметами, и съ чувствами, и съ душою при однѣхъ впечатлѣніяхъ.

II. Впечатлѣніе, полученное чувствами отъ предмета, мгновенно сообщается душѣ,—и душа, пробужденная симъ впечатлѣніемъ, подобно древней жрицѣ, выходитъ изъ своего внутренняго, духовнаго, ненарушимаго дотолѣ покоя, гдѣ она свободно и по произволу занималась тѣмъ, чѣмъ ей угодно было, и въ слѣдствіе дѣйствія на нее внѣшней силы, то есть, какого либо предмета, обращается, какбы *оглядывается* на предметъ съ вопросомъ: кто тамъ? или—что такое зоветъ меня? Это второй актъ мышленія, извѣстный у логиковъ подъ техническимъ выра-

женіемъ — латинскаго intuitio; — *воззрѣнія*, по переводу нѣкоторыхъ; — *созерцанія*, по переводу въ Бахмановой системѣ Логики; *наглядности*, по употребленію сего слова у Галича. Сей актъ гораздо полнѣе, опредѣленнѣе и болѣе представляетъ матеріи видѣнію, нежели предыдущій. Здѣсь душа наша старается сколько можно ближе поставить передъ собою предметъ, сколько можно лучше подвести оный подъ свое сознаніе; смотритъ на оный и всматривается (intuetur), любуется имъ, иногда восхищается, какъ прелестное ангелоподобное дитя, интересуется, какъ новостію, и все какъ будто спрашиваетъ себя: что это такое? Что бы такое было оно?—особенно, если предметъ встрѣчается ей въ первый разъ.

Воззрѣніе души на предметъ должно быть *вѣрное* и *опредѣленное*, то есть, во всей точности и полнотѣ представляющее предметъ созерцаемый: ибо, говоритъ Бахманъ, (часть 1. отдѣл. IV. стран. 108) что не досмотрѣно или пропущено имъ, того нельзя восполнить ни однимъ изъ послѣдующихъ актовъ. При всемъ томъ и сей второй актъ мышленія въ составѣ понятій есть только актъ *предуготовительный*. Душа *ясно видитъ* (intuetur) представленный ей предметъ; ибо онъ находится предъ ея сознаніемъ; она можетъ опредѣлить его форму, различить многія черты, отдѣлить сей предметъ отъ всѣхъ другихъ предметовъ, прежде ею видѣнныхъ: но если сія форма, сіи черты—небывалыя для ней, то она еще не понимаетъ ихъ, не знаетъ, къ какому классу отнести ихъ, куда причислить самый предметъ; останавливаясь на каждой части и чертѣ предмета, она только спрашиваетъ себя: что это такое? Для рѣшенія вопросовъ при воззрѣніи на предметъ, ей нужны *справки*, нужны другіе акты. Такъ судія, увидѣвши просителя и прочитавъ прошеніе, знаетъ, о чемъ дѣло въ прошеніи, но онъ не знаетъ еще, какъ рѣшить дѣло, ибо для этого, говоритъ онъ, нужно сдѣлать справки съ указами или законами, произвести слѣдствіе и т. п. Такъ случилось бы и съ тобою, если бы ты никогда въ жизни не видавъ писемъ, ничего не слыхавъ объ нихъ, вдругъ получилъ бы это письмо, которое теперь читаешь. Въ одну минуту узналъ бы ты его видъ и форму, узналъ бы, что эта вещь, которую ты держишь въ рукахъ, не есть ни животное, ни растеніе, ни книга и тому подобное, но не узналъ бы, что оно такое. Вообрази себѣ, добрый другъ мой, того простодушнаго Негра, который служилъ рабомъ у Европейца. Этотъ Европеецъ

однажды послалъ его къ своему пріятелю отнести нѣсколько плодовъ. Идучи отъ господина къ его пріятелю, дорогою съѣлъ нѣсколько изъ посланныхъ ягодъ. Когда же онъ принесъ ихъ, куда слѣдуетъ,—то у него спросили: почему онъ не всѣ плоды доставилъ? — и показывали ему письмо, въ коемъ означалось число плодовъ. Негръ удивился вопросу и тому, откуда могли узнать, что онъ съѣлъ нѣсколько плодовъ, когда этого никто не видалъ? Онъ вообразилъ, что объ этомъ сказало письмо, и что слѣдовательно это письмо *умѣетъ говорить и видѣть*. Неся плоды съ письмомъ въ другой разъ и желая также, какъ прежде, покушать оныхъ, онъ тщательно спряталъ письмо подъ большой камень и сталъ ѣсть, говоря: теперь оно не увидитъ и не скажетъ. Когда же у него опять спросили: почему не всѣ плоды?—и опять показывали письмо; то Негръ вообразилъ, что это проклятое письмо есть волшебникъ. Мнѣ кажется, что этотъ анекдотъ хорошо пояснилъ второй актъ мышленія. О дальнѣйшихъ актахъ буду продолжать впредъ. Теперь дай мнѣ отдохнуть; извини, Бога ради, что не хорошо пишу; право нѣтъ досуга. Пиша къ тебѣ, я вмѣстѣ занятъ почти пятью предметами. Можетъ быть, я слишкомъ распространяюсь; но мнѣ всѣ кажется, что ты не поймешь меня. Будь здоровъ и счастливъ, и не забывай меня. Благодарю тебя за Орланда. Къ празднику пришлю лекціи и продолженіе (?); дѣло за перепискою. Твой братъ и другъ А.

28 Марта 1833 г.

Воистину воскресе Христосъ! Такъ начинаю къ тебѣ письмо свое въ надеждѣ, что къ празднику самъ получу отъ тебя дружеское, пріятное для меня христіанское привѣтствіе, оглавленное радостнѣйшимъ и торжественнымъ: *Христосъ воскресе!* Заранѣе отвѣчаю тебѣ на твое письмо, благодарю за твои братскія благожеланія и отъ всей души и сердца приношу тебѣ мои собственныя благожеланія же; истинно, отъ чистаго сердца, отъ любви нелицемѣрныя и совѣсти благія хочу, чтобы ты, какъ во всякое время, такъ преимущественно въ наступающій великій праздникъ Матери нашей Церкви, былъ здоровъ, счастливъ и во всемъ благоуспѣшенъ. Воскресшій твой и мой Спаситель да изліетъ благодать и миръ душевный на тебя, юный сынъ Церкви; да воскреситъ въ душѣ твоей новыя свѣтлыя и радостотворныя идеи, въ сердцѣ твоемъ

новыя, святыя и прекрасныя чувства, во всемъ существѣ твоемъ новыя силы и жизнь. Право, желаю, чтобъ ты цвѣлъ, какъ благовонный и прекрасный цвѣтокъ въ саду Христовомъ, и былъ бы утѣхою и наслажденіемъ не только людей, но и ангеловъ. Благочестивая христіанская жизнь содѣлаетъ тебя, мой другъ, точно такимъ цвѣткомъ. Вмѣсто христіанскаго обычая — дарить въ Свѣтлое Христово Воскресеніе красненькимъ яичкомъ, посылаю тебѣ при семъ письмѣ давно тобою желаемыя и давно же мною обѣщанныя знаменитыя лекціи.... Читай ихъ, другъ мой, со вниманіемъ; что найдешь для себя нужнымъ, полезнымъ и пріятнымъ, — запиши. Теперь хотѣлъ я продолжать изслѣдованіе наше съ тобою объ идеяхъ, но чтобъ не все разомъ. Займись пока чтеніемъ лекцій. Притомъ же я говѣю теперь и не хочу развлекать души моей окаянной другими мыслями, кромѣ мыслей о грѣхахъ моихъ. Прошу тебя, милый другъ мой, подъ часъ воздохнуть обо мнѣ къ Господу Богу; ты моложе меня, слѣдовательно безгрѣшнѣе, и слѣдовательно, твою молитву Господь услышитъ скорѣе, чѣмъ мою недостойную. А объ идеяхъ еще успѣемъ наговориться. Твой другъ и братъ Я. А.

Изъ извиненій, которыми начинается почти всякое письмо *Якова Косьмича* къ двоюродному брату его, нѣсколько видно, что занятія по должности мало оставляли ему досужнаго времени. Но онъ скрывался; не одною каѳедрой своей занятъ онъ былъ въ первые годы профессорства. Это была пора какого-то броженія мыслей, еще неустановившагося стремленія къ одной, свыше опредѣленной ему цѣли. *Амфитеатрову* хотѣлось вписаться въ число литераторовъ—писателей, и онъ пробовалъ себя во всѣхъ родахъ словесности,—начиналъ повѣсти, писалъ драмы, набрасывалъ нравоописательные этюды: но все это было только пробою пера. Повѣсти его выходили безъ содержанія и безъ характеровъ; драмы безъ движенія и жизни, въ нравоописаніяхъ замѣтна была только горечь человѣка, который судилъ объ обществѣ по понятіямъ, высиженнымъ въ кабинетѣ и не повѣреннымъ житейской практикой. Съ дѣтства чуждый свѣту и его призрачнымъ явленіямъ, никогда не по-

падавшій въ водоворотъ страстей и дѣлъ человѣческихъ, не видѣвшій, по выраженію Гоголя, жизни, со всей ея беззвучной трескотней, не изострившій своего взгляда въ наукѣ выпытыванія, *Амфитеатровъ* не въ силахъ былъ поставить предъ собою всѣ тонкія, неуловимыя, почти невидимыя черты сновавшихъ передъ очами его оригиналовъ. Проводя по черной ткани дѣятельности человѣческой золотую нить чистой, евангельской нравственности, онъ не могъ заткать ее такъ, чтобъ она вошла въ основу ткани и не выдавалась угломъ или кривой линіей. Какъ видно, онъ и самъ это чувствовалъ, ибо тотчасъ же покидалъ работу, какъ скоро созданіе его воплощалось въ слово и явленія, не соотвѣтствовашія носимому въ душѣ идеалу. Цѣлыя кипы такихъ начатыхъ и недоконченныхъ издѣлій остались послѣ *Амфитеатрова*, не смотря на то, что, конечно, большая часть ихъ предана была самимъ авторомъ огню. Нѣтъ, не на томъ поприщѣ суждено было ему пріобрѣсти справедливую извѣстность. Добросовѣстный исполнитель прямаго своего долга, онъ отложилъ то, что невходило непосредственно въ кругъ его обязанностей, и весь предался обработкѣ уроковъ гомилетическихъ. Онъ скучалъ по временамъ своимъ одиночествомъ, своею жизнію безродною: но скоро забывалъ все это за трудами и занятіями учеными. „Эхъ, какъ бы хотѣлось мнѣ повидаться со всѣми вами!—писалъ онъ къ двоюродному брату своему 6 Мая 1834 г. Признаюсь, одиночество, жизнь безродная до крайности наскучили мнѣ, — мнѣ, человѣку простому, издѣтства, отъ природы страстно привязанному къ чувствамъ родства и дружбы. Между тѣмъ, что и дѣлать мнѣ, „какъ не скучать? Судьба жизни моей подобна столбу дорожному; она стала на одномъ мѣстѣ такъ упорно, что ни „взадъ ни впередъ, и привсемъ желаніи и стараніи моемъ „невижу никакихъ способовъ перемѣнитъ ее не только на „лучшую, но даже хотьбы на хуждшую, лишъ бы иную. Не „подумай, другъ мой, что я жалуюсь и ропщу на свое поло-

„женіе; нѣтъ, я не привыкъ ни на что въ свѣтѣ сердиться; но „изъ моихъ словъ ты можешь судить, какъ пріятно и отрадно „мнѣ получать отъ тебя, моего роднаго, родныя письма и сло- „ва дружескія ... Ты когда-то писалъ, мнѣ, что имѣешь охоту „читать мои лекціи; онѣ не готовы, и вѣроятно, не скоро бу- „дутъ готовы; если есть въ нихъ что нибудь дѣльное, въ чемъ „я однакожь сомнѣваюсь, то это дѣльное существуетъ пока „въ отрывкахъ и для тебя нелюбопытно. Между тѣмъ я спѣшу „и крайне самъ желаю къ Сентябрю первую часть моей Го- „милетики кончить какъ нибудь. Вторую отлагаю на другой „годъ настоящаго учебнаго курса. Когда есть у тебя охота „и любовь ко мнѣ, молись, чтобы Господь милосердый укрѣ- „плялъ насъ съ тобою“.

То, что говоритъ *Амфитеатровъ* въ этомъ письмѣ о желаніи и стараніи перемѣнить судьбу жизни своей на какую нибудь иную, хоть бы даже на хуждшую, было дѣйствительно. Еще въ 1832 году вступалъ онъ прошеніемъ въ Академическое Правленіе объ увольненіи его отъ академической службы, „на- „ходя здѣшній климатъ крайне не благопріятнымъ для своего „здоровья. Къ тому же, писалъ онъ, на родинѣ моей есть у „меня бѣдный и престарѣлый отецъ съ тремя дочерьми, кои „всѣ имѣютъ нужду въ помощи и подкрѣпленіи. Желая успо- „коить старость родителя, а еще болѣе питая себя надеждою „быть гораздо полезнѣе въ другомъ мѣстѣ, нежели въ здѣ- „шней Академіи“, *Амфитеатровъ* просилъ имѣть его въ виду при первой открывшейся вакансіи въ Орловской семинаріи. Но благодаря Бога, начальство оставило это прошеніе безъ дальнѣйшаго движенія, и такимъ образомъ сберегло знаменитаго профессора для чести и славы перваго училища въ Россіи.

А не желалъ ли когда нибудь *Яковъ Косьмичъ* избавиться отъ одиночества и безродной жизни? Не искалъ ли въ молодыхъ лѣтахъ вѣрной себѣ подруги? Не можемъ сказать на вѣр-

ное; но что онъ высоко цѣнилъ счастіе супружеской жизни, что глубоко — вѣрнымъ взлядомъ постигалъ значеніе любви — этого звена, соединяющаго, по намѣренію Создателя, два лица разныхъ половъ, этого основанія первой заповѣди, положенной еще въ раю человѣку нерастлѣнному, — это видно изъ тѣхъ полныхъ искренности и глубокаго чувства эпизодовъ, которыми богата повѣсть его *Лёва Долина*. „Любовь, говоритъ онъ, есть „самое благородное, самое высокое движеніе души человѣчес- „кой; но она же вмѣстѣ есть чувство самое безпокойное и неуто- „лимое. Бездонной пропасти ничѣмъ не наполнить, а бездонная „пропасть, въ смыслѣ душевномъ, есть любовь. Люби ты *ее* сколько „хочешь, но тебѣ все будетъ казаться, чго ты мало любишь; „люби *она* тебя хоть до безконечности: но и *ей* и тебѣ все „будетъ чудиться, что вы мало любите другъ друга, что пол- „нота любви не только не достигнута, но и не наступала. „Вездѣ будетъ для васъ край, но нигдѣ ни центра, ни окруж- „ности. Будь ты совершенъ, сколько хочешь, но тебѣ всегда „будетъ представляться, что ты дуренъ себѣ, не хорошъ *ей*,— „по крайней мѣрѣ довольно дуренъ себѣ, не довольно хорошъ „*ей*. Дальше—нѣтъ препятствій? любовь скучаетъ, какъ каприз- „ная дѣвочка, почему ихъ нѣтъ и сама творитъ ихъ изъ ничего. „Есть небольшія или большія препятствія,—любовь или ничего „не хочетъ видѣть въ нихъ, или заставляетъ видѣть непри- „ступныя скалы и горы. Отсюда и блаженство и всѣ муки лю- „бовнаго жара. О той любви, въ которой нѣтъ взаимности, „и говорить нечего: это уже не чувство, не движеніе, не „страсть, а просто демонъ, живой, полный демонъ—мучитель, „отдирающій душу отъ плоти и плоть отъ души.—Ты видишь, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, что я впалъ въ метафоры, „не совсѣмъ естественныя, явно обличающія мою скудость и „безсиліе словесное. Просто же эти метафоры значатъ то, что „я самъ былъ не равнодушенъ къ ней; не скажу, чтобъ я былъ „влюбленъ, однако я зналъ ее.... Когда она встрѣчалась со

„мною, я желалъ, чтобъ эта встрѣча была непрерывною; когда „она глядѣла на меня, я чувствовалъ совершенную необходи- „мость—быть по крайней мѣрѣ во сто тысячъ разъ лучше и „совершеннѣе того, какимъ я былъ въ натурѣ; когда она про- „ходила мимо моего дома, я бросался ко всѣмъ окошкамъ по- „смотрѣть, какъ будто мимо ихъ проходило великое дѣло, мі- „ровое событіе, бросался съ такою опрометью, что однажды „носомъ, моимъ собственнымъ носомъ разбилъ два стекла и „воротился назадъ израненный. Да что разсказывать?!“ Въ одномъ некончанномъ разсказѣ о произшествіи, съ нимъ самимъ случившемся, въ которомъ онъ выставилъ себя въ самомъ юмористическомъ видѣ, *Амфитеатровъ* съ особеннымъ восторгомъ вспоминаетъ о какомъ то геніѣ-хранителѣ, удерживавшемъ его отъ педантства, неразлучнаго, како онъ замѣчаетъ, съ званіемъ ученаго. Но кто былъ этотъ геній—хранитель, даже существовалъ ли онъ въ дѣйствительности, или только созданъ воображеніемъ автора, незвѣстно. „Это, говоритъ *Амфитеатровъ*, „былъ голосъ моего генія—хранителя; душа моя снова по- „пала на знакомую точку непринужденности и легкости, съ „которой невзначай соступила было, снова озарилась свободою, „и я съ удивительной скоростію понялъ благодатный намекъ „его. Но клянусь всѣми моими пятью чувствами, которыми я „понимаю вещи земныя, я совершенно не понималъ, отъ чего „этотъ посторонній голосъ ложился такъ ласково на мою душу? „Отъ чего произносимыя имъ слова созидали мой духъ въ тѣ „минуты, когда онъ готовъ былъ упасть и оставить меня въ „дѣйствительныхъ дуракахъ? Что за тайное соучастіе? Что за „непостижимое вліяніе на меня, когда самые кроткіе намеки, „самые общіе совѣты, кои могъ бы всякій дать, тотчасъ „разгадывали мнѣ меня самаго, наводили на потерянные слѣды „и давали моимъ силамъ легкую и пріятную настроенность? И „не смотря на то, что я на каждомъ шагу ощущалъ могуще- „ственное надъ собою дѣйствіе посторонней силы, я боялся

„взглянуть на существо, которое такъ хранитъ меня. Я видѣлъ „что весь нахожусь подъ властію лица, вовсе отдѣльнаго отъ „меня, и между тѣмъ мнѣ казалось, что я такъ, а не иначе „дѣйствую самъ по себѣ и поступаю во всемъ независимо“. Но эта любящая, эта прекрасная душа съ грустію отказывалась отъ того счастія, которое такъ понятно было ей. Обремененный немощами и неизцѣлимой болѣзнію, сократившею дни его, *Амфитеатровъ* умеръ, какъ и былъ, одинокимъ. Напрасно въ дружескихъ откровенныхъ бесѣдахъ совѣтовали ему пріискать себѣ достойную спутницу жизни, онъ упорно и съ грустной ироніей отказывался отъ этого. „Эхъ, *голубенокъ*, говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ, что я за сумасшедшій, чтобъ за„ставить какую нибудь бѣдняжку терпѣть мои немощи, мои „болѣзненные капризы! Мнѣ одному далъ ихъ Богъ, одинъ и „понесу я ихъ до могилы“. Черта высокая, полная истиннаго самоотверженія! Онъ не измѣнилъ единственной спутницѣ своей многотрудной жизни, вмѣстѣ съ нимъ терпѣливо переносившей его немощи, — спутницей этой была наука; съ нею - то прожилъ онъ неразлучно болѣе четверти вѣка, и проводила она его въ могилу, оставшись живой свидѣтельницей полезнѣйшихъ трудовъ своею неизмѣннаго друга...

Ученыя занятія *Амфитеатрова* въ эту пору увеличивались часъ отъ часу. „Стыдно и грустно мнѣ, писалъ онъ къ брату своему 7 Декабря 1833 г., отъ этой несчастной мысли, „что я такъ долго не писалъ къ тебѣ. Что дѣлать, братъ! „Чѣмъ долѣе живу на свѣтѣ, тѣмъ болѣе вижу трудовъ и за„нятій по должности. Молись, да не оскудѣетъ во мнѣ — не „любовь къ тебѣ, которая выну неоскудно живетъ въ моемъ „сердцѣ, а сила и здоровье мое.... Въ настоящее время я „болѣе всего занятъ собственными лекціями, кои *Докторъ* (а)

(а) Такъ обыкновенно называли наставники и студенты Академіи ректора Иннокентія.

„одобряетъ—спасибо ему—и обязываетъ меня выработать оныя „*для нѣкоей цѣли.* Сверхъ того мнѣ поставлено въ обязан„ность сказывать еженедѣльно проповѣди. Изъ этого ты можешь „судить, что у меня немного свободнаго времени.... Отвѣта „на твое письмо собственно я не пишу: ибо не нахожу, о чемъ „бы должно разсуждать съ тобою. У тебя встрѣчаются слова: „согласенъ, несогласенъ",—хорошо, гдѣ ты согласенъ, тамъ и я „соглашаюсь; гдѣ ты несогласенъ, тамъ и я тебѣ не противорѣчу „нимало. Правда, что мой взглядъ на жизнь, какъ на бурливое „и неспокойное море, дуренъ, ибо доказываетъ мрачныя понятія „и чувства въ разсужденіи жизни, какъ драгоцѣннѣйшаго блага „въ самой же жизни; молодому человѣку такой взглядъ не при„несетъ ни пользы, ни радости,—и ты прекрасно сдѣлалъ, что „не согласился въ этомъ со мною; я радъ твоему несогласію, „потому что твой взглядъ на тотъ же предметъ лучше и от„раднѣе моего.— О моемъ нездоровьи, писалъ къ тому же *Амфитеатровъ*, ты напрасно безпокоишься; я былъ и есмь „здоровъ, и сердечно благодарю тебя за участіе, которое ты „принимаешь во мнѣ. Прошедшею вакаціей я думалъ, надѣялся „и даже совершенно былъ увѣренъ, что отправлюсь домой, въ „родное Высокое, въ Орелъ, въ Болховъ и разумѣется въ „Калугу; я хотѣлъ уже писать къ тебѣ, что вотъ ѣду — ѣду: „но видишь, другъ мой, какъ я ѣзжу. Я остался, какъ обык„новенно оставался здѣсь въ Кіевѣ, который—долго ли коротко, „но кажется будетъ вѣчнымъ покоищемъ для моихъ грѣшныхъ „костей.... Ты разстался съ своею философіею; хорошо, что „ты самъ уже прежде чувствовалъ нѣкоторую скуку отъ этого „человѣческаго любомудрія, и я тебѣ говорю, согласно съ „твоими чувствами: не жалѣй о философіи. Она, если правду „сказать, умножая, а иногда и не умножая разумъ, умножаетъ „болѣзнь душевную, по словамъ древняго мудреца. Изучай „теперь Слово Божіе, называемое обыкновенно Богословіемъ, „Здѣсь болѣе истинной мудрости, болѣе покоя и насыщенія

„для души, жаждущей вѣдѣнія; глубже взглядъ на міръ, на при-
„роду человѣческую, на время, на вѣчность. Это я говорю не
„потому, что такъ обыкновенно говорятъ, когда желаютъ по-
„хвалить вѣдѣніе религіозно—богословское: но по внутреннему
„убѣжденію моему, потому что важнѣйшія задачи, предлагаемыя
„человѣкомъ и философіею его, удовлетворительнѣе рѣшаются
„для меня Словомъ Божіимъ, нежели философскими системами.
„Будетъ время, мой другъ, когда разумъ человѣческій вполнѣ
„плѣнится въ послушаніе Вѣры, и когда вся философія оснуется
„на живомъ и дѣйственномъ глаголѣ Господнемъ. Уже и теперь,
„когда мы съ тобою живемъ, уже и теперь, говорю, въ мірѣ
„ученомъ замѣтно сильное движеніе, влекущее умы покориться
„Писанію и на немъ создать истинное любомудріе. Старайся
„и ты, милый другъ мой, наздать и вкоренить душу свою въ
„Словѣ Божіемъ. Оно не отъ земли, не земное; оно голосъ
„изъ міра духовнаго, оттуда, гдѣ обитаетъ Вѣчный Свѣтъ и
„Истина, Вѣчная Красота, гдѣ скрывается для насъ—земныхъ
„людей — непостигаемая сущность, порядокъ и законъ всего
„существующаго, и гдѣ есть наше вѣчное житіе . . . . . Съ этимъ
„словомъ я оканчиваю письмо мое“.

Въ 1835 году 1 Августа *Амфитеатровъ* возведенъ былъ въ званіе экстраорд. профессора и продолжалъ неослабно дѣйствовать въ пользу своей, имъ самимъ созданной, науки. По случаю кончины ордин. профессора Всеобщей Словесности Я. И. Крышинскаго, поручено было Академическимъ Правленіемъ занять на время каѳедру его *Амфитеатрову*. *Яковъ Косьмичъ* успѣлъ дать не много лекцій: но вѣчно будутъ памятны онѣ благодарнымъ воспитанникамъ. Всѣ увидѣли тогда, какъ многообъемлющи его свѣдѣнія, какъ свѣжъ и своероденъ взглядъ его на предметы, для которыхъ на всѣхъ почти каѳедрахъ установлены извѣстныя понятія и правила, ставшія отъ долгаго употребленія истертыми и лишившимися своей силы и жизни. Долгъ біографа сохранить отъ неминуемаго забвенія еще уцѣлѣвшіе

уроки въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они были записаны для себя собственно самимъ профессоромъ. Не смотря на ихъ отрывочность и непослѣдовательность, мысли и взглядъ *Амфитеатрова* есть драгоцѣнное достояніе литературы, понимаемой въ высшемъ ея значеніи.

Замѣтки по Всеобщей Словесности.

Части слова.

Имя.	a) Существительное b) Прилагательное	склоненіе. родъ. число. падежъ.
Глаголъ.	a) Существительный, b) дѣйствительный, c) страдательный, d) средній,	время. лицо. число. наклоненіе. спряженіе.
Нарѣчіе.	a) количество. b) качество. c) время. d) порядокъ и т. д.	обстоятельства лицъ, вещей, понятій.
Предлогъ.	a) родительный b) дательный c) винительный d) предложный	отношеніе и зависимость двухъ понятій въ предложеніи.

Союзъ.
- a) соединяетъ,
- b) раздѣляетъ,
- c) условливаетъ,
- d) разширяетъ,
- e) ограничиваетъ.

Междометіе — безсловесное слово души, чувства, страстей: ахъ, охъ, увы, гей, ну, га, да, и проч

Членъ.
- a) мѣстоименіе,
- b) предлогъ.

П. П. Варварскія слова: a) ибо многія безъ смыслу; b) онѣ тиранствуютъ надъ нами, надъ нашею молодостью. Но что далѣе? Откуда родъ ихъ? Не слишкомъ стары сами по себѣ, но ужасно моложе языка человѣческаго, который онѣ заковали въ формы. Прежде слово было свободно, какъ мысль; летуче и легко, какъ дыханіе, звукъ, напѣвъ,— живо, ибо жило только въ языкѣ, голосѣ, устахъ. Но эта воля слова не могла быть вѣчною. Слово есть принадлежность человѣка; а человѣкъ таковъ, что онъ все хочетъ подчинять себѣ, на все положить печать собственности, владычества; все уловить и подвести подъ законы. Явились ловцы и для слова также точно, какъ были ловцы звѣрей и другихъ предметовъ міра. Они сперва заключили слово въ *письмена;* память человѣчества ослабѣла; нужно было придумать памятники=*письмена.* Человѣчество разрознилось, стало частями отпадать, жить отдѣльною жизнію. Живому слову не стало мѣста: ибо разрозненнымъ частямъ человѣчества нельзя было другъ на друга дѣйствовать, сообщать себя и мысли свои однимъ живымъ словомъ, устною бесѣдою, разговоромъ. Чѣмъ связать распадшіяся части, поколѣнія человѣческія,— а связывать необходимо? Письменами; опять слово стало заключеннымъ въ разные, иногда весьма не красивые, не живописные узоры, то есть, буквы. Однакожъ каковы бы ни были эти узоры, но ими исписаны огромныя кипы древесныхъ листьевъ, звѣриныхъ кожъ, пергамена, въ послѣд-

ствіи негоднаго тряпья—бумаги. Все это вмѣстѣ было и есть родъ нѣкоторой, если не могилы, то темницы, куда заключилось живое слово. Еслибъ не письмена, человѣкъ не уловилъ бы слова, не подвелъ бы его подъ извѣстные роды и формы. Но теперь оно словлено, слѣдовательно, имъ можно распоряжаться, какъ хочешь или знаешь; лежитъ въ письмени неподвижно, безжизненно, слѣдовательно, можетъ быть предметомъ изслѣдованія. За слѣдчиками дѣло не станетъ; они и были:—это *грамматики*.

Предъ человѣкомъ лежитъ кипа исписанной, положимъ, бумаги: были, письменные законы, молитвы, пѣсни, поэмы, притчи и апоѳегмы философическія. Многія изъ нихъ прекрасны: а чѣмъ онѣ живутъ? Безжизненнымъ словомъ, заключеннымъ въ письмени. И такъ слово есть важный предметъ; безъ него не было бы поэмы и проч. Естественно спросить: эта бездна словъ, разбросанныхъ на хартіи, а еще болѣе обращающихся въ ежедневномъ ходу, въ безпрестанныхъ разговорахъ (ибо человѣкъ не любитъ молчать), этотъ міръ звуковъ, изъ a, b, c, d, e составленныхъ, долженъ же имѣть что нибудь постоянное, однообразное, долженъ двигаться и управляться какими ни есть законами или формами: *мысль о граматикѣ*, какъ наукѣ; она очень проста, и однакожъ тотъ, кто первый задумалъ граматически, такъ былъ радъ ей, что поспѣшилъ въ храмъ и принесъ въ жертву богамъ сто воловъ. Онъ воображалъ, что эта мысль есть вдохновеніе свыше; онъ былъ благочестивѣе многихъ изобрѣтателей и словесниковъ—мыслителей нашего времени...

Когда поставишь предъ собою толпу словъ (на хартіи ли, или въ воображеніи—это все равно), не трудно замѣтить, что они и внѣшно—нарисованныя буквами, и внутренно—по своему значенію, не всѣ похожи другъ на друга: то сходятся, то расходятся; слѣдственно между ними есть сходство, есть и различіе; и слѣдственно опять ихъ можно сводить и разводить, то есть, дѣлить на разряды или классы = *части рѣчи*.

Мысль о частяхъ рѣчи. Родиться ей легко, привести въ дѣло—это уже трудно. Какъ бы ни спокойно и неподвижно стояло предъ нами сонмище словъ на хартіи: но ихъ безчисленное множество. Какъ ихъ разобрать и размѣстить? Во сколько рядовъ построить? Возьмемъ сначала три порядка: слово, дѣло слова, нѣчто—ни слово ни дѣло само въ себѣ, но имѣющее отношеніе и къ слову и къ дѣлу. Если слово назовемъ условнымъ именемъ: у насъ откроется цѣлый порядокъ словъ, схожихъ на себя тѣмъ, что онѣ *означаютъ* предметы; отсюда имена=первая часть

рѣчи — словъ. Если дѣло или дѣйствіе назовемъ *глаголомъ:* опять явится цѣлый порядокъ словъ, схожихъ на себя тѣмъ, что всѣ онѣ означаютъ дѣйствіе, бытъ, положеніе предметовъ или лучше, самаго слова. Отсюда *глаголы* — вторая часть рѣчи. Простое замѣчаніе, что кромѣ именъ и глаголовъ — существенной основы и плодородія въ языкѣ — есть еще множество словъ, и словъ большею частію безъ смысла, безъ значенія. Какъ поступить съ ними? Дать имъ особый классъ; онъ третій, не столь многочисленный, однакожъ значительный = *частицы.*

Вышли три главныхъ и существенныхъ порядка словъ; въ первоначальномъ языкѣ (какомъ нибудь изъ восточныхъ), вѣроятно, ихъ только и было; можетъ статься, только и есть. Но какъ граматику составляли не по первоначальному, коренному языку: то нашли и другія части рѣчи, и отъ трехъ довели до осми и девяти. Но онѣ не важны; въ отношеніи къ цѣлому языку онѣ, конечно, составляютъ богатство, полноту его: только въ разсужденіи смысла—то суть не иное что, какъ отростки или оттѣнки главныхъ трехъ порядковъ. Такъ имя *прилагательное* есть оттѣнокъ существительнаго и глагола; *мѣстоименіе* — частица первоначально, потомъ — выраженіе безъ смысла, — значекъ имени. *Нарѣчіе* опять оттѣнокъ имени; *предлогъ* оттѣнокъ разныхъ положеній имени и глагола; *союзъ*—то же; смѣшное названіе *междометія*—то же.

Эти восемь рамъ, въ которыя вставленъ языкъ, какъ ни ветхи и дряхлы, но крѣпки. Ихъ покушались измѣнить, устроить получше: но не сдвинули съ мѣста; только нѣкоторыя переличили и подновили. Старина упряма, потому что мудра и опытна.

Мы сказали, что слово, заключенное въ письмени, оказывается мертво и неподвижно. Пусть такъ; однакожъ и въ самой смерти оно оказываетъ нѣкій слѣдъ жизни и движенія. Письменный человѣкъ, то есть, граматикъ, разсматривая хартію и наблюдая за словомъ, не могъ не замѣтить, что одно и тоже слово не вездѣ является одинаково. Въ одномъ мѣстѣ онъ видѣлъ его въ прямомъ положеніи, въ другомъ— наклонившимся, какбы упадшимъ съ первоначальной ступени, въ одномъ мѣстѣ видѣлъ его владыкою, въ другомъ подчиненнымъ. Онъ видѣлъ, что слово бѣжитъ передъ нимъ; недавно видѣлъ онъ въ прошедшемъ, теперь видитъ въ будущемъ и т. д. Есть ли постоянные слѣды этого движенія? По какимъ направленіямъ оно совершается? По какимъ бы ни было, но мы ясно видимъ, что слово, преслѣдуемое наблюдателемъ въ

его движенiи, навело въ именахъ на *падежи*, въ глаголахъ на *времена* и *наклоненiя*, *лица*, *числа*. Разныя породы и рожденiе словъ, ихъ безпрерывное столкновенiе и отраженiе, разные способы употребленiя повели изслѣдователей языка къ мыслямъ о томъ, какъ вязать слова, производить, изъ двухъ—трехъ составлять цѣлыя кучи словесъ или сочиненiя. Вотъ вамъ Этимологiя, Синтаксисъ, Риторика.

Не станемъ продолжать; но такъ совершилась мануфактурная работа надъ словомъ, или иными словами: такъ составилась граматика, которая—мимоходомъ—доселѣ мучитъ и дѣтей и взрослыхъ. Языкъ заключился въ правила, покорился формамъ, сталъ наукою. Выигралъ ли? И выигралъ и потерялъ; выигралъ письменную правильность, потерялъ природную живость, свѣжесть и цвѣтъ. Онъ теперь гладокъ, ровенъ, но блѣденъ; ходъ его прямъ, но путь тѣсенъ вмѣсто прежняго, древняго раздолья. Прежде говорили и учились говорить у души, у полнаго чувства, у живой природы; теперь мы учимся изъ книгъ; книги суть наше чувство, душа, природа и учитель слова, которое потому теперь мертво.

Говорю: кто первый сталъ думать граматически, тотъ обрадовался своей думѣ, почелъ ее вдохновенiемъ свыше, и поспѣшилъ въ храмъ принести богамъ жертву. Этотъ человѣкъ, опять мимоходомъ замѣтимъ, былъ религiознѣе изобрѣтателей нынѣшняго времени. Но онъ положилъ основанiе для мануфактурной обработки слова человѣческаго, началъ составлять науку языка уже по готовому языку, также точно, какъ и другiя науки—Риторика, Дiалектика, Пiитика составлены, извлечены, выписаны изъ готовыхъ матерiаловъ, изъ произведенiй ораторскихъ, твореній пiитическихъ, существовавшихъ за долго прежде теорiй ораторскаго и пiитическаго искуства. И такъ хотя Граматику обыкновенно почитаютъ наукою слова человѣческаго: но она не есть творецъ этого слова; слово было прежде ея,—слово богатое, живое, не только устное, свободное, но и литературное, ученое, выразившееся въ пѣсни пiитической и народной, въ рѣчи ораторской, въ состязанiи софиста, въ апоѳегмѣ любомудра.

Здѣсь же, по необходимости, встрѣчаемся съ вопросомъ, давно уже извѣстнымъ, можетъ быть, достаточно у васъ рѣшеннымъ,—однако, говорю, встрѣчаемся съ вопросомъ: откуда слово? Какъ оно явилось и произошло? Если ни Граматика, ни Словесность и проч. не только не составили слова, но даже не были при рожденiи его и не запомнятъ,

когда и какъ оно явилось; то кто произвелъ его? Однимъ словомъ: откуда и какъ люди стали говорить словами безчисленно разнообразными, въ безчисленномъ количествѣ то вылетающими изъ устъ говорящаго, то влетающими въ уши слушающаго?

Перечислите мнѣ разныя предложенія о происхожденіи слова.— Человѣкъ получилъ словесную способность говорить и заговорилъ словами?—Но способность говоренія не есть слово; слово и словесная способность двѣ вещи очень разныя: эта способность—орудіе, то—матерія; могу имѣть способность говорить, но не буду знать, что говорить, когда не знаю словъ, кои мой органъ говоренія въ состояніи произносить. Я имѣю способность видѣть: неужели по этому я самъ творю предметы, которые вижу? Нѣтъ; я вижу,—это мое; то, что вижу, цѣлую на примѣръ вселенную, или хоть васъ,—это готовое для меня, данное. Имѣю способность слышать, ходить и проч. но земля, по коей хожу, не отъ моей способности хожденія, громъ, который слышу въ облакахъ, пѣніе птицы весенней также не отъ моей способности слышанія. Какъ же это только одна способность говоренія творитъ сама себѣ предметы—слова, когда прочія способности того же разряда ничего не творятъ для себя? Способенъ говорить попугай, воронъ и сорока: однакожъ у нихъ нѣтъ литературы — почему? Вѣроятно, потому что они живутъ между не говорящимъ поколѣніемъ; дашь имъ слово,—они говорятъ.

Человѣкъ постепенно придумывалъ слова; мало по малу собиралъ, накоплялъ ихъ и накопилъ цѣлый міръ.—Но если возьмемъ въ расчетъ, какъ мало въ цѣлыя столѣтія прибавляетъ себѣ словъ такой или другой языкъ, какъ медленно производится то, что называютъ усовершенствованіемъ, обогащеніемъ языка: то мы необходимо должны предположить, что человѣчество цѣлыя тысячи вѣковъ было нѣмо или по крайней мѣрѣ лепетало, какъ ребенокъ, пока успѣло накопить такую бездну словъ, какую теперь видимъ. И что дѣлаетъ теперь усовершенствованіе языка? Перекладываетъ, переиначиваетъ, воспроизводитъ изъ готоваго, а не изобрѣтаетъ слова, поднимаетъ слова оброненныя, припоминаетъ и вводитъ въ дѣло забытыя, ловитъ изъ живаго, простонароднаго языка обороты и выраженія и даетъ имъ право гражданства въ мірѣ письменномъ или литературномъ: но опять не изобрѣтаетъ слова. Откудажъ это готовое слово, этотъ огромный матеріалъ, который берутся усовершать?

Климатъ страны, сосѣдство, сношенія, художество, торговля, образъ

правленія, образовали языкъ. — Не будемъ пристрастны къ книгамъ въ цвѣтныхъ, красивыхъ обверткахъ. Климатъ страны заставилъ Француза говорить въ носъ, Англичанина шипѣть, Италіанца произносить ясно, нѣжно и плавно, Восточнаго жителя придыхать, Русскаго стучать, какъ молотомъ и т. д. Это можетъ статься. Положимъ, что климатъ имѣлъ вліяніе на органъ произношенія: но далъ ли онъ слова? Этой способности не видно въ климатахъ. Сосѣдство, сношенія, торговля,—что же онѣ дѣлаютъ? Даютъ мнѣ готовыя слова, кои у нихъ есть, а у меня нѣтъ; слѣдовательно, ни я, ни онѣ не творятъ словъ. И какъ же даютъ? Либо я перевожу чужеземныя слова на свой языкъ, слѣдовательно мой языкъ ничуть не прибавляется; либо принимаю ихъ безъ перевода, цѣликомъ,—это не столько прибыль, сколько болѣзненный наростъ въ моемъ языкѣ; впрочемъ, какъ бы то ни было, только я все же не творю языка, а только принимаю, что даютъ. Слѣдовательно опять вопросъ остается вопросомъ: откуда языкъ—мой или чужой,—это все мнѣ равно?

Еще замѣчаніе. Если человѣкъ имѣетъ способность творить слова: отъ чего мы не творимъ ихъ, хоть часто ощущаемъ великую нужду въ словахъ? Когда мы хорошо мыслимъ, пишемъ, сочиняемъ,—что дѣлаемъ? Пріискиваемъ готовыя слова. Дурно пишемъ отъ того, что въ готовомъ не умѣемъ найти хорошаго. За чѣмъ мы говоримъ: для выраженія такой-то мысли нѣтъ словъ? За чѣмъ всѣ писатели ощущаютъ этотъ недостатокъ, и между тѣмъ не пополняютъ его своею творческою способностью слово-творенія? Жалуются на тѣ языки, которые существуютъ безъ ихъ вѣдома и воли, а не созидаютъ своего. Не поймутъ чтоль? Но какъ жъ первый—то разъ, когда, положимъ, языкъ творился, люди понимали другъ друга?

Подумаемъ въ простотѣ сердца о нашемъ предметѣ. Мы откуда выучились словамъ? Отъ другихъ. Дитя какъ учится говорить? Мать или отецъ даютъ ему слова, точно также, какъ пищу. Но мать и отецъ сами получили слово, въ видѣ пищи, тоже отъ своихъ матерей и отцовъ, потомки отъ своихъ предковъ, а предки тоже отъ своихъ предковъ и т. д. Куда эта нить доведетъ насъ? (можемъ легко согласиться, что она непрерывна). На край первобытія вселенной; къ первому отцу и первой матери всѣхъ человѣковъ. Дѣти говорятъ, слѣдственно отецъ и первая мать человѣчества несомнѣнно говорили. Откуда у нихъ слово?

Раскроемъ съ благоговѣніемъ первую въ мірѣ Исторію; теперь, можетъ быть, слово ея о словѣ сдѣлается намъ понятнѣе и довѣрчивѣе.

На первой страницѣ видимъ, что первый во вселенной изрекаетъ слово Богъ: *рече Богъ*. Его Всемогущаго и Всесвятаго твореніе есть слово: *словомъ Господнимъ небеса утвердишася*. Первый нарекаетъ имена вещей Богъ: *и нарече Богъ* свѣтъ—день, тьму—нощь, твердь—небо, насъ — человѣкомъ: *сотворимъ человѣка;* почему это не первый языкъ? Создавшій вселенную почему бы не создалъ именъ для населившихъ ее? Или, почему бы Онъ создалъ ихъ безъ имени, то есть, безъ словъ? Далѣе — первый говоритъ съ человѣкомъ Богъ; слѣдовательно человѣкъ первыя слова услышалъ отъ Бога (11. 16) Немного далѣе: *приведе видѣти, что наречетъ я. И всяко еже нарече Адамъ, сіе имя ему;* то есть, привелъ посмотрѣть, такъ ли назоветъ, какъ Я? Онъ назвалъ такъ, а не иначе; и потому *сіе имя ему*. Выдумывалъ ли Адамъ сейчасъ же новыя слова? Нѣтъ, это было бы слишкомъ долго; Господь только испыталъ: повторитъ ли человѣкъ азбуку, которой Всевышній вразумилъ его? Онъ повторилъ.

Чѣмъ же кончилось? Кажется, маленькимъ разногласіемъ, нѣкоторою недовѣрчивостью къ древнѣйшему, простому, слѣдовательно, истинному повѣствованію Библейскому о происхожденіи человѣческаго слова. Пусть такъ; вы можете думать иначе; я могу думать, какъ прежде, какъ вчера и третьяго дня. Мое положеніе: человѣкъ сталъ говорить отъ того, что съ нимъ говорилъ Богъ; слово человѣческое истекло, получило видъ или форму отъ того же Источника, отъ коего самъ человѣкъ. Я думаю такъ a) потому, что имѣю вѣру въ Библейское повѣствованіе; думаю b) потому, что въ другихъ случаяхъ очень важныхъ, гдѣ только преимущественно нужно слово, — это слово даетъ Богъ наравнѣ съ прочими великими дарами: сошествіе св. Духа на апостоловъ и дарованіе языковъ; думаю потому c) что Онъ обѣщаетъ дать, кому слѣдуетъ, уста—слово, точно также какъ и премудрость,—и замѣтьте, прежде слово, а потомъ премудрость: *азъ дамъ вамъ уста и премудрость;* думаю наконецъ d) потому, что мнѣ надобно опредѣлить подлинное значеніе, важность и достоинство слова человѣческаго. А откуда я опредѣлю это, если не свяжу мое слово съ словомъ Того, у Коего Единаго есть истинное и всемогущее слово? Если слово человѣческое *первоначально* было выдумка, то есть, собственное произведеніе чело-

вѣка: то много ли оно значитъ? Выдумка, только для одного человѣка имѣющая нѣкоторый смыслъ, и не имѣющая силы, отношенія къ свойству предметовъ или отношеніе только самое поверхностное, наглядную копію съ одной наружности предмета, — слово ли это? Предполагаешь: человѣкъ понималъ наилучшимъ образомъ внутреннія, существенныя свойства и природу предметовъ во вселенной, и потому свойства перевелъ въ слова на языкъ самымъ вѣрнѣйшимъ образомъ. Но для чего же онъ переводилъ? Для кого составилъ слова? Если онъ понималъ: то понимала ихъ также и другая особа, съ нимъ бывшая, а обѣ они весьма ясно и вѣрно понимали себя самихъ, свои мысли и чувства. На чтожъ имъ были слова, которыя у насъ суть единственный способъ передавать свои мысли другому? Развѣ только для забавы? Это нелѣпость. Для того, чтобъ звать къ себѣ предметы по ихъ именамъ и повелѣвать имъ? Это можетъ быть; и отъ этого вопроса трудно было бы увернуться, если бы не стояли противъ него другіе вопросы, спутывающіе мою мысль о словѣ. Съ кѣмъ бы я велъ тогда словесную бесѣду? Со всѣми предметами, кромѣ подобнаго мнѣ человѣка. А развѣ языкъ собственно не для разговора съ людьми мнѣ необходимъ? При всякомъ вновь падающемъ подъ мой взоръ предметѣ я созидалъ бы новое слово? Складывалъ, сочинялъ? Великій трудъ и великое время!

Теорія предполагаетъ, что нужда, обстоятельства заставили человѣка говорить. Но въ такомъ случаѣ языкъ былъ бы просто бѣдность, случайность, обстоятельство, а не существенное достоинство моей славной природы. Велика ли важность въ словѣ, которое, родившись по нуждѣ, только и умѣетъ объяснить одну нужду? И развѣ человѣкъ съ нуждою вышелъ изъ рукъ своего Создателя?..... Перестанемъ путать себя мыслію о всемощной способности нашей — самой творить слова, и о всемогущей нуждѣ, вытиснувшей или хоть втиснувшей въ уста наши слово. И то и другое никогда не было всемогуще само по себѣ; и то и другое предполагаетъ болѣе пріемлемость, чѣмъ творчество. Слѣдственно, не объяснить мнѣ достоинства и важности слова. Вѣдь оно прекрасно; оно и теперь есть нѣчто великое и священное въ устахъ человѣческихъ; прежде оно было еще прекраснѣе. Чтожъ за радость производить мнѣ его изъ мутныхъ источниковъ? Что за неволя отнимать важность у того, что есть лучшее достояніе наше? Почему не сказать, что слово есть чистый даръ Божій, какъ и все прочее? Я родился безъ

слова; мнѣ дали его, и теперь я никогда не потеряю, не могу потерять его; лишусь органа словеснаго, — но слово мое пойдетъ со мною въ другой міръ.

Какъ бы то ни было, но слово до тѣхъ поръ не представляется мнѣ важнымъ, достойнымъ себя и человѣка, пока я почитаю его дѣломъ человѣческимъ; какъ же скоро представлю себѣ, что оно у человѣка есть даръ Божій, что учитель его — Богъ, и что слѣдовательно подлинное, не падшее слово человѣческое, есть одно съ словомъ Божіимъ, тогда оно для меня важно. Только въ этомъ единствѣ могу отыскать первоначальный смыслъ истиннаго слова; только отсюда вижу возможность опредѣлить истинное величіе, первобытный характеръ, достоинство слова и заключить, гдѣ истинное, гдѣ ложное употребленіе его, и какъ оно пало, сдѣлалось лживымъ, и какъ ему возвратить первобытное достоинство, и что бываетъ слѣдствіемъ ложнаго употребленія слова и т. д.

Слово человѣческое было одно съ словомъ Божіимъ. Каково же оно было, и каково должно быть? Теперь не трудно мнѣ отвѣчать на этотъ вопросъ, ибо стоитъ только узнать характеръ слова Божія и примѣнить оный къ истинному слову человѣческому. О первомъ намъ не нужно составлять теоріи; она есть въ самомъ словѣ Божіемъ; слѣдуетъ только благоговѣть и слушать, принимать оное съ вѣрою. Попытаемся. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ Писанія, показывающихъ характеръ слова Божія.

(Тексты изъ свящ. Писанія, изображающіе характеръ слова Божія, и примѣненіе, отношеніе слова человѣческаго къ оному характеру) (а).

Истинное и ложное употребленіе слова человѣческаго. Если слово человѣка первоначально есть одно съ словомъ Создателя его: то оно не имѣло и не должно бы имѣть другаго назначенія, кромѣ того, чтобъ быть священною бесѣдою, молитвеннымъ, хвалебнымъ и благодарнымъ разговоромъ человѣка съ Богомъ. Оно и было таково. Древнѣйшія писанія представляютъ намъ слово нечѣмъ инымъ, какъ только дѣломъ, пѣснію, службою, бесѣдою съ Богомъ. Такимъ образомъ въ Библіи видимъ, что слово первоначально употребляется только на то, чтобы а)

(а) Въ подлинной рукописи тексты эти не выставлены.

пророчествовать о возсозданіи рода человѣческаго чрезъ Слово Ѵпостасное: (пророчества Адаму, Ною, Аврааму, вдохновенная бесѣда Іакова съ дѣтьми); b) возвѣщать волю Іеговы сынамъ Израилевымъ (законъ на горѣ Синаѣ); c) изрекать и опредѣлять живую, еще не прерванную связь человѣка съ Богомъ (религія еврейская); d) начертать или повѣдать память судебъ Божіихъ, отпечатлѣнную въ жизни избранной части рода человѣческаго (исторія еврейско-израильская); молиться, каяться, пѣть и восхвалять Іегову, Творца вселенной (священная поэзія Давида и Соломона); e) учить мудрости то благочестивой, то правильно житейской (Премудрости Соломона, Сираха, Іова); f) Опять пророчествовать и опять повѣствовать (книги Пророческія и Историческія). Отсюда законъ, Уставы религіи, Исторія, Пѣснь пророческая, поэзія священная, мудрость, или паче, наука мудрости—вотъ древнее употребленіе слова человѣческаго. Тогда не писали ничего пустаго и баляснпческаго; во всемъ видимъ прямое и непосредственное устремленіе слова человѣческаго къ одному и единственному предмету истинной бесѣды человѣческой — къ Создателю и Отцу человѣковъ. — Въ древнемъ христіанствѣ чему служило слово человѣческое? Непосредственно Слову Ѵпостасному. Оно было живой отголосокъ, повтореніе, изреченіе въ обширнѣйшихъ формахъ тѣхъ словъ, то есть, тѣхъ истинъ, кои въ словѣ земномъ передало человѣчеству Слово Вѣчное, Ѵпостасное, нашъ Искупитель. Формы частію тѣже, частію измѣненныя наружно, расширенныя: Исторія, Пророчества, Посланія Новаго Завѣта; посланія же, истолковательныя бесѣды, полемико—религіозные трактаты втораго и третьяго христіанскаго вѣка; тѣ же посланія и тѣ же бесѣды въ пространнѣйшемъ видѣ, уставы Церкви на Соборахъ, возвышенныя, торжественныя, то восторженныя пѣсни церковныя въ книгахъ богослужебныхъ послѣдующихъ вѣковъ. Великій міръ, великая поэма слова истиннаго человѣческаго! Здѣсь живетъ оно своею жизнію подлинною; здѣсь надлежащее училище истиннаго вкуса человѣческаго, должнаго смысла, подлинной воли человѣческой; здѣсь опять видимъ, что предметъ слова нашего одинъ и тотъ же, назначеніе одно и то же—бесѣда человѣка съ Богомъ, разновидно выражающаяся. Въ продолженіи семи вѣковъ съ половиною не видимъ глупыхъ и пустыхъ словъ въ мірѣ христіанскомъ; еретики—другое дѣло. Слово течетъ, кружится, хочетъ дышать и жить—съ нимъ, съ Богомъ.

Обратимся въ другую сторону. Истинное слово человѣческое живетъ и держится тамъ, гдѣ есть истинное человѣчество; но истинное человѣчество не вездѣ есть; даже, можно сказать, его нигдѣ нѣтъ вполнѣ; только есть люди, а не человѣчество. Но не наше дѣло углубляться въ это; замѣчаемъ только, что человѣчество всегда представляютъ намъ (и такъ быть должно) въ двухъ видахъ: *избранное, неизбранное; лучшее, недостающее.* Первый видъ—люди Божіи, названные въ Писаніи сынами Божіими (Быт. VI 1. 2. 3. 4 и проч.). Второй видъ—люди, какъ собственно человѣки, какъ будто *дщери человѣчи*, а не мужи (тамже). Какой бы ни имѣли они смыслъ у Творца человѣковъ, только сказано: *добры суть.* Пусть это будутъ, — употребимъ употребительнѣйшее слово,—язычники; какъ у нихъ и на что употреблялось слово? Сначала на доброе и истинное по цѣли, если не по смыслу. Какого рода и содержанія суть древнѣйшія творенія языческія? Почти всѣ религіозно—дѣльныя.

1. Поэзія есть выраженіе отношеній человѣческаго духа къ Вѣчному Свѣту своему или къ Вѣчной Истинѣ, къ Вѣчному Добру или Вѣчной Благости, къ Вѣчной Красотѣ,—однимъ словомъ: къ Богу Вѣчносущему. Выраженіе отношеній духа сотвореннаго къ Духу несозданному и всезиждущему есть религія. Слѣдовательно, и Поэзія истинная есть претвореніе религіи въ богослужебную пѣснь. Религія есть единая вѣчная потребность и подлинная жизнь духа человѣческаго. Духъ человѣческій можетъ жить и живетъ въ разныя времена разными жизнями: 1) онъ живетъ, по крайней мѣрѣ жилъ нѣкогда живымъ ощущеніемъ отношеній къ Богу своему; 2) живыя ощущенія божества по мѣрѣ того, какъ самое Божество потемняется предъ взоромъ духа нашего, переходятъ въ ощущенія высокаго и прекраснаго въ самомъ духѣ, въ человѣчествѣ, въ великихъ людяхъ; эти ощущенія ниже, и жизнь духа уже толще и грубѣе; 3) плѣнившійся высокимъ въ людяхъ духъ постепенно начинаетъ плѣняться и тѣмъ, что не слишкомъ высоко; онъ дѣлается плотскимъ человѣкомъ — жизнь страстная духа. Всѣ три вмѣстѣ суть три паденія духа, три жизни—одна ниже другой.

Сообразно этимъ ступенямъ жизни, и всякую вообще поэзію можно раздѣлить, по внутреннему ея содержанію, на три выраженія жизни: 1) Поэзія духовная; 2) Поэзія духовно-тѣлесная; 3) Поэзія плотская или страстная, — другими словами: 1) поэзія религіозная, 2) поэзія ге-

роическая и 3) поэзія простаго быта или житейскаго. Такое раздѣленіе не трудно повѣрить опытомъ, чтобы увѣриться, характерно ли оно, и выражаетъ ли вполнѣ духъ всякой поэзіи въ ея постепенномъ ходу и развитіи. У Грековъ, напримѣръ, сперва поютъ боговъ, потомъ героевъ или полу — боговъ, потомъ страсти человѣческія. Тоже и въ поэзіяхъ другихъ народовъ; тоже у Евреевъ, только въ иномъ смыслѣ: сперва славятъ Бога въ Немъ Самомъ; потомъ славятъ Его въ дѣлахъ человѣческихъ и славятъ людей святыхъ; наконецъ порицаютъ людей, ихъ пороки и страсти. Тамъ и здѣсь выражаются разныя жизни духа народнаго.

»По историческому ходу поэзію раздѣляютъ такъ: I. поэзія восточная: Евреи, Индійцы, Персы, Египтяне, Арабы. II. поэзія древней Европы: Греки, Римляне. III. поэзія новѣйшихъ народовъ европейскихъ. Согласимся на такое раздѣленіе. И такъ—о востокѣ.

На востокѣ возникла первая жизнь человѣчества; удѣлъ этой жизни и теперь, говорятъ, въ нѣкоторыхъ странахъ востока гораздо счастливѣе, полнѣе и раздольнѣе. На востокъ народы молятся; туда стремится душа человѣчества, какъ будто по инстинкту. Тамъ былъ рай; такъ обитель солнца; туда должна стремиться первоначально мысль всякаго изслѣдователя о всякомъ предметѣ. На востокѣ родились всѣ религіи, всѣ преданія, всѣ философіи; тамъ *родъ* и поэзіи — Востокъ есть самъ поэзія. Область восточной поэзіи составляетъ особый, огромный міръ, имѣющій свое начало, средину и конецъ. Но этотъ міръ съ одной стороны есть для насъ міръ погибшій, какъ погибла тамъ первая невинность человѣчества; съ другой міръ невѣдомый: погибшій — ибо Востокъ любилъ пѣть, но не любилъ записывать своихъ пѣсней, или и записывалъ, но такъ мудрено, что никто изъ позднихъ не можетъ *чести* писаннаго; недовѣдомый, — ибо незнаютъ языковъ восточныхъ, недавно ставши учиться; не умѣютъ разобрать физіономіи литературы восточной. Оріенталисты спорятъ о граматикѣ; открыли только нѣчто, и намъ знакомъ только темный, неопредѣленный отголосокъ поэтической жизни Востока.

(Окончанія этой лекціи нѣтъ въ подлинной рукописи).

Когда-то говорили мы о словѣ человѣческомъ, то есть, о его началѣ или происхожденіи, о его добромъ и истинномъ значеніи или о

подлинной природѣ, о его наконецъ употребленіи и злоупотребленіи. Каковы бы ни были наши понятія, или, паче, вѣра въ слово человѣческое, только оно—это слово, независимо отъ всякихъ понятій жило и росло въ человѣчествѣ вольно, неудержимо, какъ и теперь живетъ и ростетъ широко и многовѣтвисто, когда обнимемъ всю область его. Она изумительно огромна. Возьмите какую угодно, хоть самую бѣдную библіотеку; тамъ живутъ милліоны тварей; а есть библіотеки, содержащія въ себѣ до пятисотъ тысячъ и болѣе томовъ разнаго калибра; и такихъ библіотекъ много въ одной Европѣ, не говоря о другихъ частяхъ свѣта, и эти библіотеки ежедневно ростутъ, наполняются. Въ старину, говорятъ, первый очень строгій критикъ, но не очень разборчивый знатокъ слова человѣческаго, шесть недѣль топилъ бани свои библіотечными жильцами мертвыми. Какова же должна была быть библіотека Александрійская! Говорятъ, какой-то англичанинъ, отъ нечего дѣлать, сталъ пересчитывать, сколько въ извѣстныхъ библіотекахъ книгъ, книжекъ, рукописей; потомъ высчиталъ, сколько листовъ въ этихъ книгахъ. Сдѣлавши это, онъ началъ мѣрять землю кругомъ; измѣривши толщу нашей планеты, онъ вывелъ такое заключеніе: нашу планету всю, если не одѣть, то можно опоясать печатными и писанными листами или словами. Что же? вѣдь это не гипербола; и безъ помянутыхъ сказаній мы легко, да и вѣрно можемъ догадаться, что слова на земли, яко песокъ вскрай морей, что слова—бездна великая, что онѣ цѣлый міръ особый, отдѣльно существующій. Простой историческій взглядъ указываетъ намъ это ясно.

Съ тѣхъ поръ, какъ живое слово попало въ плёнку гіероглифическую и азбучную (а оно попало съ незапамятныхъ временъ)—съ тѣхъ поръ начали копить его и сбирать, на чемъ приходилось. Писали на скалѣ, на камнѣ, на выточенномъ столбѣ; рѣзали на мѣди, желѣзѣ, свинцѣ и воскѣ, чертили на листьяхъ и корѣ древесной, на звѣриныхъ кожахъ; потомъ пишутъ и печатаютъ на тряпьяхъ или на бумагѣ. Вообразите все то, что написано, вырѣзано, начерчено и напечатано,—опять откроется цѣлый огромный міръ чистыхъ словъ, міръ азбучный, бумажный. Неутомимые факторы, производители этого міра суть всѣ пишущіе и тиснящіе, которые, подобно шелковичному червю, непрестанно прядутъ нить слова человѣческаго, не имѣющую конца. Надобно, чтобъ были жрецы этого міра словесъ; они были и есть и будутъ; это вы гг. ученые, а по васъ ваши потомки.

Первый взоръ на тотъ міръ долженъ былъ породить разные вопросы, напримѣръ: какъ назвать тотъ міръ? Какъ войти въ него? Какъ разобрать? Какъ воспроизвести и всегда воспроизводить? Эти-то, или почти эти простые вопросы, кои міръ словесъ задавалъ человѣку, имъ самимъ воздвигнутый, въ свою очередь воздвигли разныхъ номиналистовъ и номенклатуры книжнаго міра, разныхъ должностныхъ людей въ семъ мірѣ,—грамматиковъ, софистовъ, риторовъ, систематиковъ, филологовъ, критиковъ, словесниковъ, кои всѣ съобща трудились надъ переборкою слова, и теперь еще работаютъ часъ отъ часу болѣе и рьянѣе.

Твореніе человѣческое, то есть, міръ книжный имѣлъ разныя названія; сперва, вѣроятно, просто назывался *слова—дебаримъ, зенд-а̀-веста*—живое слово; потомъ *читаніе—сеферъ*, потомъ, отъ образа собирать написанное слово извѣстнымъ манеромъ — *свитокъ*, *volumen*, *βίβλος* и т. д. Отъ имени разныхъ наукъ: писаніе философское, стихотворное и проч. потомъ граматика, литература, по нашему, письменность. Это имя и теперь остается пока общимъ, хотя употребляется неопредѣленно. Давши имя вещи, нужно было разобрать, распредѣлить или раздѣлить на разные классы (и это дѣлали и дѣлаютъ разными манерами):—критика. Но какъ дѣлать? Сперва просто, по матеріямъ: то́ идетъ подъ вывѣску поэзіи, другое Рѣчей, Философіи, Исторіи, Дѣлъ судебныхъ, Изящной Словесности или Эстетики и т. д. При переборкѣ слова бывали разныя мнѣнія и воззрѣнія, и благопріятныя и нѣтъ. Такъ Сократъ вашъ казнилъ слова Софистовъ; Платонъ и Ликургъ—послѣдній на дѣлѣ, а первый мысленно изъ мысленной республики прогоняли поэзію; Омаръ огнемъ и мечемъ критиковалъ книжное царство; Баконъ убивалъ его философическимъ воззрѣніемъ; онъ говорилъ: »время—быстрый потокъ; по немъ плывутъ народы, царства и книги; что тяжелѣ, то утонуло и до насъ не доплыло; что легко и пусто, то намъ досталось отъ книжной жизни Грековъ и Римлянъ.« То есть, онъ почиталъ памятники греческой и римской словесности, до насъ дошедшіе, весьма маловажными и почти ничтожными. Онъ смѣялся надъ тѣми тружениками, кои читали, комментовали и эскизировали Гомеровъ, Платоновъ, Аристотелей, Виргиліевъ и Гораціевъ, Цицероновъ и Квинтиліяновъ: онъ смѣялся, ибо говорилъ о нѣкоемъ: decem annos consummavit in legendo Cicerone, et echo recla»mavit ei: one, one, asine? Это его — Бакона слова въ книгѣ: organon »scientiarum.

Но какъ съ одной стороны были насмѣшники и гонители царства словесъ, такъ съ другой были защитники, хранители и распространители онаго. И это было изстари. Не касаемся нашихъ священныхъ книгъ: онѣ состоятъ подъ особымъ покровительствомъ небесъ. Собиратели книгъ, Птоломеи въ Александріи, Пирръ въ своемъ Пергамѣ, жрецы и цари въ Египтѣ, Индіи, Персіи и т. д. стали смотрѣть на слово, какъ науку – (Аристотель въ Топикѣ и частію въ Діалектикѣ, Цицеронъ, Квинтиліанъ въ своихъ Наставленіяхъ Ораторскихъ, Горацій въ своей Arte poëtica, а потомъ безчисленное множество)—разбирали или критиковали, писали родъ Эстетикъ (Лонгинъ — изъ древнихъ, и потомъ вся школа Александрійская, породившая тучи комментаторовъ, граматиковъ, филологовъ и т. д.)—составляли литературные магазины—(Діогенъ Лаэртій и другіе);—но лучше всѣхъ древнихъ, представитель всѣхъ ихъ Фотій, патріархъ константинопольскій, изумительно ученый и тонкій; потомъ множество безчисленное.

(Продолженіе не отыскано).

Піитическія преданія Персовъ. Четыре династіи, подъ именемъ *Лысановъ*, то есть *чистыхъ*, царствуютъ во все продолженіе *Аспара*, то есть, великаго цикла, содержащаго тысячу милліоновъ лѣтъ. I-я Династія. Основатель ея и вообще древней монархіи Ирана есть *Махабадъ*, св. пророкъ или патріархъ. Этотъ Махабадъ, первый отецъ рода человѣческаго, отъ самаго Бога получилъ четыре св. книги и раздѣлилъ свой народъ на четыре касты; его царствованіе, равно царствованіе тридцати преемниковъ его, составляетъ *золотой* вѣкъ Ирана. Люди ведутъ жизнь совершенно патріархальную: они весьма тѣсно соединены съ божествомъ и проповѣдуютъ его *единство;* покланяются божеству въ невинности души, приносятъ жертвы сколько простыя, столько же и чистыя; руки ихъ не обагряются кровью животныхъ. Власть царей есть власть отца надъ дѣтьми; у всѣхъ одно вѣрованіе, одна воля, одинъ законъ. II. За Махабадами настаетъ династія *Пихшдадовъ.* Три первые государя изъ этой династіи были: *Каимара, Сіамекъ,* пожатые смертью въ цвѣтѣ лѣтъ и *Хюшенгъ* или *Пихшдадъ.* Это были патріархи перваго закона или *закона неписанаго.* Хюшенгъ увидѣлъ священную искру огня, сверкнувшую отъ удара двухъ кремней, и сказалъ: »огнь есть

»божество; да покланяются ему въ семъ мірѣ». (Изъ поэта Фирдуси). Въ царствованіе *Джемшида* Персія достигла высочайшей степени своей славы. *Джемшидъ* есть герой преданій и народныхъ пѣсней Персіянъ. Онъ изъ утеса высѣкъ городъ Естакхаръ, названный въ послѣдствіи трономъ Джемшида. Высѣкая основаніе своего славнаго города, онъ нашелъ чудесный сосудъ, называемый *Дшамъ*, наполненный драгоцѣннѣйшимъ напиткомъ, и вмѣстѣ бывшій зерцаломъ міра, зерцаломъ магіи и чашею спасенія. Джемшидъ жилъ тысячу, царствовалъ 700 лѣтъ; его царствованіе было опять золотой вѣкъ Персіи; онъ зналъ свойства растеній, тайны химіи и недовѣдомыя сокровища натуры. Но онъ возгордился, пожелалъ быть богомъ, — и это было источникомъ бѣдствій для народа. Явился *Зогакъ* или *Цохакъ* — орудіе правды небесной, истинный образъ сатаны; онъ пришелъ съ запада, и превратилъ блестящее состояніе Ирана въ ужасную ночь: его совѣтники вели къ ужаснѣйшимъ преступленіямъ; два страшные змія, бывшіе у него вмѣсто наплечій, ежедневно опустошали Персію, дабы насытить свой голодъ; это были настоящіе губы демона.

Является спаситель Ирана, молодой и сильный *Феридунъ*, герой правды, произшедшій отъ крови Джемшида. Битва съ Цохакомъ: онъ побѣжденъ, живой попадается въ руки Феридуна и заключается въ пещеру горы Дамавенда. Это случилось въ точкѣ равноноція; почему Персы торжествуютъ оное. Но бѣдствія Ирана здѣсь не оканчиваются; идетъ продолжительная борьба между Ираномъ и Тураномъ.

III. Династія *Кананидовъ*, то есть, *сильныхъ* или *мужей лука* (les hommes de l'arc). Въ этомъ періодѣ видимъ *Гюстаспа*, прозваннаго *Гирбудомъ*, то есть, поклонникомъ огня, введшимъ или возобновившимъ служеніе огню; государь, по преданію и стихамъ, сколько великій, столько же и мудрый. Онъ учредилъ престолъ свой въ Естакхарѣ въ Фарсистанѣ, оставивъ престарѣлаго отца своего въ городѣ Балкѣ. Но вдругъ *Аргіазбъ* сынъ *Афрасіаба*, царь Турана, основался въ Хорасанѣ съ многочисленною арміею. Гюстаспъ принужденъ былъ бѣжать, и ему ничего болѣе не оставалось, какъ соединить свое искуство съ силою своего сына *Исфендіара*. Исфендіаръ въ преданіяхъ и стихахъ Ирана есть *Рустанъ* (прежде Искандера—великаго Александра) герой въ эпопеѣ Персидской, подобный Рамѣ у Индійцевъ и Геркулесу у Грековъ. Подвиги его чудесны, памятники его славы гигантскіе: во-

сточныя развалины древнѣйшей архитектуры украшены именемъ Рустана. Онъ третій герой поэмы персидской.

Въ древнія времена люди жили богатые чистотою и невинностію; не зная себя самихъ, они исполняли законъ въ совершенной простотѣ сердца. Такъ въ династію Пихшдадовъ они не имѣли нужды въ законѣ писанномъ. При Джемшидѣ Ормуздъ воздвигъ великаго пророка *Гома* (Hom) или *Гомана*—древо познанія и жизни, источника всякаго благословенія, подобнаго Гермесу египетскому, Буддѣ индійскому. Гомъ первый возвѣстилъ слово и принесъ законъ; онъ основатель магизма и со времени его Иранъ сталъ имѣть учителей или пророковъ, называемыхъ *магами*, блюстителей и начальниковъ втораго закона, откровеннаго Гомомъ. Маги Персовъ раздѣлились на три класса по чинамъ и по степени знанія: a) *Гербеды* или ученики; b) *Мобеды* или наставники; c) *Дестурѣ—Мобеды*, или учители совершенные, верховные. Маги были исключительно обладателями знанія, пророками, истолкователями словъ, воспитателями царей и т. д.

Примѣч. a) Законъ естественный; b) Законъ откровенный, но только словесный, возвѣщенный Гомомъ.

Во дни Гюстаспа явился сильный Зороастръ, именуемый *Зерадоштъ*, или *Зередоштро* или *Зердуштъ*—звѣзда свѣта. Онъ чистѣйшее истеченіе божества, могшее не умирать, и не подвергаться измѣненіямъ тѣла; тѣло его было такъ свѣтло, что освѣщало всю комнату, въ коей онъ находился. Онъ посѣтилъ небо и получилъ отъ Ормузда священный огнь вмѣстѣ съ *словомъ жизни—зенд-а—вестою*. Онъ сходилъ въ адъ; наконецъ исполнивши свое посольство, онъ остался жить на горѣ Альборди, гдѣ исключительно посвятилъ себя созерцанію и благочестію. Онъ написалъ законъ на землѣ, третій законъ писанный,—Зенд-а̀-весту.

Зенд-а̀-веста не есть однакоже сочиненіе одного человѣка; она есть коллекція, содержащая въ себѣ религію древнихъ маговъ; она состоитъ изъ двухъ частей, написанныхъ двумя нарѣчіями: a) *Зендъ*—древнее, литургическое нарѣчіе; b) *Пельви*—новое нарѣчіе. Книги Зенды, всѣ каноническія, суть: a) *Вендидадъ*, о сраженіи противъ Аримана или зла; b) *Ицешне*—возвышеніе души; c) *Веспередъ*—глава, начальникъ существъ или бытія. Сіи три книги—Вендидадъ, Ицешне, Веспередъ составляютъ *Вендидадъ—Садѐ*, родъ служебника, изъ котораго жрецы должны каждый

день, предъ восходомъ солнца, повторять извѣстные стихи и молитвы; далѣе *Іештсъ—Садѐ,* сборникъ, содержащій, кромѣ *Іештсъ,* много другихъ молитвъ разныхъ названій, и *Сирузѐ*—тридцать дней—родъ литургическаго календаря. Вторая часть Зенд-à-весты есть *Бундегешъ,* книга, написанная на нарѣчіи Пельви и содержащая въ себѣ понятія о космогоніи, религіи, богопочитаніи, астрономіи, земледѣліи, постановленія гражданскія и проч. У Персовъ Бундегешъ въ такомъ же уваженіи, какъ *Зендъ.*

Кромѣ Зенд-à-весты Персы имѣли книги нравоучительныя, мудрость символическую, словомъ, *апологъ* или *басни.* Творецъ ихъ *Локманъ;* объ немъ разсказываютъ чудеса: но кто онъ, гдѣ родился—неизвѣстно; жилъ, говорятъ, за 1000 лѣтъ до Р. Х.

Нѣтъ сомнѣнія, что древніе Персы имѣли также своихъ эпическихъ поэтовъ: но они неизвѣстны. Персы нашего времени хвалятся однимъ *Фердуси* или *Фирдуси.* Жилъ спустя 1020 л. по Р. Х.; по приказу Шахъ-Махмуда написалъ великую эпопею, содержащую 60,000 двустишій, слѣдовательно 120,000 стиховъ. Восточный Гомеръ воспѣлъ въ ней древнія народныя преданія и исторію предшественниковъ Махмуда. Содержаніе взято изъ источниковъ, неизвѣстныхъ Грекамъ и Римлянамъ, и изъ книгъ Пельви, потерянныхъ теперь.

Есть еще двѣ книги: a) *Десатиръ,* по Гиммеру, будто древнѣйшая, по другимъ нѣтъ; b) *Дабистанъ,* составленная будто бы въ XVII вѣкѣ изъ Пельви манускриптовъ, магометаниномъ кашемирскимъ Шеикъ-Магометъ—Мохсеномъ, по прозванію *Фани* или тлѣннымъ. Джонесъ, Мюллеръ и Герресъ обращаютъ на эти книги вниманіе. Обѣ книги описываютъ періодъ религіи Ирана и міра азіатскаго, древнѣйшій Зороастра и даже Гома, его предшественника.

Примѣч. За изчисленіемъ и описаніемъ этихъ книгъ непосредственно слѣдовали извлеченія изъ нихъ, читанныя съ приличными объясненіями: но рукопись эта не отыскана мною.

Замѣтки объ Индійской поэзіи. Начнемъ снаружи, съ того, что можно видѣть, или слышать—съ языка. Говорятъ, языкъ индійскій прекрасенъ, прекраснѣе всѣхъ языковъ въ мірѣ. Онъ имѣетъ двѣ главныхъ вѣтви: одна называется *Пракрита,* другая *Санскрита. Пракрита* есть языкъ народный, общеупотребительный; теперь ли онъ употребляется въ Индіи или употреблялся въ старину, а нынѣ уже омертвѣлъ,—

это мнѣ неизвѣстно; Шлегель называетъ его мертвымъ, народнымъ языкомъ. Онъ не такъ превосходенъ, какъ Санскрита.

Санскрита есть, по Шлегелю, языкъ *доконченный, совершенный;* по другимъ, *слово священное, языкъ божественный*, можетъ быть точь въ точь Sancta Scripta. Этотъ языкъ есть древнѣйшій въ Индіи, теперь не употребительный въ разговорѣ, а только оставшійся въ священныхъ книгахъ индійскихъ, и у Шлегеля называется литургическимъ. По отношенію къ нашему языку, *Пракрита* въ Индіи есть тоже, что у насъ нынѣшній русскій общенародный языкъ; а *Санскрита* тоже, что у насъ Богослужебный, церковно—славянскій.

Къ *Санскрита* собственно относятся похвалы оріенталистовъ. Фр. Шлегель въ одномъ мѣстѣ говоритъ: »языкъ санкритскій, по отношенію къ граматическому строенію и внутреннему составу, есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ языковъ; богатствомъ и разнообразіемъ граматическаго развитія своего, при правильности самой простой, онъ далеко превосходитъ греческій и римскій языкъ.« (Исторія Литерат. Част. 1 строн. 194) Тотъ же Шлегель въ другомъ мѣстѣ сказываетъ: »древне-индійскій языкъ, по справедливости, называется *Санскрита*, то есть, совершенно докончанный. Въ составѣ и граматикѣ своей будучи образованъ совершенно сходно греческому, только несравненно правильнѣе и чрезъ то самое простѣе, но не менѣе богатый, чѣмъ сей послѣдній,— онъ сочетаваетъ искусную полноту развитія и разсудительнаго образованія, которыми отличается греческій языкъ, съ простою краткостію и строгою опредѣлительностью языка римскаго; находясь въ близкомъ сродствѣ въ корняхъ съ языкомъ персидскимъ, онъ представляетъ тотъ же полетъ вдохновенія и обильную, стремительную, природную силу въ выраженіи, какая находится въ персидскомъ. Древне-индійскій языкъ, въ самомъ полномъ, самомъ совершенномъ смыслѣ, долженъ быть названъ языкомъ священническимъ«. (Тамже стран. 218). Въ этомъ языкѣ всѣ гласныя чистыя и только двѣ двугласныхъ; согласныхъ въ немъ 38, и сочетаніе ихъ съ гласными и между собою, говорятъ, такъ пріятно и стройно, что рѣчь является благозвучнѣе и музыкальнѣе италіанской. А откуда такой прекрасный языкъ произошелъ? Его далъ и научилъ ему людей *воистину-пришедшій* или *Вишну*.

Наружная форма всѣхъ древнихъ писаній индійскихъ, говорятъ, по большой части есть *слока*, а *слока* есть двустишіе, или по нашему,

куплетъ, состоящій изъ двухъ равномѣрныхъ стиховъ, заключающихъ полную и круглую мысль; каждый изъ двухъ стиховъ имѣетъ въ себѣ 16 слоговъ, и каждый имѣетъ цезуру послѣ осьми слоговъ, то есть на половинѣ. Примѣръ:

Vâvat Sthâsyanti giraias saritascha mahitale,
Tavâd Râmayanakatha lokeshu pracharishyat:
Доколѣ стоятъ горы и рѣки на землѣ существуютъ,
Дотолѣ Рамаяна въ устахъ людей жить будетъ.

Произнести эту слоку надлежащимъ образомъ мы не умѣемъ; потому что истинное произношеніе, особенно нѣкоторыхъ словъ, есть великій секретъ браминовъ, и въ немъ, говорятъ, заключается великая мудрость.

Откуда произошла слока? Кто научилъ ей поэта? Послушаемъ преданій индійскихъ; онѣ любопытны. »Мудрый Вальмики, творецъ Рамаяны, видѣлъ двухъ нѣжно-любящихся птичекъ; стрѣлокъ или кто другой въ глазахъ Вальмики немилосердо умертвилъ самца; птичка—вдова осталась тоскующею; поэтъ страдалъ объ ней душою, и свое поэтическое состраданіе о покинутой птичкѣ невольно излилъ словами въ стройномъ размѣрѣ. Этотъ размѣръ былъ *слока*. (Шлегель. Част. 1 стран. 220,221). Замѣтимъ вслѣдъ за Шлегелемъ: у индійскаго поэта состраданіе не есть просто состраданіе; нѣтъ,—по его вѣрѣ, въ тоскующей птичкѣ страдала божественная душа вселенной; поэтъ ей сострадалъ, ergo онъ подслушалъ слоку отъ божественной души.

Вотъ другое сказаніе о происхожденіи метра индійскаго. *Гарангуербегагъ*, томимый голодомъ раскрылъ уста; увидѣлъ солнце, и отъ страха возопилъ: *bhan!* Вотъ это *бганъ* и есть первое слово въ языкѣ человѣческомъ. Изъ сего слова bhan, произнесеннаго солнцемъ, Haranguerbehah создалъ имена и каждой вещи въ мірѣ далъ свое имя ей. Потомъ онъ началъ творить священныя книги и во первыхъ книгу Rak Beid. *Рак* значитъ рѣчь мѣрная, состоящая изъ четырехъ *мессраа* или полустишій, заключающихъ равное число буквъ; и потому все въ словѣ Божіемъ, имѣющее означенную рѣчь мѣрную, называютъ Rak. Во вторыхъ сотворилъ книгу *Джедиръ*. Djedir Beid означаетъ такія мѣста въ словѣ Божіемъ, въ коихъ messraa или четверостишія не заключаютъ равнаго числа буквъ. Въ третьихъ сотворена книга *Самъ* (Sam или Siam) такъ: къ буквамъ равночисленнымъ (mastouieh) примѣшана гармонія въ

произношеніи; отсюда слово Божіе, съ гармоніею произносимое, называется Siam. Чтобы произносить гармоническія мѣста писанія, написанныя полустишіями, не имѣющими равнаго числа буквъ, для этого нужно къ нѣкоторымъ словамъ прибавлять равные слоги, напримѣръ: hi, hi. ha, ha. hou, hou. Наконецъ *Гарангуербегагъ* сотворилъ метры разнаго рода стиховъ, не имѣющихъ равнаго количества буквъ. Oupnek' hat Tom 1. стран. 103. 104).

Положимъ, что это сказаніе довольно странно для насъ можетъ быть, потому что не понятенъ внутренній смыслъ его; положимъ, что оно взято изъ того источника, который Шлегель называетъ мутнымъ и мало къ чему годнымъ: но для насъ назидательно то, что вѣрованіе древнѣйшаго въ мірѣ народа отъ божества производило не только слово человѣческое, но и самый стихъ. Не меньше замѣчательна мысль, что божество, по сотвореніи всякой вещи, дало всякой изъ нихъ свое, неотъемлемое, неизгладимое имя—nomen fixum fecit. (a)

Когда ищешь святыхъ и вѣчныхъ истинъ въ литературахъ древнѣйшихъ народовъ языческихъ, когда ищешь съ усердіемъ и безкорыстіемъ, свободнымъ отъ предубѣжденій, и когда находишь ихъ тамъ или здѣсь, — радуешься, но все думаешь, что въ найденной истинѣ чего-то не достаетъ, и не достаетъ многаго—свѣта, жизни, полноты. Когда соображаешь, что трудъ, употребляемый на исканіе, далеко не награждаетъ самъ себя, или хотя и награждаетъ, но послѣ крайнихъ усилій: то невольно приходитъ на мысль баснь греческаго мудреца о домашней птицѣ, которая нашла драгоцѣнный камень—гдѣ же!... Святыя и вѣчныя истины суть драгоцѣнный камень: но какъ вообразить и чему уподобить тѣ литературы, о коихъ доселѣ было говорено, — можно догадаться по сравненію съ баснею. Нѣтъ ли гдѣ чистаго и свѣтлаго родника истинъ? Долженъ быть, и есть; это значитъ, мы хочемъ говорить о еврейской или лучше, священной поэзіи. Предваряю: во всякомъ народѣ есть человѣкъ или люди, коихъ должно назвать и называютъ представителями, глазами цѣлаго народа, который видѣнъ только чрезъ представителей и въ представителяхъ, и который безъ нихъ какъ будто не существуетъ. Это объ одномъ какомъ нибудь народѣ: но это же должно сказать и о

(a) И послѣ этого вступленія были чтенія изъ Рамаяны и Магабхараты: но между рукописями я не отыскалъ ихъ. Помню также, что Я. К. говорилъ намъ и о Китайской литературѣ,—но гдѣ дѣвались записки его—неизвѣстно. *Издатель.*

всѣхъ народахъ. Въ цѣломъ человѣчествѣ, въ пяти тысячахъ народовъ и племенъ долженъ быть одинъ какой либо изъ народовъ лицемъ, представителемъ всего человѣчества. Въ древнемъ человѣчествѣ почему представителемъ его не можетъ быть народъ еврейскій? Я не знаю, почему ему не быть лицемъ, когда онъ по лицу, по своимъ понятіямъ, ученію, закону, духу религіи чище, опредѣленнѣе, характернѣе всѣхъ другихъ народовъ востока, уже давно склонившагося на западъ свой, то есть, востока древняго. Литература есть представительница жизни своего народа тамъ, или здѣсь, — литература удѣльная, особая. Но во всемірной литературѣ и поэзіи должна быть одна какая нибудь представительницею, мѣриломъ, зерцаломъ всѣхъ удѣльныхъ литературъ. Въ древней письмённости почему еврейской не быть этой представительницей, мѣриломъ или повѣркой, источникомъ другихъ письмённостей? Согласимся же безъ дальнихъ изслѣдованій и споровъ, что народъ еврейскій есть представитель древняго человѣчества, и что письмённость, поэзія его есть представительница и истолковательница всей древней восточной письмённости.

Что же такое поэзія Евреевъ? Она есть то самое, чѣмъ называетъ ее сонмъ святыхъ пророковъ—пѣвцовъ израильскихъ,—есть слово Божіе, глаголъ Духа Святаго и творческое произведеніе сего Духа. Еврейскій пѣвецъ не говоритъ: я задумалъ и сталъ пѣть; мнѣ пришла счастливая мысль, благодатная минута — и я сталъ пѣть: я сочинилъ поэму и такъ далѣе. Нѣтъ; у пѣвца израилева нѣтъ своего *я;* не самъ отъ себя говоритъ онъ, а отъ Бога, отъ силы Божіей; онъ есть орудіе, есть лицо, но лицо страдательное. *Всякое пророчество книжное по своему сказанію не бываетъ,* говоритъ человѣкъ, совершенно и опытно постигавшій духъ еврейской поэзіи; не бываетъ по своему сказанію: *ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы* (2, Петр. 1. 20. 21), Сами пѣвцы пророки израилевы рѣдко не сказываютъ ясно, чтобы они начинали пѣснь свою безъ повелѣнія Іеговы (Исход. XIV. XV. Второзак. XXXII. XXXIII): но весьма часто извѣщаютъ, что пророчествуютъ, поютъ по завѣту Іеговы. »Былъ Духъ Божій на мнѣ: была рука Господня »на мнѣ; было слово Іеговы ко мнѣ; Іегова сказалъ мнѣ; Іегова послалъ »меня: поди, скажи то и то, и скажи *такъ* — вотъ обыкновенныя и постоянныя введенія пѣвцовъ израилевыхъ къ своимъ пѣснямъ. Но гово-

рятъ вялаго и реторическаго: »воспой, о муза; повѣдай, муза:« но повѣдаютъ то, что речетъ имъ Богъ. Не видимъ у нихъ поэтовъ—самозванцевъ, пророковъ не помазанныхъ; напротивъ, видимъ всюду призваніе, повелѣніе, видимъ невольное и вмѣстѣ въ высочайшей степени свободное воодушевленіе или боговдохновеніе. Величайшій изъ пророковъ—пѣвцовъ восхищается на небо духомъ, и посвящается въ пророка не на землѣ, не въ кастѣ, а на небѣ. Херувимъ посвящаетъ его, взявши угль огненный съ престола Іеговы; и первое двустишіе, мѣру для своихъ стиховъ и пророческихъ пѣсней слышитъ пророкъ, изучаетъ на небѣ же, изъ устъ херувимовъ и серафимовъ (Исаіи VI. 1. 3. 6. 7.)« Прежде нежели создалъ, »Я уже зналъ тебя; и прежде чѣмъ ты родился, Я освятилъ тебя и по»ставилъ тебя пророкомъ народовъ.... Не говори мнѣ, что ты отрокъ и »молодъ; Я пошлю тебя, и ты пойдешь; и что повелю тебѣ, то ска»жешь«. (Іереміи 1. 4—11) Вотъ посвященіе другаго пѣвца — пророка: »я былъ при рѣкѣ Ховаръ: и отверзлись небеса, и я видѣлъ видѣнія »Божіи.... и была на мнѣ рука Господня (Іезек. 1. 1—3) Отъ страха »видѣній я изнемогъ и палъ ницъ.... И пришелъ на меня духъ и взялъ »меня, и поднялъ меня, и поставилъ меня на ногахъ моихъ.... И сказалъ »мнѣ: Я посылаю тебя къ дому Израилеву.... и познаютъ они, что ты »пророкъ посредѣ ихъ (Тамже II. 1—10. III. 1. 2) Такъ посвящается Іезекіиль въ пророка—пѣвца. »Есть Богъ на небеси, открываяй тайны«,— это слова Даніила пророка (II. 27. 28). Амосъ говорилъ о себѣ Амасіи: »Не бѣхъ пророкъ азъ, ниже сынъ пророчь: но пастырь бѣхъ, и яго»дичія обирая; и поя мя Господь отъ овецъ, и рече ко мнѣ: иди и »пророцы на люди моя Израиля«. (Амосъ VII. 14. 15) Тоже о себѣ и »Давидъ: »Пасохъ овцы отца моего.... и взятъ мя отъ овецъ отца »моего и помаза мя елеемъ помазанія своего.« (Псал. CLI. 1—5).

Такимъ образомъ древняя вѣра древнихъ народовъ въ божеское происхожденіе поэзіи не есть вѣра у Евреевъ, но есть дѣйствительность; не есть темное сказаніе, а есть ясновидѣніе, есть живое и глубокое убѣжденіе въ томъ, что пѣвецъ—пророкъ не самъ и не свое вѣщаетъ, а говоритъ и вѣщаетъ въ немъ и чрезъ него Духъ Божій. Отсюда и характеръ еврейской поэзіи одинъ и единственный—*богодухновенность* или *слово Божіе* въ собственномъ и обширномъ смыслѣ; отсюда и направленіе этой поэзіи есть чисто *религіозное*. Всякій стихъ отъ Бога, о

Богѣ, для Бога и за Бога; отсюда формы священной поэзіи не суть формы стиходѣянія человѣческаго; это не драмы, не комедіи, не трагедіи, не сатиры, не поэмы героическія, ни элегіи, ни идилліи, —вообще, не прихотливыя формы поэта—человѣка; нѣтъ онѣ все это по виду, и ничего изъ этого по существу. Все что есть лучшаго, истиннаго и святаго въ поэзіяхъ другихъ народовъ, — все это въ поэзіи Евреевъ является въ чистѣйшемъ и опредѣленнѣйшемъ видѣ. Тамъ истинное и святое является какъ будто по наслышкѣ, невзначай, мимоходомъ; представляется либо чѣмъ-то заимствованнымъ и худо усвоеннымъ, либо придуманнымъ и страпно развитымъ. Здѣсь истинное и святое живетъ въ своей родимой области; является положительнымъ, вездѣсущимъ и всякій стихъ проницающимъ, въ цѣлой статьѣ и въ цѣлыхъ книгахъ движущимся, какъ движется кровь въ жилахъ человѣка здороваго и нѣжнаго по сложенію. Есть источникъ мутный; есть источникъ свѣтлый; въ мутномъ источникѣ отражается небо; въ свѣтломъ отражается небо. Но въ мутномъ и ясное небо представляется мрачнымъ, угрюмымъ, наведеннымъ безобразными полосами; въ свѣтломъ источникѣ ясное небо представляется какъ будто яснѣе, по крайней мѣрѣ, объятнѣе для взора и чувства. Если долго смотришь въ прозрачный источникъ, отражающій небо въ себѣ, ты можешь забыть объ источникѣ, ты можешь подумать, что видишь и разсматриваешь самое небо, которое приблизилось къ тебѣ чрезъ зеркало воды свѣтлой и спокойной. Небо есть вѣчная и святая истина (прошу разумѣть ее въ самомъ обширнѣйшемъ смыслѣ: вѣчная благость, вѣчная красота); небо, говорю, есть вѣчная истина; поэзія народовъ, незнавшихъ истиннаго Бога, народовъ языческихъ, есть мутный источникъ, отражающій одну и туже вѣчную истину, но отражающій тускло, неопредѣленно, невѣрно, иногда вовсе безобразно. Поэзія Евреевъ есть источникъ свѣтлый и прозрачный, отражающій истину такъ, какъ только она можетъ отразиться на землѣ, представляющій ее, конечно, въ видахъ, въ очертаніяхъ, въ ограниченномъ положеніи, но за то дѣлающій намъ ее доступною, осязаемою, снисшедшею или примѣрившею себя до нашей мѣры человѣческой. Не вложись она въ эту мѣру; мы вовсе ничего не знали бы объ ней. Но я изъясняюсь метафорами; надобно говорить подробнѣе и раздѣльнѣе.

Станемъ, по обычаю, разбирать наглядную сторону, то есть, наружную физіономію, то, что видимъ глазами въ еврейской поэзіи—ме-

трику. Есть ли эта метрика, то есть, мѣра стиховъ? Есть, безъ сомнѣнія; это можно доказать слѣдующимъ образомъ:

Стихъ у Евреевъ имѣетъ собственное свое названіе: *мизмо́р*, по нашему переводу *псаломъ*. *Мизморъ* происходитъ отъ корня *замàръ; замàр* означаетъ нѣть или голосомъ или на инструментѣ, но собственно *замàр* значитъ: *отсѣкъ*, *обрѣзалъ*, *укружилъ*—secuit, amputavit; оттуда *земурà* отрубокъ—surculus, *мизмерà* ножъ, которымъ обрѣзываются виноградныя вѣтви—falx vinitoris. Если въ этомъ смыслѣ *мизмо̀ръ* приложить къ рѣчи словесной; тогда *мизмо̀р* будетъ означать рѣчь укруженную, мѣрную, состоящую въ опредѣленномъ пространствѣ; однимъ словомъ: *мизмо̀р* будетъ нашъ *стихъ*, греческій ῥύθμος, латинское carmen, то есть, будетъ соотвѣтствовать этимъ названіямъ. Проза у Евреевъ называется *шелуха* (שלרחת)—рѣчь свободная, широкая, развѣсистая, какъ вѣтви у дикаго дерева: *земурà* напротивъ рѣчь размѣренная, приведенная въ извѣстный порядокъ, обчищенная, какъ виноградная лоза, у которой садовникъ отнялъ лишнія вѣтви и далъ ей форму опредѣленную.

Нѣкоторые изъ псалмовъ еврейскихъ составлены азбучнымъ порядкомъ. Каждая новая буква алфавита опредѣляетъ либо начало каждаго стиха, либо начало каждой строфы. Примѣры:

א Блаженъ мужъ, боящійся Господа
ב Въ заповѣдѣхъ его восхощетъ зѣло;
ג Сильно на земли будетъ сѣмя его;
ד Родъ правыхъ благословится. Псал. CXI.

א

Вознесу тя, Боже мой, Царю мой
И благословлю имя Твое во вѣкъ вѣка.

ב

На всякъ день благословлю Тя.
И восхвалю имя Твое во вѣкъ и въ вѣкъ вѣка. Пс. CXLIV. 1. 2.

Алфавитные псалмы въ еврейской Библіи суть: 24, 33. 36. 110. 111. 118. 144. Плачъ Іереміи, исключая послѣднюю главу; Притчей гл. XXXI съ стиха 10 до 31. Если сравнишь мѣста, означенныя буквами алфавита, найдешь, что онѣ часто имѣютъ опредѣленныя пространства; мысли къ мыслямъ, слова къ словамъ, даже говорятъ, слоги къ слогамъ

подбираются. Для чего алфавитъ? Можетъ быть, для удобнѣйшаго удержанія въ памяти стиховъ, кои нужно было пѣть при Богослуженіи, и пѣть по ликамъ, иногда подъ музыку.

3. Стихъ во всякой поэзіи имѣетъ право иное слово сокращать, другое продолжать, одно усѣкать, другое наращать; имѣетъ право отступать отъ обыкновенныхъ правилъ словосочиненія; имѣетъ право употреблять слова простонародныя или иноземныя, или взятыя изъ разныхъ нарѣчій того же языка. Знатоки еврейскаго языка утверждаютъ, что такую вольность употребляетъ еврейская поэзія больше, нежели какая нибудь другая; она слова усѣкаетъ и набавляетъ, продолжаетъ и сокращаетъ. Для чего? Очевидно, для метра. Проза еврейская не поступаетъ такъ. Жидъ Абарбанелъ замѣчаетъ о пѣсни Моисея по переходѣ черезъ Черное море слѣдующее: »видишь, въ этой пѣсни для стихотворной мѣры однѣ слова иногда сокращаются, иногда продолжаются прибавленіемъ нѣкоторыхъ буквъ. Добавляемыя или опущаемыя буквы суть: ו, י, ה, נ. Касательно употребленія словъ иностранныхъ въ еврейской поэзіи или нарѣчій, близкихъ Евреямъ, вообще замѣчаютъ, что она употребляетъ слова халдейскія и можетъ быть арабскія. Но объ этомъ трудно судить теперь, когда и еврейскій и халдейскій языки давно уже умерли. Употребленіемъ халдейскихъ словъ обыкновенно хотятъ доказывать недревность какой либо св. книги. Но это одна только привязка: впрочемъ намъ до этого нѣтъ дѣла; касаемся только мимоходомъ.

4. Всякій сколько нибудь знающій еврейскій языкъ прозу еврейскую читаетъ свободно: она для него ясна, понятна, вездѣ постоянна и сама себѣ равна. Но на одной страницѣ съ прозою вдругъ встрѣчается мѣсто, совсѣмъ не похожее на прозу: темнота, усѣченность или нарощеніе вовсе не по правиламъ и не по обычаю прозы. Чтожъ это такое? Это стихи, и болѣе ничего. Вотъ первые стихи библейскіе очень темные, и что онѣ значатъ, неизвѣстно (Быт. IV. 23. 24).

Адàг вецилла̀г шемаàн коли . . .	Ада и Селла, слушайте голосъ мой.
Нешеѝ лемéх гаазеннàх імрáти . . .	Жены Ламеха, внимайте рѣчь мою.
Ки иш гарàгти лифтцеѝ, ...	Убилъ я мужа на рану мою,
Веиéлед легабюрàти :	И отрока на язву мою.
Ки шиббатхáим юккàм Каин, ...	Потому седмью отмстится Каинъ
Велéмех шибóм вешибья̀х.	И Ламехъ седмьюдесятъ седмь.

Поэзія, поэзія!.. Она, какъ вамъ извѣстно, есть нѣчто важное само въ себѣ, есть нѣчто весьма интересное и необходимое какъ въ цѣломъ человѣчествѣ, какъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ человѣчества—въ народахъ, такъ и въ каждомъ человѣкѣ порознь. Ибо каждый человѣкъ въ удѣльной своей жизни, по временамъ непремѣнно бываетъ поэтомъ, или—въ жизни каждаго человѣка необходимо бываютъ, если не цѣлые годы, то цѣлые дни и часы истинно піитическіе. Не каждый поэтъ на бумагѣ, но каждый въ извѣстныя минуты поэтъ по чувствамъ, по свѣтлости воззрѣнія душевнаго, по неудержимой игрѣ неудержимаго воображенія, по легкой, свободной и гармонической настроенности всѣхъ силъ своихъ духовныхъ, по полнотѣ жизни, быстрый приливъ коей по временамъ волнуется въ груди каждаго человѣка. Въ такія минуты пою ли я чужіе стихи, живу ли чужою поэзіей, или напротивъ выражаю себя въ собственныхъ гармоническихъ звукахъ слова,— это все равно: въ томъ и другомъ случаѣ я все таки поэтъ: въ первомъ потому, что понимаю, вижу видѣнія другаго поэта, которыя на эту пору суть какбы мои: во второмъ потому, что мои видѣнія поэтическія облекаю въ мои же формы.

И такъ поэзія, говорю я, есть не только нѣчто весьма занимательное и пріятное, но и нѣчто необходимое и въ человѣкѣ и въ человѣчествѣ. Что же такое есть эта поэзія? Откуда она взялась? Какъ жила и двигалась тамъ или здѣсь? Какъ еще донынѣ живетъ и дѣйствуетъ тамъ и здѣсь, въ такомъ или другомъ народѣ? Подобные вопросы естественно родятся при словѣ и дѣлѣ о поэзіи, и если разложить ихъ подробно, найдешь, что ими объемлется и на нихъ вертится всякая теорія и исторія поэзіи всего человѣчества.

I. Что такое Поэзія? Сей вопросъ можно разложить такъ: a) какое она имѣетъ значеніе сама въ себѣ? b) Какое значеніе имѣетъ въ ряду другихъ творительныхъ искуствъ человѣческихъ? c) Какою силою творится? d) Какой предметъ ея? e) Какой имѣетъ или должна имѣть подлинный характеръ? f) При какихъ условіяхъ и по какимъ законамъ развивается? g) Какой ея удѣльный вѣсъ или цѣна, достоинство? h) Что выражаетъ или должна выражать? i) Какъ должна выражать? k) Какое ея назначеніе или цѣль—для чего она? l) Каково и далеко ли ея вліяніе на жизнь и судьбу человѣка и народа?—Разрѣшишь эти вопросы, а если не эти, то подобные имъ,—значитъ, составишь теорію поэзіи.

II. Разложимъ другой вопросъ: откуда началась и какъ развивалась

поэзія въ человѣчествѣ, въ народахъ? Разложеніе его въ существѣ будетъ заключать тоже, что прежде, только въ формѣ прошедшаго, именно: a) Какая сила или причина сдѣлала человѣка поэтомъ? b) Кто первый запѣлъ въ человѣчествѣ піитически, то есть, какой народъ? c) Какъ преемственно и совокупно развивалась поэзія у народовъ? d) Какой имѣла характеръ и значеніе въ такомъ или другомъ народѣ? e) Какое видѣніе (идею) отдѣльное въ такомъ-то народѣ выражала? И слѣдственно f) какое отношеніе этого отдѣльнаго видѣнія къ видѣнію общей жизни человѣчества? g) При какихъ условіяхъ развилась она въ народѣ такою, а не иною? h) Какое вліяніе имѣла на жизнь того народа, въ которомъ жила или который ею жилъ? i) До какой степени совершенства идеальнаго достигла? k) Если она уже отжила свой вѣкъ въ извѣстномъ народѣ,—то почему?—Рѣшишь эти и подобные, которыхъ впрочемъ не много можно придумать, вопросы,—значитъ, дашь Исторію прошедшей поэзіи.

III. Какъ теперь живетъ и движется поэзія въ человѣчествѣ и у народовъ? И этотъ вопросъ разлагается подобно предыдущимъ, а рѣшеніе его составляетъ исторію и видѣніе современной поэзіи. Совокупное же рѣшеніе всѣхъ вопросовъ даетъ полный курсъ всей поэзіи, курсъ, какъ видите, ужасный по своей необъятности, котораго еще нигдѣ, никогда не бывало.

Въ новѣйшія времена пустились на теорію словесную сначала Французы. Вотъ Роллень, Батё, Буало, Лагарпъ, къ нимъ же и Блеръ, хоть Англичанинъ. Но у Французовъ перебили славу и честь Германцы; эти со временъ Канта плотно принялись за теорію слова и теперь съ великимъ глубокомысліемъ пишутъ системы словесныя. Есть и у нашихъ писателей прекрасныя системы и теоріи словесности. У Англичанъ— не знаю.

Какъ по этимъ теоріямъ раздѣляется міръ словесъ? Большею частію такъ какъ въ вашей системѣ, то есть, на два царства: a) на слово поэтическое; b) на слово прозаическое, или на Поэзію и Краснорѣчіе. Полное ли это дѣленіе? Полное или нѣтъ, но мы примемъ его, потому что не пишемъ новой системы. Послѣдуемъ ему, и очевидно, станемъ сперва толковать о поэзіи въ историческомъ ея видѣ; а тамъ другой, кому Богъ приведетъ, будетъ говорить о видахъ поэзіи, о Краснорѣчіи въ историческомъ видѣ, о видахъ его и о прочемъ, о чемъ онъ знаетъ.

Итакъ *Исторія Поэзіи.* Но прежде нѣсколько замѣчаній мимо-

ходныхъ. Въ наше время открылся было жаркій споръ между словесностями, изъ коихъ одна назвалась классицизмомъ, другая романтизмомъ. Послѣдняя приняла еще имя *юной словесности*, въ Германіи *юной школы*. Говорятъ, и тамъ и здѣсь эти *юные* съ одной стороны очень бойки и заносчивы, а съ другой очень неопрятны, наглы и безстыдны. Въ существѣ, между классицизмомъ и романтизмомъ нѣтъ различія; въ формѣ— первый степеннѣе, пожилѣе, скромнѣе и законнѣе, другой — быстрѣе, смѣлѣе и необузданнѣе.

Словесность въ явленіи (in actu) можно раздѣлить на мірскую и священную (sacram et profanam). Нѣкогда дѣлили ее такъ, и дѣлали хорошо; не только въ христіанскомъ, но и въ языческомъ мірѣ были и есть двѣ словесности: богослужебная и мірская. Онѣ имѣютъ каждая свой духъ неслитный, самодвижущійся; по количеству данныхъ онѣ составляютъ именно два царства въ одномъ мірѣ слова весьма огромныя; особенно это должно сказать о словесности въ христіанствѣ.

Еще: Словесность по пріемамъ, предметамъ и цѣлямъ можно раздѣлить на богослужебную, ученую, дѣловую, житейскую и изящную. Основаніе видно.

Наконецъ теоріи слова и системы планируютъ одно слово письменное, книжное, слѣдственно мертвое. Говорятъ: изящная словесность дѣлится на два рода: Поэзію, Краснорѣчіе. Нѣтъ ли чего еще? Неужели только и есть употребленій изящнаго слова, чтобъ говорить, или лучше, писать стихи и красныя рѣчи? По моему, есть еще употребленіе слова. Какое? Самое простое и нужное — просто говорить, бесѣдовать, употреблять живое слово. Первѣе всего намъ нужно говорить, а не писать; первѣе всего мы дѣйствительно говоримъ, а не пишемъ, не сочиняемъ. Почему же нѣтъ теоріи на живую бесѣду, на текучій разговоръ? Скажутъ: кто хорошо пишетъ, тотъ хорошо разговариваетъ. Невсегда; говорунъ на бумагѣ, иногда нѣмъ бываетъ въ бесѣдѣ. Скажутъ: невозможна теорія. Неправда. Трудно выполнять? Ее прекрасно когда-то выполняли. Вспомнимъ греческій діалогъ, бесѣды Отцовъ Церкви, которые говорили, не приготовляясь. Нѣмота у насъ происходитъ именно отъ акроаматическаго способа преподаванія, котораго не знали въ Греціи, да отъ привычки и принужденія все писать и сочинять, а не устно разсуждать.

Еслибы кто отважился развертывать полную и живую картину по-

эзіи,—другими словами: еслибы кто захотѣлъ представить полный, отчетливый курсъ Поэзіи въ цѣломъ человѣчествѣ отъ перваго дня его жизни и до настоящей минуты, въ которую говоримъ съ вами: такой смѣлый человѣкъ могъ бы идти двоякимъ путемъ, или лучше, однимъ изъ двухъ путей, либо a) *регрессивнымъ*—возвратнымъ, либо b) *прогрессивнымъ*—впередъ поступательнымъ

Регрессивнымъ, то есть, онъ сначала понялъ и созналъ бы видѣнія Поэзіи, ему современной, у всѣхъ народовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ живутъ и на разные манеры поэтизируютъ себя, и представилъ бы эти видѣнія въ живой и вѣрной картинѣ, то есть, въ лекціяхъ; далъ бы имъ сродныя рамы и всѣ размѣстилъ бы въ точномъ, идеально—строгомъ порядкѣ. Потомъ онъ обратился бы къ поэзіямъ народовъ, ближайшихъ къ современному человѣчеству; съ тѣми поэзіями онъ поступилъ бы также, какъ съ современною и открылъ бы между ними естественную связь и роковое вліяніе. Идя такимъ образомъ, онъ постепенно развертывалъ бы народы за народами, въ ихъ поэзіяхъ, пока дошелъ бы до крайней и начальной точки историческаго бытія поэзіи и обратился бы къ вопросу: что она? И тогда теорія поэзіи была бы не иное что, какъ чистый и вѣрный результатъ всѣхъ поэзій въ мірѣ, дружно представшихъ ясновидящему изслѣдователю для отчета, для отданія въ его теорію всего того, что въ нихъ есть самаго истиннаго и существенно піитическаго, творческаго; и тогда теорія Поэзіи была бы полна, жива и прекрасна; она была бы превосходнѣе всѣхъ идеальныхъ теорій: ибо она составилась бы не на обумъ (это то, что у васъ называется *составлять по идеѣ*), а создалась бы на фактахъ, на данныхъ, которое само собою, строго и прозорливо изслѣдованное, проникнутое, тотчасъ дало бы и эти силы и эти законы и эти необходимыя условія, которыя творятъ теорію и о которыхъ такъ много хлопочутъ, не зная, гдѣ ихъ уловить. Тогда, можетъ быть, теорію подлинную мы узрѣли бы въ свѣтломъ видѣ, или, на вашемъ нарѣчіи, въ идеѣ. Но такой теоріи, такого курса Поэзіи ни кто никогда не составлялъ, даже можетъ быть никогда и не думалъ. Поэзію, какъ и другія науки, терзаютъ по частямъ, обдѣлываютъ края; одинъ толкуетъ о піитикѣ; другой видитъ ее, какъ нѣкое изящное и даетъ мѣсто въ Эстетикѣ. Одинъ читаетъ Гомера и Пиндара, другой Виргилія и Лукреція и тутъ же Іова и Іеремію; тотъ Данта, а тотъ Камоэнса, и всякій по своимъ произволамъ сердца или по своимъ воз-

зрѣніямъ, между которыми вѣчная брань. Отъ чего бы это не было такого курса, о какомъ выше сказано? Это ясно, какъ день: онъ не возможенъ; всякій человѣкъ есть только человѣкъ, а не человѣчество. »Я вижу, говорила одна ясновидящая, настоящее все и прошедшее, какъ въ перспективѣ; времена и народы съ своими дѣлами и событіями стройно идутъ передо мною въ ихъ систематическомъ, послѣдовательномъ, одинъ изъ другаго истекающемъ порядкѣ.« Вотъ видите, въ какомъ состояніи надлежало бы очутиться тому, кто пожелалъ бы создать полный курсъ какой бы то ни было науки, слѣдственно и поэзіи. Но какъ ясновидѣніе не есть удѣлъ здоровыхъ и иногда тучныхъ писателей теорій; то и теорія подлинная, истинная теорія не всегда, а можетъ быть и никогда не есть судьбою опредѣленный удѣлъ ученаго человѣчества. Впрочемъ, это не значитъ, будто я васъ обездоливаю, обезнадеживаю; нѣтъ,—кто способенъ, тотъ можетъ возвышаться до видѣній теоріи доброй. Какимъ образомъ?

Другой путь-*прогрессивный*, поступательный; то есть, сперва составляется теорія поэзіи, отыскивается ея идея, выводятся начала, законы, условія и на всемъ этомъ зиждется система; потомъ дѣлается переборка всевозможнымъ поэзіямъ въ мірѣ, берутъ какую нибудь, напримѣръ, греческую, италіанскую и т. д. и цѣнятъ, характеризуютъ по составленной напередъ теоріи. И тогда теорія бываетъ мѣриломъ для всемірнаго поэтоваго духа; но это не всегда бываетъ удачно; это мѣрило часто бываетъ лживо и похоже на купеческое. Отсюда и оцѣнка бываетъ лжива и негодна. Примѣровъ тому много. Эти курсы французскіе прошедшаго столѣтія; эти Батё, Лагарпы, Буало,—они хороши, во многомъ полезны, да только чувственны. Языкъ человѣческій у нихъ родился отъ нуждъ житейскихъ, отъ нѣкоей первоначальной нѣмоты, которая вѣками разрѣшалась сперва въ *а*, *е*, *і*, *о*, *у*, потомъ въ междометія *ha, he, hi, ухъ;* далѣе — *ба*, *па* и цѣлое *папа*, *тамап*. Поэзія тоже отъ нуждъ, отъ кокетнаго, истинно—французскаго любовнаго взгляда на природу, отъ охоты пѣть и хвалить и т. д. Неужели въ такой теоріи есть истина? Еще: они ограничились Греками и безпрестанно повторяли оный стихъ Римлянина: vos exemplaria Graeca versate nocturna, versate manu diurna; потомъ ограничились поэзіей римскою—и только. (Лагарпъ взялся было за Камоэнса, но только испортилъ его въ

своемъ переводѣ). Неужели эта теорія полна? Она по мѣстамъ ложна и вообще недостаточна.

Впрочемъ не собирая всѣхъ фактовъ поэзіи, не постигая ихъ духа и значенія, можно созидать истинную теорію поэзіи. Откуда ее взять? На извѣстныхъ, даже не многихъ, данныхъ у человѣка есть способность, какъ я сказалъ, возвышаться до видѣній. Тогда дѣло, сущность, духъ, законъ сами собою бываютъ явны; стоитъ только все это ввесть въ формы; и тогда составится теорія. Есть ли истинныя теорія поэзіи? На этотъ разъ не могу сказать ничего рѣшительно: впрочемъ, кажется нѣтъ; есть хорошія, прекрасныя—и только. Идея Вѣчной Красоты, Вѣчнаго Изящнаго только угадывается; только имя есть и нѣкоторый обликъ ея мелькаетъ передъ душою избранныхъ. Между тѣмъ что и съ этой идеей? Ею измѣряютъ изящную словесность, изящную поэзію; но въ Эстетикахъ къ этой же идеѣ прикладываютъ искуство танцовать, мимичать или обезьяничать, комедію и волшебную оперу. Развѣ это не обида для идеи Вѣчной Красоты и Изящества?

Вотъ это два пути, которыми можно дойти до видѣній поэзіи. Я ихъ указалъ потому, что вамъ нужны пути. Ты идешь все далѣ-далѣ; ты молодъ, полонъ жизни и силы. Почему не вѣровать, что кто нибудь изъ васъ пойдетъ прямымъ путемъ къ извѣстному предмету и будетъ счастливъ на этомъ пути? Наши надежды и лучшія желанія текутъ за молодыми и благонравными людьми точно такъ, какъ течетъ любовь и молитва. Какимъ я теперь пойду путемъ въ изслѣдованіи поэзіи? Ни тѣмъ ни другимъ, или лучше—и тѣмъ и другимъ,—еще прямѣе—тѣмъ, который указанъ въ вашей системѣ. Свой путь избирать мнѣ не время и не къ чему; наше время проходитъ; мы не то что вы.... Короче: мы начнемъ слегка рѣшать вопросъ: что поэзія?

Просто, — поэзія есть искуство строить стихи, — или — собраніе множества стихотворныхъ произведеній называется поэзіей. Но это понятіе есть понятіе піитики, а не поэзіи. Чтожъ поэзія? Въ смыслѣ общемъ, или, если угодно, въ высшемъ знаменованіи, поэзія не есть ни стихъ риѳмованный, ни слово, возведенное въ поэму; не есть она игра фантазіи; не есть вольная воля души или произвольное созданіе духа: она есть все это вмѣстѣ и не можетъ быть чѣмъ либо однимъ. Но и этого для ней мало: Поэзія есть духъ въ лучшія минуты бытія своего, духъ, гармонически настроенный, живущій всею полнотою жизни, ему

свойственной, ясновидящій, ясночувствующій, всему сочувствующій и никѣмъ особно не обладаннный. Но я долженъ измѣнить языкъ. Древніе говорили: поэзія есть языкъ боговъ; поэта называли они пророкомъ— vates. Тутъ въ этихъ выраженіяхъ есть истинное значеніе поэзіи.

»Пѣсни отъ Бога—и только для Бога«,—въ этой древней истинѣ выражается древняя вѣра и въ происхожденіе поэзіи и въ ея существенное знаменованіе. Боги даровали человѣку стихъ, — такъ думали Греки; Аполлонъ есть первый обладатель и творецъ лиры; Аѳина или Минерва изобрѣла свирѣль; лира и свирѣль—это двѣ стихіи, въ кои воплотилась поэзія.

Но оставимъ боговъ и богинь греческаго Олимпа; можно въ другомъ мѣстѣ найти рѣшеніе вопроса: какое значеніе имѣетъ, или лучше— должна имѣть поэзія? Именно въ понятіи о первобытномъ состояніи духа человѣческаго. Истинная поэзія, по моему понятію, должна быть нечѣмъ инымъ, какъ только пѣснію религіи, или пѣсненною религіей, выраженіемъ отношеній духа человѣческаго къ тому, что всего лучше и выше для него, что есть свѣтъ, жизнь и безконечная радость его, то есть къ Богу. Такова по крайней мѣрѣ долженствовала быть первая и всѣ древнѣйшія поэзіи. Чѣмъ могъ быть первобытный духъ человѣческій, какъ не поэтомъ? — Философомъ? Онъ видѣлъ, созерцалъ; ему нечего было искать, пока онъ ничего не потерялъ. Историкомъ? Ему нечего было повѣствовать; его прошедшее и будущее было его настоящимъ. Законодателемъ? Онъ безъ закона и права жилъ право; *вѣмы*, говоритъ древній мудрецъ, *якѡ сотвори Богъ человѣка праваго.* Политикомъ? Тогда люди жили согласно, какъ одинъ духъ и одно сердце, одно стройное слово: *и бѣ*, говоритъ бытописатель, *вся земля устнѣ едины и языкъ единъ.* Оставалась одна пѣснь, живая, чудная и восхитительная (а);

Какой предметъ поэзіи? Что выражала и что, потому, должна выражать она? Пѣсненный духъ, чистый, не обаянный лукавствомъ грѣха и плоти, ничего инаго не можетъ выражать, ни пѣть, какъ только три предмета различныхъ, но не разъединенныхъ, а гармонически связанныхъ,

---

(а) Здѣсь, между прочимъ, не заключается ли рѣшеніе или подкрѣпленіе той исторической истины, что у всѣхъ народовъ Поэзія являлась прежде всѣхъ другихъ наукъ и твореній словесныхъ? *Примѣчаніе Я. К. А.*

изъ трехъ во едину пѣснь обращенныхъ: 1) Бога; 2) себя самаго въ Богѣ и для Бога; 3) вселенную—живой глаголъ и пѣснь Бога.

1. Духъ ясновидящій или хотя въ видѣніи созерцающій великаго и святаго Бога, хоть сквозь тонкій, священный мракъ прозирающій лицо Іеговы, ничѣмъ инымъ не можетъ быть плѣненъ и восторженъ, кромѣ своего Создателя. Онъ есть единый, вѣчный свѣтъ или истина его, вѣчное благо, вѣчная красота и веселіе. Вѣчный Свѣтъ, вѣчная Благость и вѣчная Красота—суть вѣчная пѣснь духа человѣческаго. *Святъ, Святъ, Святъ*—такъ взываютъ ангелы на небесахъ день и ночь; довольно этихъ словъ и для духа человѣческаго; въ нихъ безмѣрная глубина и пространство поэтической пѣсни. И если бы мы увидѣли первобытный нашъ духъ, и если бы спросили: что онъ дѣлаетъ? Онъ сказалъ бы намъ, какъ пророкъ: *пою Богу моему, дондеже есмь*,—пою, и только...

Невинный духъ самъ для себя есть великій предметъ поэзіи; онъ можетъ, онъ желаетъ выражать себя самаго въ пѣсняхъ святыхъ и Богу пріятныхъ; изъ себя желаетъ устроить пѣснь для Бога своего. Видали ли вы ангеловъ на картинахъ Рафаэля? Посмотрите: одинъ прекрасный юноша неба сидитъ, положивъ юную голову на руки; по видимому, ничего не мыслитъ, ни о чемъ не заботится; безпредѣльное спокойствіе и небесная невинность въ чертахъ лица, во взорѣ. Онъ наслаждается; что онъ сталъ бы дѣлать? Пѣть, и больше ничего; только къ этому настроено его положеніе. Другой легко и непринужденно устремилъ взоръ въ высоту; въ ликѣ его видно блаженное помышленіе—тихое, спокойное, удивленіе также тихое, спокойное. Если бы можно было говорить съ нимъ: какъ бы онъ говорилъ съ нами? Онъ бы и вѣщалъ намъ языкомъ поэзіи; другой языкъ не естественъ и не сообразенъ его положенію. Что пѣли бы ангелы эти? Себя, свое блаженство, свою радость, невинность, свой покой въ Богѣ. Таково положеніе и духа человѣческаго, пока онъ невиненъ.

Πολλὰ τα δεινά, κουδεν ἀνθρῶπε δεινότερον πέλει.

»Много въ свѣтѣ удивительнаго, но нѣтъ ничего удивительнѣе человѣка,« говоритъ Софоклъ. Если для поэзіи необходимо требуется чудесное и великое: то великое чудо для человѣка есть самъ человѣкъ съ его великимъ духомъ и съ его прекраснымъ тѣломъ. Какъ же духу не пѣть себя? Какъ въ себѣ, чрезъ себя, и за себя не воздать хвалу

Творцу и Владыкѣ своему? Если бы опять и здѣсь увидѣли бы мы не падшаго нашего духа, и если бы спросили; что онъ дѣлаетъ? Онъ опять сказалъ бы намъ: »пою мое блаженство въ Богѣ и отъ Бога«.

Богъ есть вѣчная любовь и благость; и духъ человѣческій есть любовь и благость, сотворенная любовію несозданною. Чѣмъ другимъ могла первоначально выражаться жизнь этой любви, истекшая отъ вѣчнаго источника жизни, и вліяніе сей послѣдней на первую—чѣмъ, какъ не пѣснію хвалебною? »пою любовь мою въ Богѣ и отъ Бога«.

Такимъ образомъ ясное видѣніе своей чудно устроенной природы, не похожей ни на вселенскую, ни на ангельскую природу, полнота веселія и блаженства, полнота любви, полнота всей духовной жизни подлѣ Бога—вотъ предметъ поэзіи для духа въ самомъ же духѣ. И это была религія духа; любовь была и есть первымъ побужденіемъ пѣть или быть поэтомъ. Правда, мы не знаемъ пѣсней первобытнаго духа нашего; онъ ихъ не оставилъ намъ: но что онѣ таковы должны быть, какъ сказано,—къ этому ведутъ насъ прямыя заключенія, выводимыя умомъ изъ прямаго ученія нашей религіи о первосозданномъ человѣкѣ; ведутъ предчувствія, или паче, воспоминанія собственнаго, теперешняго духа нашего, или какъ говоритъ поэтъ: »мое мнѣ сердце то вѣщаетъ«; ведетъ Исторія поэзіи у всѣхъ народовъ. Этотъ вѣкъ астреи, такъ прекрасно изображенный у греческихъ и римскихъ стихотворцевъ, этотъ золотой вѣкъ, который воображаютъ первымъ всѣ народы;—что такое онъ есть, какъ не воспоминаніе о пѣсни духа первобытнаго?

Вселенная—это третья огромная область поэзіи: но какъ? Опять въ духѣ религіи. Поэтъ есть жрецъ природы, органъ ея; природа—жертва; или: черезъ поэта, чрезъ его слово живое природа поетъ пѣснь хвалы Богу своему. Для духа чистаго и безгрѣшнаго вселенная есть слово самаго Бога; и если нужно ему пѣть отъ лица вселенной, онъ долженъ и онъ желаетъ пѣть только Бога въ природѣ—вѣчный Свѣтъ или Истину, вѣчную Благость и Любовь, откровенную въ созданіи вселенной и въ ея великой жизни. Все, что въ ней есть,—это есть край ризы Божіей, отблескъ вѣчной славы Творца, или какъ говоритъ Апостолъ: *откровеніе присносущной силы и божества.* (Римл. 1. 20). Почему и поэзія должна быть не иное что, какъ переведеніе въ слово, въ пѣснь славы и святости Божіей, видимой въ бытіи вселенной. Поэзія въ такомъ смыслѣ опять есть религія. Она и была такова. Тѣ изъ поэ-

товъ, коихъ пѣсненный духъ былъ чистъ и подлѣ Бога,—тѣ въ своихъ пѣсняхъ славили Бога природою. Въ одной изъ нашихъ молитвъ церковныхъ находимъ существенный характеръ поэзіи, когда предметъ ея есть вселенная. *Велій еси, Господи, и чудна дѣла Твоя и ниедино же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ! Ты бо хотѣніемъ отъ несущихъ, во еже быти, приведый всяческая; Твоею державою содержиши тварь и Твоимъ промысломъ строиши міръ.... Ты отъ четырехъ стихій міръ сочинивый, четырьмя времены кругъ лѣта вѣнчалъ еси. Тебе трепещутъ умныя вся силы; Тебе поетъ солнце; Тебе славитъ луна; Тебѣ присутствуютъ звѣзды; Тебе трепещетъ бездна; Тебѣ работаютъ источницы.... Вся тварь воспѣваетъ Тя явившагося«*. Вотъ вселенная, какъ предметъ поэзіи истинной, и вотъ поэзія, заимствующая себѣ пѣсни отъ природы! У Давида и пророковъ таже самая пѣснь и поэзія, когда они обращаются къ природѣ; и тамъ небеса вѣщаютъ, какъ поэты; ночь со днемъ ведутъ бесѣду; звѣзды хвалятъ, птицы и звѣри поютъ, земля и горы то играютъ, то трепещутъ, смотря потому, какъ Владыка ихъ взираетъ—съ гнѣвомъ или благостью.

У Индійцевъ, Персовъ, Грековъ и Римлянъ тоже, только въ другомъ, тѣлесномъ смыслѣ. У нихъ не Богъ, но боги; и вездѣ эти боги: въ тѣлахъ небесныхъ солнце—Фебъ, луна—Цинтія печальная; въ горахъ, озерахъ, моряхъ, и рѣкахъ, въ деревьяхъ, травкѣ и цвѣткѣ, въ песчинкахъ и т. д.—все живое обожено, и потому ихъ поэзія—жизнь,—ложная, но живая.

Какая сила въ духѣ нашемъ творитъ Поэзію? Или—какая способность преимущественно усвояется поэзіи? Говорятъ: *умъ* и *фантазія;* умъ творитъ *идеалъ*, или по выраженію Аристотеля, баснь, содержаніе; фантазія облекаетъ идеалъ въ прекрасные образы; отъ чего и является полное твореніе піитическое: поэма, трагедія, драма и т. д. Можетъ быть, по разсчету философическому, это такъ и есть: однакожъ душа наша не есть храмина, раздѣленная на разныя комнаты. Конечно, нельзя не согласиться, что у насъ какъ будто есть разныя силы и способности: но такую разность можно замѣчать только тогда, когда духъ нашъ дѣйствуетъ не весь, невполнѣ, дѣйствуетъ какбы только механически, то есть, можно замѣчать въ нашемъ обыкновенномъ, ежедневномъ состояніи. Не такъ бываетъ въ состояніи необыкновенномъ; не такъ бы-

ваетъ тогда, когда духъ живетъ всею своею жизнію, дѣйствуетъ весь, и все въ немъ движется, живетъ. Тогда не примѣтишь ни первой, ни средней, ни послѣдней способности; не увидишь ни края, ни самой глубины жизни душевной; ибо все и вездѣ жизнь, все сливается въ одинъ духъ, въ одну силу, которая вездѣ, въ каждомъ моментѣ дѣйствія является *вся сполна*. А такое-то состояніе и есть состояніе духа піитическое, пѣснотворное. Слѣдственно, и сила, творящая поэзію, есть весь духъ сполна, безъ остатка и раздробленія силъ. Древніе называли это состояніе двумя именами, которыя означаютъ одно и тоже: *энтузіазмомъ* и *вдохновеніемъ*. *Энтузіазмъ* значитъ изступленіе въ добромъ смыслѣ, изшествіе изъ самаго себя, нѣкое отторженіе духа отъ узъ плоти и отъ мелкихъ житейскихъ потребностей; слѣдовательно, состояніе болѣе свободное, болѣе полное, гармоническое для дѣятельности духа,—состояніе, въ коемъ онъ выше своей земной жизни, болѣе и яснѣе видитъ, яснѣе чувствуетъ, полнѣе и пространнѣе обнимаетъ то, что нужно обнять ему: ибо онъ смотритъ здѣсь не чрезъ окна—чувства, а выходитъ на открытое поле, гдѣ горизонтъ зрѣнія, естественно, обширнѣе во всѣ стороны. *Вдохновеніе* есть или наитіе высшаго нѣкоего духа на нашъ духъ, дабы дополнить жизнь сего послѣдняго, или просто, явленіе полноты духа въ самомъ себѣ, — состояніе, въ которомъ живетъ и дѣйствуетъ какбы одинъ духъ самъ по себѣ, какбы не знаетъ при себѣ своей тяжкой плоти и земли, или какбы сама плоть и земная часть бытія одухотворяются самимъ духомъ. Въ существѣ вдохновеніе тоже, какъ я сказалъ, что энтузіазмъ, — высшее развитіе духа и всѣхъ силъ его.

Вдохновеніе бываетъ двухъ родовъ: одно *естественное*, другое—*сверхъестественное*. *Естественное* вдохновеніе есть не иное что, какъ прекрасная настроенность всѣхъ силъ души нашей самой по себѣ для извѣстной дѣятельности, ясновидѣніе ума, живость и мѣткость фантазіи, глубина и сила чувства, или все во всемъ и все-одно. Здѣсь какбы самъ собою является идеалъ творенія предъ умомъ, образъ или обликъ его предъ фантазіей, живое слово предъ тѣмъ и другою для облаченія мысли; чужіе характеры, чужія чувства, страсти, потребности предъ чувствомъ и въ чувствѣ какъ будто свои. Здѣсь жизнь тысячи лицъ, событія многихъ лѣтъ дѣлаются собственною жизнію и дѣломъ вдохновеннаго. Въ нѣсколько мгновеній онъ проживаетъ какбы многіе вѣки и

множество жизней; или паче — онъ творитъ сіи жизни и сіи вѣки въ своемъ ясновидящемъ состояніи. И это ему легко; онъ не труднымъ размышленіемъ, не потовыми усиліями (это только посредствующія орудія для ослабленія плоти и нервовъ) дошелъ до творенія; онъ увидѣлъ его внезапно, какъ заблудившій въ лѣсу странникъ нечаянно встрѣчаетъ и путь и прекрасный домъ для успокоенія. Нѣкоторые живописные поэты и поэтическіе живописцы даже во снѣ видали образъ своихъ твореній, напрасно истощивши всѣ усилія на яву. Вотъ эти видѣнія, безъ коихъ нѣтъ поэтовъ. Естественное вдохновеніе произвело всѣхъ древнихъ поэтовъ; оно же производитъ ихъ и нынѣ; безъ него нѣтъ поэзіи; безъ него даже и великіе поэты—не поэты; три—четыре творенія истинныхъ, а прочее все весьма посредственное, даже плохое у самихъ Пушкиныхъ, у Гёте и Шиллеровъ, даже до Пиндаровъ и Гомеровъ. Съ нимъ — съ этимъ вдохновеніемъ — напротивъ всякій и изъ насъ есть поэтъ, хотя бы онъ не написалъ ни одного стиха въ жизни. Между тѣмъ надобно замѣтить, что естественное вдохновеніе, часто продолжительное, есть удѣлъ немногихъ; надобно, чтобъ природа устроила мягко физическую храмину души нашей; надобно, чтобъ она одна дала ей привольно дѣйствовать на землѣ, въ тѣлѣ,—она, а не человѣческое образованіе. Вотъ почему еще въ старину говорили: poëtae nascuntur; вотъ это и теперь означаетъ: *поэтъ по призванію.*

Сверхъестественное вдохновеніе есть дѣйствіе высшаго духа на духъ человѣческій — Духа Божія; Духъ находитъ, сила Вышняго осѣняетъ, и тогда бываетъ боговдохновеніе — *θεοπνευσία.* Это вдохновеніе производитъ пророковъ; оно свойственно всѣмъ нашимъ священнымъ писателямъ: но оно можетъ быть съ людьми непомазанными, съ людьми грѣшными (Валаамъ). До этого вдохновенія всякъ изъ насъ можетъ достигать, каково бы ни было строеніе природы его, молитвою, постомъ, святою жизнію; можетъ себѣ вымолить у Бога поэзію чистую и святую. (Романъ—сладкопѣвецъ).

Какую форму преимущественно любитъ поэзія? Опредѣленной, однажды навсегда узаконенной формы для поэзіи нѣтъ, или точнѣе: формъ поэтическихъ есть безчисленное множество; всѣ онѣ по временамъ и по свойству воспѣваемыхъ предметовъ, приличны поэзіи, и однакожъ ни одна изъ нихъ не можетъ связывать ее. Ничто такъ не терпитъ условныхъ узъ, придуманной оболочки, какъ поэзія; и потому никакое сочи-

неніе не принимало на себя столько разнообразныхъ видовъ, какъ піитическое созданіе. Истинному поэту нельзя сказать: »пиши вотъ такъ или такъ«; отъ свойства видѣній его, въ коихъ онъ самъ часто неволенъ, зависитъ и устроеніе формъ, въ кои облекаются эти видѣнія. Даже онѣ вовсе могутъ оставаться и безъ формъ, пребывая тѣмъ не менѣе піитическими видѣніями. Эта женщина, о которой сказываетъ Жанъ—Жакъ, что она каждое утро спѣшила видѣть величественную картину восходящаго солнца и увидѣвши приходила въ неизъяснимый восторгъ, и отъ восторга ничего болѣе не могла произносить, кромѣ всегдашняго: о! о! о! — эта женщина, говорю я, развѣ не была поэтомъ восходящаго солнца? Развѣ эта безформенная форма піитическая: о! о! о! менѣе говоритъ нашему чувству и воображенію, нежели самыя выспренія, стихотворныя описанія, изображающія картину солнечнаго восхожденія? Въ трагедіяхъ Софокла самыя ужасныя, раздирающія мѣста суть тѣ, въ коихъ часто повторяются протяжныя, однозвучныя и безсмысленныя: φεῦ, φεῦ, ἰώ, ἰώ, αἴ, αἴ, αἴ. Грозное и малословное: »стоять и умирать«, произнесенное русскимъ полководцемъ въ самый ужасный часъ битвы при Кульмѣ, развѣ не стоитъ цѣлой, самой ученой драмы? Есть и молчаніе, заключающее въ себѣ почти неизмѣримую глубину поэзіи; вспомните Бюсси ле Клерка. (См. Лагарп. Лик. Част. I. стр. 49).

Но эти примѣры увлекли меня; возвращаюсь къ неопредѣленному разнообразію формъ поэтовыхъ. Одно то, что эти формы безчисленно многи и разнообразны, уже показываетъ, что поэзія не любитъ слишкомъ постоянныхъ условій для выраженія самой себя. По этому она у разныхъ народовъ разная; у Евреевъ *параллель*, у Индійцевъ *слока;* у Персовъ пѣснь сперва идетъ важнымъ шагомъ, потомъ ускоряется, ускоряется, потомъ бѣжитъ быстро, и цѣлая строфа иногда быстрѣйшимъ трррр—та-та-та-та-трррр. Греки, когда начали вникать въ піитическія созданія, нашли болѣе шестидесяти мѣръ и пространствъ, въ кои влагались пѣсни и поэмы. Римляне имъ подражали. (Читай о мѣрахъ, темпахъ и проч. у Августина превосходную книгу de Musica). Европейцы подражаютъ Грекамъ и Римлянамъ.

Изъ такого разнообразія формъ должно бы заключить, что одной безусловной формы для поэзіи вовсе нѣтъ, и нѣтъ закона, которымъ бы устроялась форма: но мы такъ не заключимъ; напротивъ, есть такая постоянная форма, постоянный законъ, которому слѣдуетъ поэзія въ выра-

женіи себя самой. Какой законъ или форма? Та, которая во всѣхъ поэзіяхъ, остается одинаковою, не смотря на всѣ свои видоизмѣненія; это *параллель* Евреевъ, *слока* Индійцевъ, *риѳмъ* Грековъ, *numerus* Римлянъ, *скансія* Европейцевъ новѣйшихъ. Всѣ эти имена означаютъ въ сущности одно и тоже; употребительнѣйшее изъ нихъ есть риѳмъ, еще Аристотелемъ замѣченный и почитаемый имъ за первую изъ причинъ, произведшихъ поэзію. Остановимся на немъ; объяснивъ риѳмъ, объяснимъ и прочія имена, усвоенныя поэзіямъ еврейскимъ, индійскимъ и проч. какъ чистую и первобытную форму поэзіи вообще.

Чтожъ такое риѳмъ? Число равномѣрныхъ движеній одного рода. Это неясно. Возьмите какія нибудь движенія, дайте имъ извѣстныя пространства; размѣряйте ихъ такъ, чтобъ одно пространство было равно другому. И это неясно; обратимся къ примѣрамъ. Риѳмъ имѣетъ мѣсто въ музыкѣ, въ пѣніи, въ пляскѣ и въ рѣчи. Риѳмъ въ музыкѣ есть извѣстное число тактовъ, равномѣрно сочетанныхъ; въ пѣніи тоже; въ пляскѣ—есть количество движеній, согласующихся видомъ, числомъ и продолженіемъ; наконецъ въ рѣчи риѳмъ есть количество слоговъ или словъ, согласующееся съ другимъ такимъ же количествомъ, или проще: извѣстное число стопъ въ стихахъ; напримѣръ:

О ты, пространствомъ Безконечный,
Живый въ движеньи вещества,
Теченьемъ времени Предвѣчный,
Безъ лицъ, въ трехъ лицахъ Божества!

Первый и третій стихъ суть риѳмъ одинакій не потому, что риѳмами кончаются, но по одинаковому числу слоговъ или лучше, стопъ—девять слоговъ или четыре стопы съ половиною въ томъ и другомъ стихѣ. Второй и четвертый стихи суть также риѳмъ и по той же причинѣ. Но это будетъ риѳмъ условный, принятый по подражанію; самобытный же риѳмъ есть только то, что духъ нашъ, если выражаетъ свое піитическое состояніе языкомъ, то этотъ языкъ есть мѣрный, какова бы ни была эта мѣра; вяло, растянуто не станетъ говорить.

Риѳмъ самъ по себѣ всегда постояненъ и только себѣ равенъ: ибо онъ есть живая форма поэтическаго духа въ выраженіи; но измѣняться можетъ онъ до безконечности (какъ и измѣнялся въ самомъ дѣлѣ), ибо онъ всегда сообразенъ съ свойствомъ предметовъ воспѣваемыхъ, съ свойствомъ характеровъ, событій, страстей и чувствованій поэтическихъ,

кои въ свою очередь безконечно разнообразны. Онъ можетъ длиться и сокращаться, шествовать и бѣжать, течь плавно и пересѣкаться, ползти и парить, смотря потому, каково настроеніе духа въ піитическую минуту, и каковъ предметъ поемый. У Гомера онъ важенъ и величественъ, какъ Гекторъ; у Софокла идетъ шагъ за шагомъ за чувствомъ: — длиненъ и поражающъ сначала, потомъ короче и короче, и наконецъ сжимается въ одно слово; въ простомъ пѣніи онъ долгомѣренъ, когда поющій поетъ грусть свою; быстръ и усѣченъ, когда поющій веселъ и т. д. То же въ походкѣ и танцахъ. Чѣмъ риѳмъ свободнѣе въ размѣрахъ, тѣмъ болѣе въ немъ піитической жизни; чѣмъ насильнѣе принуждаютъ его втѣсниться въ данныя формы, тѣмъ больше онъ вялъ и безжизненъ. Греческій риѳмъ прекрасенъ былъ въ устахъ греческихъ поэтовъ; по свойству нашего языка, онъ можетъ быть прекрасенъ и у насъ. Александрійскій, принятый западною Европою по бѣдности тамошнихъ языковъ, у насъ никуда не годится. Механическая сторона риѳма оказалась только тогда, когда стихъ сравнился съ музыкой: но у Грековъ и эта сторона не была чисто механическою; лучше сказать — тамъ сливались двѣ, три жизни въ одну — жизнь поэзіи, музыки или пѣнія и хороводовъ. Вотъ почему Греки дорожили мѣрою словъ, слоговъ, буквъ долгихъ, короткихъ, и тонкимъ ихъ сочетаніемъ.

Я упомянулъ невзначай о механической сторонѣ риѳма. Кстати же различу здѣсь двѣ формы поэзіи: a) механическую и b) органическую; это можетъ пояснить мои предыдущія мысли. Когда я говорилъ, что поэзія не любитъ никакой условной формы, силою ей навязываемой,— подъ этимъ я разумѣлъ только механическія формы, а не то, чтобы воображалъ поэзію вовсе безформенною.

Механическая форма есть та, которую писатель знаетъ прежде, чѣмъ выдумалъ предметъ и содержаніе піэсы,—и этотъ предметъ и содержаніе влагаетъ ужъ въ готовую форму, первый подчиняя послѣдней. Не предметъ, не идеалъ владѣетъ тогда формою, но форма идеей. Вообще всякая напередъ изученная форма, данная, когда бы то ни было употребляемая, подведенная уже подъ правила, есть уже форма механическая Ее—то и не любитъ поэзія. Всѣ формы, излагаемыя въ Піитикахъ, суть формы механическія. Когда намъ говорятъ, что ода пишется вотъ такъ, элегія такъ, мадригалъ такъ, трагедія, поэма, драма такъ и что ужъ иначе никакъ не слѣдуетъ писать, ибо это будетъ погрѣшность

противъ узаконенныхъ правилъ: то насъ въ этомъ случаѣ привязываютъ къ механизму, о которомъ поэтъ:

Ктомужъ и въ правилахъ: сперва прочтешь вступленье,
Тутъ предложеніе, а тамъ и заключенье,
Точь въ точь какъ говорятъ учены по церквамъ!—
Совсѣмъ тѣмъ нѣтъ читать охоты, вижу самъ.

Откудажъ будетъ охота, когда здѣсь мертвая форма, которую я давнымъ—давно знаю изъ Піитики, убиваетъ мысль и духъ? Эта школьная форменность, эта манерность, стихи какъ будто подъ плотничій уровень выстроенные, могутъ ли дать жизнь піитическому созданію, когда оно по неволѣ вложилось не въ свои рамы? Разныя формы, излагаемыя въ Піитикахъ, заимствованы у Римлянъ, кои сами заимствовались ими отъ Грековъ. Онѣ завяли и помертвѣли уже въ рукахъ римскихъ поэтовъ: какъ же быть имъ живыми у насъ—позднѣйшихъ европейцевъ? Онѣ не были механически, онѣ были живыя формы, но только у Грековъ: ибо тамъ онѣ родились, процвѣли изъ самой сущности поемыхъ предметовъ, изъ духа поэтовъ, изъ генія языка, изъ духа народнаго, изъ цѣлой жизни умнаго народа живой и цвѣтущей Эллады. Но народъ и духъ народный, обстоятельства мѣстныя и временныя, нравы и обычаи, образъ занятій, характеръ, правленіе и религія не вездѣ одинаковы,—слѣдовательно и духъ поэзіи не вездѣ можетъ быть одинъ и тотъ же. Какъ же требовать, чтобы формы поэзіи были вездѣ одинаковы, постоянны? Расинъ, Корнель и другіе писали трагедіи по образцу греческихъ; тогда казалось это хорошо: теперь говорятъ, что и Расинъ и Корнель и Вольтеръ только пародировали Грековъ. И въ самомъ дѣлѣ, какая стать—поставить Аѳинскаго Эдипа на Парижской сценѣ? Какая стать заставить Софоклова Эдипа говорить александрійскими стихами, Антигону греческую одѣть по послѣдней парижской модѣ, Тезея въ христіанскомъ городѣ заставить приносить жертвы Колонійскимъ Эвменидамъ, Креона принудить драться на шпагахъ, когда у Софоклэ онъ просто является только въ видѣ странника? Развѣ у французовъ не было своей Исторіи, своего житья бытья, своей народности? Было все это, но никто не смѣлъ или не умѣлъ тронуть ничего. »Всѣ твердили о томъ, сказано въ одной книгѣ, что надобно подражать древнимъ,—твердили, но никто не изучалъ древнихъ, какъ надобно; никто не думалъ свѣрить образца съ его безчисленными копіями, и тѣмъ менѣе кто либо

заботился о вопросѣ—возможно ли самое это подражаніе въ мірѣ искуства? Между тѣмъ подъ прикрытіемъ этого мнимаго подражанія древнимъ, Піитики мало по малу составили какой-то небывалый, вымышленный образецъ трагедіи. По этому образцу придумано было нѣсколько законовъ опредѣленныхъ, точныхъ, но и слишкомъ своенравныхъ до того, что отступленіе отъ нихъ считалось не только литературнымъ преступленіемъ, но въ извѣстной степени невѣжествомъ, грубостію... По этимъ законамъ (лучше сказать, по этимъ требованіямъ прихотей и привычки) водворилось на сценѣ трагической господство этихъ единствъ времени и мѣста, этихъ героевъ и героинь съ ихъ длинными рѣчами и безхарактерными наперсниками и наперсницами, этихъ вѣстниковъ съ разсказами о случившемся за сценою, этихъ александрійскихъ стиховъ и т. д.« (Учен. Зап. 1836 г. № IX. стран. 480 и 481), Такъ было во Франціи; такъ было да и есть у насъ. Гдѣ тутъ жизнь? Но довольно объ этомъ.

Нѣтъ, еще одно замѣчаніе: слѣдуетъ, что всѣ, преподаваемыя въ Піитикахъ, формы Поэзіи для насъ безполезны, и что потому не нужно ихъ изучать? Не слѣдуетъ; изучать ихъ нужно, ибо не изучая ихъ, не будемъ ничего смыслить въ Поэзіи; не нужно только поставлять ихъ первыми въ дѣлѣ піитическомъ, не нужно рабски подчиняться имъ. Положимъ, что эти формы суть греческія; изучи не для того, чтобъ быть греческимъ поэтомъ, но изучивъ, спроси: какъ бы поэтизировалъ Грекъ геніальный на твоемъ мѣстѣ? Онъ не подражалъ бы формѣ, но природѣ, то есть, въ твоемъ быту нашелъ бы и предметъ и идеалъ и форму, и не пошелъ бы въ греческую миѳологію и тому подобное.

Органическая или *живая* форма есть та, которая вырождается прямо изъ сущности поэтическаго предмета; предметъ для ней, а она для предмета; для такого-то именно предмета такая-то именно форма; никакая другая для предмета этого не годится, и никакой иной предметъ въ нее не можетъ быть вложенъ. Органическая форма возможна только тогда, когда и предметъ и она извлекаются прямо изъ духа народа, изъ его собственной исторіи и жизни, изъ всей вообще дѣятельности и быта его, нераздѣльнаго съ духомъ самаго поэта. Живыя или органическія формы поэзіи являются только у тѣхъ народовъ, которые оказались поэтами, не по подражанію другимъ народамъ, а сами по себѣ созидали поэзію свою. Таковы изъ древнихъ Индійцы, Евреи, Арабы,

Греки; изъ новѣйшихъ Англичане и Испанцы, по сказанію Шлегеля. Въ Римской поэзіи нѣтъ уже органическихъ формъ; потому что они все скопировали съ греческой; у Французовъ еще менѣе, какъ это уже извѣстно; у Италіанцевъ и Германцевъ смѣшенныя формы—часть мертвыхъ, часть оказывающихъ признаки самобытной жизни. У насъ сперва чистѣйшій механизмъ; теперь хлопочутъ о живой органической формѣ и есть уже опыты: *Горе отъ ума* — Грибоѣдова; *Борисъ Годуновъ* — Пушкина, и проч.

Что сказано было нами въ строкахъ, предшествующихъ симъ лекціямъ, въ томъ читатель, конечно, убѣдился теперь самымъ дѣломъ. Многообъемлемость взгляда, глубина мысли и соображенія видны всякому; но при внимательнѣйшемъ разборѣ этихъ импровизированныхъ уроковъ открываются еще стороны, характеризующія *Амфитеатрова*, какъ профессора, отлично понимавшаго свое дѣло. Всегда вѣрный принятому умомъ и усвоенному сердцемъ истинному началу разумной дѣятельности человѣка, созданнаго по образу и по подобію Божію, *Амфитеатровъ*, при всей глубинѣ своихъ выводовъ и заключеній, всѣми силами старается быть всегда яснымъ и точнымъ; онъ нигдѣ не гоняется за красотою выраженія, отнюдь не прибѣгаетъ къ натянутымъ воззваніямъ и весьма подозрительнымъ экстазамъ; если гдѣ и одушевляется рѣчь его, то это у него выходитъ такъ просто, такъ естественно, что иначе какъ будто и быть не могло. „Лучшій наставникъ, сказано въ Проэктѣ Устава Духовныхъ Академій, есть не тотъ, кто бли„стательно самъ говоритъ и изъясняетъ, но тотъ, кто заста„вляетъ учащихся размышлять и изъяснять.—Дѣло профессора, говорится далѣе, не въ томъ состоитъ, чтобы дать урокъ, но „въ томъ, чтобъ урокъ былъ принятъ, чтобъ онъ пустилъ, такъ „сказать, свой корень въ умѣ слушателей“. Эти разумныя правила, можетъ быть, никѣмъ такъ хорошо не были усвоены,

какъ *Амфитеатровымъ.* Среди своихъ слушателей онъ былъ точно другъ и отецъ среди семейства; онъ говорилъ все, что зналъ, говорилъ какъ можно сокращеннѣе, чтобъ студентъ не выходилъ изъ аудиторіи съ головой, набитой однимъ балластомъ громкихъ выраженій, пышныхъ фразъ и плохо примѣненныхъ къ дѣлу сентенцій. Довѣріе и любовь къ понятливымъ своимъ слушателямъ были источникомъ той искренности, которою печатлѣются всѣ его уроки; не стыдится онъ признаться въ томъ, чего не знаетъ; „не бодрится, по замѣчанію Гоголя, разговаривая съ древними писателями запросто"; не навязываетъ себѣ вещей, которыя не усвоены имъ сознательно, а откровенно оговаривается тѣмъ, что *такъ говорятъ, такъ утверждаютъ:* но за то ужъ что положилъ онъ въ своемъ умѣ, то будетъ доказывать крѣпко и ужъ шагу не уступитъ ни передъ какимъ возраженіемъ. Когда, по принятому въ Академіи обычаю, студентъ поднимался и выражалъ несогласіе свое съ какимъ нибудь положеніемъ профессора, *Амфитеатровъ,* наклонивъ нѣсколько голову, спокойно выслушивалъ его до конца, и тогда ужъ начиналъ по пунктамъ разбирать предложенное ему возраженіе, — но все это снисходительно, скромно, даже весело—точь въ точь, какъ бываетъ въ дружеской, откровенной бесѣдѣ.

Изъ приведенныхъ нами лекцій мы могли нѣсколько видѣть, что хотя Всеобщая Словесность и не была спеціальнымъ занятіемъ *Амфитеатрова:* однакожъ всѣ явленія ея не ускользали отъ испытующаго его взора, но не принимались и на вѣру, а были подвергаемы строгому критическому анализу. Да, онъ зналъ и любилъ отечественную литературу, какъ знаютъ и любятъ ее очень и очень немногіе. Его сужденія о современныхъ представителяхъ нашей Словесности всегда отличались своеродностію взгляда, твердостію и часто рѣзкостію приговора. Не безъизвѣстно ему было, что молодые слушатели его, увлекаемые общимъ потокомъ литературныхъ убѣжденій, не

всегда соглашаются съ нимъ; не смотря на это, онъ умѣлъ доводить ихъ до того, что они по неволѣ заподозрѣвали въ непрочности и неискренности пристрастіе свое къ кому либо изъ знаменитыхъ нашихъ писателей. Всякая замѣтка его по сему предмету была слѣдствіемъ долговременнаго и глубокаго размышленія, и отъ того подъ сокрушительнымъ приговоромъ его не разъ падали кумиры прославленныхъ корифеевъ нашей литературы. Время довольно уже и теперь оправдало вѣрность предсказательныхъ замѣтокъ *Амфитеатрова* и продолжаетъ еще оправдывать, къ изумленію тѣхъ, которые тогда не хотѣли ему вѣрить. Многія литературныя знаменитости ужъ развѣнчаны; иныя едва держатся на своихъ подмосткахъ, и того гляди—рухнутъ.

Невольно иногда приходитъ на мысль: что сдѣлалъ бы этотъ человѣкъ для словесности вообще, какъ науки, еслибъ Промыслу угодно было поставить его на чредѣ служенія отечественному слову!...

Преподавая гомилетическіе уроки, какъ профессоръ, *Амфитеатровъ* часто, особенно въ первые годы своей службы, являлся и на каѳедрѣ церковной, какъ проповѣдникъ. Оставаясь въ духовномъ званіи, и исключительно посвятивъ себя наукѣ, въ обширномъ смыслѣ сего слова, онъ отказался навсегда отъ полученія свѣтскихъ чиновъ и отличій, и потому самъ иногда становился на мѣстѣ тѣхъ молодыхъ проповѣдниковъ Слова, которыхъ воспитывалъ онъ въ духѣ премудрости и страха Божія. Это бывалъ праздникъ для всѣхъ знавшихъ и почитавшихъ талантъ *Якова Косьмича.* Кіевляне, по справедливости, могутъ сказать съ самодовольствомъ, что они счастливѣе другихъ, ибо имѣли у себя Леванду, Иннокентія и *Амфитеатрова.* Дѣйствительно, всякое поученіе его до того бывало живо, свѣжо и какбы вынуто изъ среды людей, „волнуемыхъ тьмою житейскихъ попеченій“, что въ иную пору заподозришь проповѣдника: не подслушалъ ли онъ твоихъ завѣтныхъ мыслей,

не былъ ли тайнымъ свидѣтелемъ такого дѣла, за которое самъ теперь стыдишься, томясь позднимъ, но уже безплоднымъ раскаяніемъ? Самыя даже отвлеченныя истины христіанской догматики *Амфитеатровъ* умѣлъ такъ приближать къ понятію каждаго, что нельзя было ихъ не чувствовать, не видѣть, не осязать. Какой бы предметъ ни подпалъ подъ его кисть, хоть бы то самый обыкновенный и часто встрѣчаемый, *Амфитеатровъ* придавалъ ему такой колоритъ, извлекалъ изъ него такіе нравственные уроки, что невольно останавливался слушатель, пораженный простотою и естественностью выводовъ, и тайно спрашивалъ себя: отъ чего же ему самому ни разу не пришла въ голову такая прямая и сама собою изъ предмета вытекающая мысль? Послушаемъ, напримѣръ, какъ *Амфитеатровъ* разсуждаетъ о времени, которое мы — разсѣянные поклонники міра и суеты его, тратимъ иногда Богъ знаетъ на что.

Что дороже всего на землѣ? Время. Почему? Потому что временемъ все пріобрѣтается и во времени производятся всѣ дѣла человѣческія. Имѣйте пищу, одежду, огромные домы; имѣйте богатство, славу, мудрость, что угодно имѣйте: но если у васъ нѣтъ времени, значитъ, вы ничего не имѣете. Что на землѣ хуже всего для человѣка? Потеря времени. Почему? Потому что, теряя время, мы ничего не можемъ ни пріобрѣсть, ни имѣть; теряя время, мы теряемъ все, теряемъ себя; безъ времени мы совершенно ничто. Еще вопросъ: чѣмъ люди менѣе всего дорожатъ и что безпорядочнѣе всѣхъ вещей на свѣтѣ расточаютъ? Время же, слушатели. Большая часть людей живутъ какбы наудачу, по принятому обычаю, день за день, годъ за годъ, вовсе не заботясь о томъ, куда они дѣвали дни и годы свои, какъ провели вѣкъ свой. Мы иногда скорбимъ о потерѣ сущихъ бездѣлицъ. Но у насъ вовсе нѣтъ сожалѣнія, ни горести о томъ, когда мы тратимъ по пустому не мелкую монету, а драгоцѣнныя минуты времени; не часы обѣденные и часы забавъ, а дни и недѣли полезныхъ занятій; когда пропускаемъ случай не одѣваться и услуживать людямъ, а время трудиться и работать Господу. Посему-то Апостолъ, предостерегая насъ отъ напрасной траты времени, закономъ поставляетъ, чтобы мы благоразумно распоряжались каждою

минутою нашей жизни: *блюдите*, говоритъ онъ, *како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дніе лукави суть* (Ефес. V. 15. 16) то есть, смотрите, поступайте какъ можно вѣрнѣе; пользуйтесь временемъ осторожно и умно, не какъ неразумные, не какъ безсмысленные скоты и вѣтренные люди, а какъ мудрые, какъ люди, одаренные здравымъ разсудкомъ, какъ добрые христіане.

Приложимъ сіе правило къ нѣкоторымъ случаямъ нашей жизни въ частности; разсмотримъ, напримѣръ, употребленіе времени для однихъ сутокъ: ибо правила о порядкѣ времени въ однѣ сутки суть вмѣстѣ правила для всѣхъ дней нашей жизни.

День обыкновенно мы начинаемъ пробужденіемъ отъ сна. Какъ должно взирать на минуту пробужденія? Также, какъ на первую минуту рожденія въ міръ или какъ на воскресеніе отъ мертвыхъ; ибо между пробужденіемъ отъ сна и между рожденіемъ есть великое сходство. Когда мы спимъ, то какбы не существуемъ, насъ какъ будто нѣтъ,—мы мертвы. Когда встаемъ отъ сна: то какъ будто вновь рождаемся, оживаемъ, воскресаемъ. Отсюда первое правило: должно вставать отъ сна какъ можно раньше. Почему? Потому что долго спать есть тоже, что долго лежать въ утробѣ матерней, тоже, что долго оставаться во гробѣ мертвымъ трупомъ. Слѣдовательно, должно всякое утро просыпаться такъ рано, чтобы восходящее солнце не видало насъ на ложѣ.

Скажутъ: мы днемъ много трудимся, и потому не можемъ вставать рано. Но спятъ долго большею частію не тѣ, кои много трудятся, а тѣ, кои ничего не дѣлаютъ; не тѣ, кои проводятъ много времени въ полезныхъ занятіяхъ, а тѣ, кои много пьютъ и ядятъ; не тѣ, кои сидятъ за работою, а тѣ, кои убиваютъ вечера и ночи на пиршествахъ и въ забавахъ. Впрочемъ, хотя бы мы дѣйствительно трудились много: все же отсюда не слѣдуетъ, что намъ должно спать до половины дня. Ибо долгій и несвоевременный сонъ не вознаграждаетъ, а истощаетъ силы; не укрѣпляетъ, а разслабляетъ ихъ. И кто бы мы ни были, какъ бы ни трудились, но у насъ, конечно, меньше дѣлъ, меньше заботъ и безпокойствъ, нежели сколько было ихъ у царя Давида. Между тѣмъ онъ спалъ мало и вставалъ очень рано — съ полуночи: *полунощи востахъ*, говоритъ онъ о себѣ, *исповѣдатися имени Твоему*.

Въ чемъ должно проводить первое время послѣ сна? Во первыхъ, въ молитвѣ. Почему? Потому что это очень естественно и полезно. Естественно: представьте, что пробудившись отъ сна, мы въ первый разъ явились на свѣтъ, въ первый разъ увидѣли небо, солнце, землю и море, древа, плоды и цвѣты; увидѣли всю неизреченную красоту и величіе міра. Какое тогда первое чувство возбудило бы въ насъ это необъятное и восхитительное зрѣлище? Удивленіе, восторгъ, благоговѣніе къ Творцу, — чувства, кои легко и свободно расположили бы насъ къ молитвѣ и хваленію Господа. Такъ же точно и всякое утро должно погружать насъ въ благоговѣніе и воззывать къ прославленію имени Божія за то, что нашъ Творецъ сподобилъ насъ еще узрѣть міръ Его, столь прекрасно и великолѣпно для насъ устроенный. Полезно: ибо начиная день, мы начинаемъ новую жизнь; а въ жизни такъ много соблазновъ и поводовъ ко грѣху, что слабому человѣку вовсе невозможно обойтись безъ помощи Божіей; помощь же эта пріобрѣтается молитвою. Слѣдовательно, первыя минуты послѣ сна преимущественно должно проводить въ молитвѣ.

Во вторыхъ — въ чтеніи Слова Божія. Оно есть книга живота; въ немъ сказано все, что намъ должно знать, что дѣлать и чего надѣяться. Оно, по выраженію св. Златоуста, есть письмо или посланіе отъ Бога къ людямъ. Кто не читаетъ или не слушаетъ сего посланія, тотъ погибшій человѣкъ. Кто не питаетъ своей души симъ небеснымъ даромъ, тотъ изнуряетъ ее гладомъ.

Въ третьихъ, кто не умѣетъ самъ читать, тотъ слушай другихъ; кто не можетъ слушать, тотъ долженъ нѣсколько минутъ употребить на размышленіе о томъ, что ему должно сдѣлать въ продолженіи наступающаго дня. Пусть онъ разсчислитъ всѣ дневные часы, распредѣлитъ ихъ, назначитъ для каждаго изъ нихъ свое особенное доброе дѣло. Это можно дѣлать всякому, ибо у всякаго разсудокъ есть. Вотъ правила для употребленія утреннихъ часовъ: молитва, чтеніе Писанія и благочестивое размышленіе. Послѣ сего наступаетъ время занятій, время труда. У всякаго изъ насъ есть свои обязанности, свои дѣла, своя общественная служба, свои разнообразныя нужды и потребности. Но какъ бы онѣ ни были разнообразны, а главное правило для всѣхъ ихъ одно: *не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія;* то есть при началѣ всякаго дѣла спрашивайте себя: сообразно ли оно

съ волею Божіею? При исполненіи всякой должности помышляйте: такъ ли мы вѣрно и рачительно исполняемъ оную, какъ требуетъ отъ насъ Господь?

Словомъ: кто бы мы ни были, что бы ни дѣлали, мы должны каждый часъ и минуту, при всякомъ дѣйствіи и помышленіи, всегда имѣть предъ очами, предъ душою нашею благую, угодную и совершенную волю Божію, дабы во всемъ соображаться съ оною. Ты отецъ семейства? Не трать времени на пустыя посѣщенія чужихъ домовъ, а живи почаще въ своемъ; смотри за поведеніемъ каждаго члена семейства; назначай каждому приличныя занятія, и особенно малолѣтнихъ дѣтей воспитывай болѣе самъ вмѣстѣ съ доброю супругою твоею, нежели чрезъ наемныхъ учителей, ибо хотя бы они и хороши были, но все они не родные отцы дѣтей твоихъ. Ты женщина или дѣвица? Не трать времени на уборы, на украшенія внѣшнія, кои выдумываетъ суетливая прихоть на соблазнъ неопытныхъ: но представляй собой живой образецъ внутренней блаженной красоты, которая безъ словъ, а по одному взгляду на тебя научала бы другихъ житію чистому и богобоязненному. *Да будетъ украшеніемъ вашимъ не внѣшнее плетеніе волосъ*, говоритъ Апостолъ Петръ, *не золотые уборы, не наряды въ одеждѣ: но одѣваясь пристойно, со стыдливостію и цѣломудріемъ, украшайте себя добрыми дѣлами, въ нетлѣніи кроткаго и молчаливаго духа, сже есть многоцѣнно предъ Богомъ* (1 Петр. III. 1—4. Тимоѳ. II. 9. 10). Ты пожилой человѣкъ? Не помышляй въ себѣ: я много трудился на своемъ вѣку; теперь для меня время покоя, бездѣйствія. Нѣтъ, покой твой за гробомъ; а здѣсь, пока бьется сердце въ твоей груди, пока ты носишь голову, украшенную почтенными сѣдинами, ты долженъ вести себя такъ, чтобы твой видъ, твое лицо служило живою, путевою книгой для людей молодыхъ, только что вступающихъ на стезю, которую ты давно уже прошелъ. Ты юноша или дитя? Не трать времени на пустыя забавы и разсѣянность; ты собираешься жить, слѣдовательно, ты долженъ все заготовить для жизни, ибо ты подобенъ человѣку, который предпріемлетъ дальній и многотрудный путь, подобенъ корабельщику, который пускается въ открытое, бурное и глубокое море.

Далѣе — обыкновеннымъ, ежедневнымъ слѣдствіемъ занятій нашихъ по должностямъ бываетъ принятіе пищи и отдохновеніе. Какъ должно проводить время, когда принимаемъ пищу? *Аще ясте, аще ли піете,*

вся во славу Божію творите (1 Коринѳ. X. 31)— вотъ правило апостольское! Оно означаетъ слѣдующее: прежде и послѣ принятія пищи должно совершить молитву, вкушать хлѣбъ съ благодареніемъ, умѣренно, по нуждѣ, а не по прихоти, съ тихостію и благоговѣніемъ, такъ какъ будто бы мы сей хлѣбъ принимали непосредственно изъ рукъ Господа, присутствующаго при нашей трапезѣ, ибо хлѣбъ есть даръ Божій. Если хотимъ еще съ большею пользою употребить часъ обѣденный, раздѣлимъ хлѣбъ свой съ неимущимъ, введемъ въ домъ къ себѣ странника, напитаемъ вмѣстѣ съ собою алчущаго. Такимъ образомъ и въ то время, въ которое мы собственно ничего не дѣлаемъ, а только пьемъ и ядимъ, — и въ это, говорю, время мы исполнимъ одну изъ прекраснѣйшихъ добродѣтелей христіанскихъ, а слѣдовательно, не погубимъ онаго напрасно.

Въ чемъ должно проводить часы досуга и отдохновенія? Въ исполненіи слѣдующаго апостольскаго наставленія: *слово Христово да вселяется въ насъ богатно, во всякой премудрости, учаще и вразумляюще себе самѣхъ* (Колос. III. 16), *глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ нашихъ Господеви* (Ефес. V. 19); то есть: въ часы, свободные отъ должностныхъ занятій вы любите предаваться чтенію? Читайте; но читайте преимущественно Слово Божіе, научающее всякой премудрости: это гораздо пріятнѣе и полезнѣе, нежели чтеніе какой нибудь пустой книжки. Вы любите посѣщать общество? Посѣщайте; но не для того, чтобъ пировать и кощунствовать, а для того, чтобъ научать и вразумлять другъ друга; проводить досужное время въ благочестивыхъ бесѣдахъ, умныхъ разговорахъ, въ добрыхъ совѣтахъ и разсужденіяхъ. Вы любите пѣніе и музыку? Пойте; но не срамныя пѣсни, а тѣ въ коихъ содержится чистое изліяніе душъ чистыхъ, наипаче псалмы и пѣсни духовныя, не въ козлогласованіи, а стройно и благоговѣйно. Скажете: пѣсни мірскія пріятнѣе, нежели псалмы. Можетъ быть, къ сожалѣнію, и пріятнѣе для растлѣннаго грѣхомъ сердца нашего, но за то вреднѣе: мірскія пѣсни развращаютъ душу, воспѣвая дурныя страсти, пороки и глупости людскія; а псалмы духовные назидаютъ оную, воспѣвая славу и величіе Господа. Вы любите зрѣлища? Посѣщайте чаще храмы Божіи; развѣ они хуже мірскихъ позорищъ? Однимъ словомъ: дѣлайте все тоже, что вы обыкновенно дѣлаете, только въ обратномъ смыслѣ, то есть, замѣняйте

или растворяйте чувственное духовнымъ, мірское церковнымъ. Вотъ апостольское наставленіе, какъ должно проводить часы досуга и отдохновенія!

Если мы половину или хотя третью долю исполнимъ того, о чемъ здѣсь разсуждаемъ: то у насъ очень мало будетъ напрасно потеряннаго времени. Если же, напротивъ, будемъ знать, а не исполнять: то время наше уйдетъ безъ пользы; лукавые дни хитро, непримѣтно, какъ тати, одинъ за другимъ убѣгутъ, — и мы только въ вѣчности узнаемъ, что нѣкогда жили на землѣ, имѣли время, считали оное днями и годами, а какъ употребили его, — это разрѣшится для насъ на Страшномъ Судѣ Божіемъ«.

Вотъ онъ, — нашъ русскій *Франклинъ*, который говоритъ намъ святую правду отъ опыта, просвѣтленнаго Откровеніемъ!

Замѣтимъ здѣсь, что гомилетическія произведенія *Амфитеатрова*, относящіяся къ эпохѣ его молодости, значительно разнятся отъ тѣхъ, которыя писалъ онъ уже въ пору зрѣлаго мужества Обладая счастливымъ даромъ обнимать предметъ поученія разомъ всѣми способностями души своей, онъ въ первые годы своего проповѣдничества позволялъ себѣ иногда уноситься въ область фантазіи и нѣкотораго мистицизма. Чуденъ, невыразимо обаятеленъ былъ міръ видѣній, открываемый вдохновеннымъ служителемъ евангельской истины! Теперь ужъ нѣтъ этихъ поученій и бесѣдъ, ибо *Амфитеатровъ*, по мѣрѣ того, какъ возрасталъ и укрѣплялся въ священномъ дѣлѣ проповѣданія Слова Божія, самъ истреблялъ большую часть своихъ твореній, а выпросить ихъ для переписки почти не было никакой возможности. „Читай Димитрія Ростовскаго, читай св. Златоуста,— что тебѣ мои проповѣди“!—такъ бывало говаривалъ онъ иному неотступному почитателю его проповѣдническаго таланта. Въ другомъ періодѣ своего проповѣдничества, онъ является уже болѣе серьезнымъ испытателемъ таинъ науки христіанской и уже ни мало не даетъ воли ни фантазіи, ни даже особенно сильному и тревожному чувству. Ровнѣе и спокойнѣе идетъ

рѣчь его, переводимая то изъ сердца въ умъ, то изъ ума въ сердце; для міра явленій, видимыхъ долу, болѣе нуждающихся въ просвѣтленіи ихъ свѣтомъ истины, онъ покинулъ ту область, въ которой такъ привольно и усладительно носилась душа его въ первые годы разумно—сознательной своей дѣятельности.

Въ 1839 году ректоръ Академіи архимандритъ *Иннокентій* (нынѣ высокопреосвящ. аріхепископъ Херсонскій и Таврическій), по соглашенію съ профессоромъ протоіереемъ И. М. *Скворцовымъ*, баккалавромъ богословія іеромонахомъ *Димитріемъ* (нынѣ преосвящ. епископомъ Тульскимъ), экстраорд. профессоромъ Я. К. *Амфитеатровымъ* и баккалавромъ философіи *Петромъ Авсеневымъ* (въ послѣдствіи, архимандритомъ *Ѳеофаномъ*) предпринялъ изданіе духовно-нравственнаго журнала. Академическое Правленіе, разсмотрѣвъ програму онаго и находя цѣль такого предпріятія полезною, съ согласія покойнаго митрополита Евгенія, 30 Генваря 1837 года вошло съ представленіемъ о томъ въ коммиссію Духовныхъ Училищъ, испрашивая дозволеніе на изданіе предполагаемаго журнала съ недѣли св. Пасхи; причемъ ходатайствовало и о предоставленіи разсматривать статьи журнальныя въ учрежденной при Академіи Духовной Цензурѣ. Коммиссія, разсмотрѣвъ журнальную програму и признавъ предположеніе объ изданіи Воскреснаго Чтенія полезнымъ, положила утвердить оное. Но не приводя предположенія сего въ исполненіе, Коммиссія признала необходимымъ предварительно испросить на то Высочайшее соизволеніе. Вслѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада о семъ, объявлено было 1 Марта Коммиссіи Духовныхъ Училищъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ 27 Февраля соизволилъ утвердить положеніе объ изданіи Воскреснаго Чтенія.

Въ первый разъ *Амфитеатровъ* увидѣлъ здѣсь въ печати произведенія пера своего. Но не вдругъ выступилъ онъ съ самобытными твореніями. Какбы не довѣряя себѣ, онъ обра-

тился къ св. Димитрію Ростовскому и помѣстилъ въ двухъ первыхъ номерахъ означеннаго журнала два поученія сего святителя, въ сокращенномъ видѣ. Можно подумать, что *Амфитеатровъ* положилъ его предъ собою, какъ образецъ для своихъ оригинальныхъ произведеній, какъ указателя, въ какомъ духѣ и настроеніи станетъ писать и онъ для журнала, какъ одинъ изъ главнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ его сотрудниковъ. Первою оригинальною статьею *Якова Косьмича* въ Воскресномъ Чтеніи была *Лилія*,—это восхитительнѣйшее произведеніе ясно-зрящаго ума, во всемъ созерцающаго благость и премудрость Создателя. Вслѣдъ за тѣмъ безпрестанно начали появляться статьи *Амфитеатрова*, и хотя въ означенномъ журналѣ не принято обыкновеніе выставлять подъ ними имя автора, но всякій, кто сколько нибудь ознакомился съ манерою и слогомъ *Амфитеатрова*, съ первой же строки могъ угадать его сочиненіе. ([3]) Необыкновенная живость картинъ, сила потрясающая сердце, рѣдкая умилительность и естественность, не чуждая нѣкотораго юмора — вотъ отличительныя черты статей *Амфитеатрова*. Все подавало ему тему для назидателеныхъ размышленій: характеръ книгъ богослужебныхъ, священная Исторія и благочестивыя преданія, перемѣны года, естественныя явленія въ природѣ, даже самыя простыя, самыя обыкновенныя дѣйствія человѣческія озаряемы были небывалымъ свѣтомъ и возводились христіански — художественнымъ перомъ его въ перлъ созданія. Особенно увлекательны и въ высшей степени утѣшительны были мудрыя бесѣды его, подобныя, напримѣръ, *Бесѣдѣ священника съ прихожаниномъ, у котораго сынъ распутный; Бесѣдѣ о сиротствѣ* или *Бесѣдѣ священника съ бѣдною вдовою, оставшеюся съ сыномъ*. Кажется, слышишь голосъ отца, соболѣзнующаго о твоей невознаградимой потерѣ; чуешь сердцемъ утѣшеніе друга, для котораго твоя скорбь стала его скорбію, твоя печаль его печалію и горькая слеза ощущительно растворяется успокоительной сладостью.

Съ души какъ бремя скатится,
Сомнѣнье далеко;
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко.

Хроника, напечатанная въ 46 [illegible] за XI годъ, была послѣднею статьею *Амфитеатрова*, появившеюся при жизни автора.

Появленіе, въ 1840 году, Маяка вызвало нашего ученаго на новую литературную дѣятельность. Направленіе этого журнала возбудило во всѣхъ благонамѣренныхъ людяхъ живое участіе; по просьбѣ издателя, *Амфитеатровъ* согласился поступить въ число его сотрудниковъ. Не считая себя ни беллетристомъ, ни присяжнымъ литераторомъ, онъ началъ помѣщать въ Смѣси Маяка небольшія статейки, заимствуемыя изъ простонароднаго быта, подъ заглавіемъ: *Простоволосые*. ([4]) Наконецъ въ 1844 году появилась въ этомъ журналѣ большая повѣсть: *Лёва Долина*, подписанная такъ: *писалъ Аѳанасій Ивановъ самовидѣцъ*. Кто такой этотъ Аѳанасій Ивановъ? спрашивали литературные аристократы, изумленные высокимъ талантомъ неизвѣстнаго Кіевлянина, глубокой и многосторонней наблюдательностью, добротою, живостью и какою-то наивностью чувства, силою воображенія и необыкновенною мѣткостью и картинностію разсказа. Тогда еще преслѣдовали эту рѣчь, которая въ такомъ совершенствѣ явилась послѣ въ разсказахъ Григоровича и Тургенева; тогда этотъ языкъ нѣкоторые журналы, безъ милосердія наводнявшіе нашу литературу иноземными фразами и дикими оборотами рѣчи, называли „мужицкимъ“: но публика не всегда слушаетъ журнальныхъ говоруновъ, не всегда подчиняется литературному ихъ деспотизму. Неизвѣстный *Аѳанасій Ивановъ* привелъ въ восторгъ почитателей русской молви, заставилъ прямо взглянуть въ сердце человѣческое, раскрытое во всю ширину его волшебнымъ перомъ. Въ литературныхъ кружкахъ образовались партіи, и какъ

водится, одни до небесъ превозносили, другіе отзывались съ пренебреженіемъ объ этомъ оригинальномъ произведеніи *Амфитеатрова.*

Канва повѣсти *Лева Долина* очень проста, и узоры, вышитые по этой канвѣ, вовсе невычурны. Простой, русскій мужичекъ полюбилъ дѣвушку, а дѣвушка полюбила его. Какъ водится въ романахъ и въ жизни дѣйствительной, встрѣчаются препятствія, которыя доводятъ бѣднаго *Леву* до петли или по крайней мѣрѣ до рѣшительнаго намѣренія повѣситься. Впрочемъ все кончается благополучно: *Лева* женится на своей *Наташѣ,* становится отцомъ и—повѣсти конецъ.

Что можетъ быть проще и даже обыкновеннѣе этого предмета? Любовь уже такъ устарѣла, чувства влюбленныхъ, сто тысячъ разъ описанныя во всевозможныхъ романахъ, повѣстяхъ и поэмахъ, на всевозможныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, до того износились, что написать что нибудь занимательное по этой части, безъ обстановки другими, болѣе эффектными сценами, почти невозможно: но тутъ-то и видѣнъ художническій талантъ автора *Левы Долины.* У него русское сердце сказалось всей широтой любви, чистой, неиспорченной: у него сказалась воля со всей своей борьбой и колебаніемъ между добромъ и зломъ, между законностью священныхъ обязанностей и мятежностью общаго всѣмъ эгоизма; у него русскій умъ явился со всей своей смѣтливостью и досужестью, словомъ:

Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ.

Какъ хорошъ, напримѣръ, этотъ *Лева*! Онъ твердъ по русски; довѣрчивъ, потому что добръ; отваженъ, потому что любитъ; это человѣкъ, выражаясь словами автора, „съ чистымъ, „русскимъ упрямствомъ, съ твердою, рѣшительною волею, съ „непреклоннымъ характеромъ, съ живымъ, сильнымъ чувствомъ „и страстями, со способностію принимать всевозможныя впе-

„чатлѣнія не бокомъ, не верхнею стороною, а просто, цѣли-„комъ, короче: съ натурою—ставить все, что можно, на сво-„емъ“. Вотъ онъ—почти насильно оттянутый отъ петли, которая не хладнокровнѣй его висѣла на дубовомъ суку, начинаетъ повѣсть своихъ внутреннихъ страданій, и какъ выпукло рисуются здѣсь всѣ симптомы той сладкой болѣзни, которую зовутъ любовью! Слышится какое-то психологическое ясновидѣніе въ рѣчахъ этого сына природы; видно какое-то умѣнье передать въ осязательныхъ образахъ тѣ неуловимые оттѣнки нѣжной и вмѣстѣ мучительной страсти, которая такъ сладко и такъ больно волнуетъ душу почти всякаго въ пору непотраченной еще молодости. И для примѣра, и для наслажденія выслушаемъ разсказъ *Лёвы* о томъ, какъ отецъ объявилъ ему, что онъ его уже сосваталъ, но только не на суженой, а на той, которую самъ ему выбралъ.

»Вечеромъ, въ теплой хатѣ при лучинѣ, мы всею семьей, кромѣ батюшки, сидѣли вмѣстѣ: пряли, вили, плели, дѣлали, разговаривали и смѣялись; и было всѣмъ весело, можетъ, опричь меня одного. Однако и мнѣ было не грустно; была только думка за пазухой. Вошелъ батюшка, помолился и сѣлъ за столъ. Все замолчало, и малыя дѣти присмирѣли; слышно было, какъ лучина горитъ и дымокъ ходитъ по хатѣ.

— Петруша, сказалъ мой родитель ласково: поди ко мнѣ, я принесъ тебѣ гостинецъ.

И подалъ яблоко. Петруша былъ самой меньшій изъ внуковъ моего родителя, мальчикъ лѣтъ четырехъ, вострый, бойкій и самъ хорошій, какъ яблочко. Завидѣвши яблоко у Петруши, всѣ внуки и внучки, числомъ десятка съ полтора, потянулись къ батюшкѣ: дай, дай, мнѣ дай! Онъ всѣхъ одѣлилъ, со всѣми дурилъ, а потомъ махнулъ рукою и молвилъ:

— Мнѣ до вашихъ свадебъ не дожить. Ну что вы? Дрянь; люди-не люди, безлюдье—не безлюдье, такъ еще ни сё ни то; да и кто вѣдаетъ, что будетъ изъ васъ? Пословица не даромъ лежитъ: на затирѣ пива не угадываютъ. Пошли прочь! У меня и безъ васъ есть женихи, стало быть будетъ и свадебка. А, какъ ты думаешь, мать?

— Такъ же какъ ты, Василій Яковлевичъ, сказала моя родительница батюшкѣ. Мнѣ ужъ давно хочется женить моего желаннаго, да все не сберусь молвить тебѣ, родимый.

Слушая батюшку и матушку, я былъ какъ будто немного повѣшенный. Вѣстимо, что дѣло шло обо мнѣ: но какъ оно пойдетъ-то, думалъ я.

— Лёвка! сказалъ мнѣ батюшка. Полно тебѣ лытать и ялдыжничать! Пора жениться. Я былъ у отца священника; онъ сказалъ, что и по книгамъ тебѣ годы вышли. Хочешь жениться?

Вѣстимо, сударь, чегожь мнѣ и хотѣлось, какъ не жениться? У насъ—обыкновенное дѣло—когда вышли годы жениться, то и женись; такъ всѣ у насъ женятся, и не женатыхъ въ нашемъ быту крестьянскомъ нѣтъ, развѣ ужъ кого Богъ умомъ—разумомъ обдѣлитъ. Вѣдь мы не господа, чтобъ намъ оставаться не женатыми. Къ томужъ, если отецъ скажетъ —хочешь жениться? такъ это и значитъ, что хочешь. Да, мнѣ хотѣлось жениться, потому что надо было жениться, потому что пришла моя пора жениться. Но какъ ты думаешь, бояринъ? Когда батюшка выговорилъ мнѣ: что, Лёвка, пора тебя женить,—мнѣ показалось, что я или упалъ съ висѣлицы, или попалъ изъ избы прямо на висѣлицу. Такъ чудно мнѣ это показалось. Однако я, скрѣпя животъ, молвилъ покорно: какъ знаешь, батюшка; власть твоя и воля твоя.

— Я выбралъ тебѣ и дѣвку, примолвилъ мой родитель.

Что, если она не та, которую я выбралъ? подумалъ я, стиснувъ душу. Тутъ только вспомнилъ я, что женихи не выбираютъ себѣ невѣстъ, что имъ не слѣдуетъ самимъ выбирать, что ихъ выбираютъ отецъ и мать. Отецъ и мать родили сына; они же имѣютъ волю и женить его; потому что родить и женить—одно дѣло, то есть, одно стоитъ другаго. У, какъ же мнѣ тяжело тогда стало!...

— Знатная дѣвка, говорилъ мой батюшка, дѣвка знатная! Работящая, смиренная, здоровая; домъ зажиточный, сватъ—человѣкъ важный, хоть бы кому Богъ далъ; да и семья-то вся у нихъ добрая; живутъ, какъ гусли играютъ, мирно, союзно.

У меня стало пояснѣе на душѣ и легче на сердцѣ. Мнѣ показалось, что батюшка говоритъ о моей Наташѣ: кто жъ такая знатная, работящая, и смиренная, какъ не Наташа? И домъ, и сватъ, и семья какъ гусли—все это Наташино.

— И имя у ней славное, говорилъ батюшка: Наташа, Наташка; да это такъ легко сказать, какъ ложку молока проглотить. Но ты, братъ Лёвка, пока не женился, не зови ее Наташкою, а зови Наташа. Женишься,—тогда хоть пусть будетъ она у тебя и Наташка.

Услышавъ имя Наташи, я отъ радости чуть было не упалъ, и поклонился батюшкѣ въ ноги.

— Да которая жъ это изъ Наташекъ? спросила матушка. Вѣдь ихъ не одна есть у насъ въ селѣ.

— Наташка Пересвѣтова, Самойлина дочь, отвѣчалъ батюшка.

— А,—ну такъ, говорила матушка. Славная дѣвка, нечего сказать.

Матушка хвалила... а я стоялъ, какъ застрѣленный изо ста ружей, изо ста одного ружья, направленныхъ въ одно мое сердце — Лёвкино. Развѣ мнѣ этой Наташи хотѣлось?.. Правда, и она точно знатная, и отецъ и мать ея, и семья предобрая, — все это правда. Но я посмотрѣлъ въ мой правый глазъ: тамъ сидитъ моя Наташа, а не батюшкина; посмотрѣлъ къ себѣ въ лѣвый глазъ: и тамъ сидитъ Наташа Миронова, а для Пересвѣтовой нѣтъ мѣста нигдѣ, и ни для кого нѣтъ мѣста, хоть будь онѣ тысячу тысячъ разъ Наташами. Что было мнѣ дѣлать? Ничего; стоять и заживо умирать. Я такъ и стоялъ. Мои родители, нахвалившись вдоволь своею, а не моею Наташею, поглядѣли на меня; а у меня не только изъ глазъ, но по всей моей кожѣ проступили слезы, какъ градъ, и текли ото лба до колѣнокъ. Хорошо, что случились онѣ на ту пору; сердцу легче, и слова скорѣе выходятъ наружу. А не случиться тогда было нельзя: душа во мнѣ плакала...

— Чтожъ ты это, Лёвушка, такъ расплакался, зарыдалъ? молвила моя родительница: вѣдь свадьба не завтра.

— Отъ радости, говорилъ мой родитель: захотѣлось жениться. Вы, матери, сказалъ онъ, обращаясь къ невѣсткамъ, готовьте своимъ ребятишкамъ новыя платья, да припасайте того-сего, чтобъ всего было довольно. А вы, мужья, получше кормите коней, чистите збрую, поправляйте повозки. Послѣдній сынъ и послѣдняя у меня свадьба на этомъ свѣтѣ: такъ я хочу, чтобъ все у насъ хорошо было, чтобъ вамъ дуракамъ оставить на память. Будете женить своихъ дѣтей, можетъ вспомните и насъ стариковъ. Да насъ уже не будетъ.... Ну, а ты что тамъ въ самой вещи разливаешься и киснешь, какъ грибъ? Перестань!...

— Батюшка, молвилъ я, дай мнѣ слово молвить.

— Какое слово?

— Я плачу не отъ радости.

— Ну, такъ отъ дурости.

— Не отъ дурости, батюшка. Я плачу отъ того, что мнѣ скучно, что мнѣ тоска сердце проѣла, что....

Мой родитель пристально поглядѣлъ на меня, и взялся было за свой посохъ, чтобъ утереть мнѣ слезы и пригвоздить языкъ. Можетъ, и хорошо было бы, — не случилось. Батюшка опять сѣлъ и только вымолвилъ: »ага, вотъ что!« Ясно, какъ день, что мой родитель догадался, отъ чего мнѣ скучно и что у меня за тоска. Трудно, бояринъ, родному сыну обмануть роднаго отца и мать! Мы приходимъ на свѣтъ изъ подъ ихъ сердца; стало быть, наше сердце часть ихъ сердца; у нихъ и у насъ оно одно, только въ разныхъ мѣстахъ; стало быть мать и отецъ могутъ знать, что на сердцѣ у ихъ сына. Такъ и мое дѣло: но дѣлалъ я его не такъ, какъ слѣдуетъ родному сыну. Эхъ—эхъ—эхъ! Коли сдѣлаешь одинъ грѣхъ, потянешься и къ другому; а коли два, то и много. Я полюбилъ мою Наташу безъ отца, безъ матери — грѣхъ; теперь надо было лгать передъ отцомъ, передъ матерью, — другой, — и все пошли грѣхи.

Лёва замолчалъ и закручинился, мысленно пересчитывая грѣхи свои. Чтобы извлечь его изъ задумчивости и принудить къ продолженію разсказа, я замѣтилъ ему: а ты прежде говорилъ, что люди не помѣха тебѣ.

— Люди! сказалъ онъ. То люди, а то отецъ. Отецъ не люди; онъ больше людей. Съ людьми можно говорить; а отца надо слушать, что онъ говоритъ, и дѣлать, что слышишь.

— Но вѣдь ты сказалъ же отцу, что любишь Миронову? спросилъ я.

— Чудное вы дѣло спрашиваете, печально отвѣчалъ Лёва. Если я Наташѣ не могъ сказать, что люблю ее: такъ можно ли сказать отцу родному? Если отецъ сказалъ: я не хочу вотъ этого,—то такихъ вещей у насъ не бываетъ, и быть имъ не надо.

— Правда, любезный Лёва, замѣтилъ я. Теперь еще болѣе хочется знать, что и какъ говорилъ ты отцу.

— Вѣстимо что: лгалъ, — молвилъ грустно Лёва. Лгать было не надо, а правду сказать не можно; по этому я и лгалъ, то есть, потому лгалъ, что ложь—конь во спасеніе; и кромѣ этого коня мнѣ ѣхать было

не на чѣмъ. Хочешь не хочешь, а поѣдешь и на томъ, какой есть. Батюшка и матушка! молвилъ я: родители мои сердечные! дайте мнѣ слово молвить!

— Какое? спросилъ батюшка.

— Мнѣ не хочется разставаться съ вами.

— Не будешь, ты и не будешь разставаться съ нами.

— Но жена—разлучница....

— Лжешь! Разлучница—полюбовница, а не жена!

У, какъ тутъ батюшка поглядѣлъ на меня! Прямо насквозь.

— Родители мои, сказалъ я, — вы мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Дайте мнѣ хоть еще годокъ послужить вамъ однимъ, поработать на васъ на однихъ!

— Теперь ты одинъ работаешь намъ, молвилъ батюшка; а тогда васъ будетъ двое: ты да жена.

— Но батюшка, вѣдь мужъ да жена — одна сатана. Оно хоть и двое насъ: но мы все таки больше норовить будемъ себѣ, чѣмъ другимъ. Такъ ужъ это испоконъ вѣку ведется.

— Языкъ-то у тебя востеръ, я вижу; да смотри, не прикуси его. Худо острымъ языкомъ говорить ложь и обманывать отца и мать, — эй худо!

Да, бояринъ, тутъ я увидѣлъ какъ на ладони, что оно худо, такъ худо, что хуже не надо, что я не сынъ отцу и матери, а чистый лгунъ и подлецъ. Я просилъ отсрочки на мою женитьбу не для моихъ родителей, а для кого,—извѣстно. Я надѣялся, что въ эту отсрочку дѣло мое какъ нибудь можетъ передѣлаться по моему хотѣнію. Я думалъ— можетъ разлюблю Наташу; кто знаетъ, на свѣтѣ всякое бываетъ! Можетъ родители передумаютъ и узнавъ, кого я люблю, сойдутся на мою любовь; можетъ и то, и то, и то.... Ну, то есть, солгавши предъ отцомъ и матерью, я теперь лгалъ и передъ самимъ собою; хоть ясно видѣлъ, что лгу передъ моими кровными, какъ цыганъ, однако не прикусилъ языка, а сталъ еще говорить:

— Родители мои! матушка—голубушка! Дайте мнѣ еще хоть полгода любить и почитать васъ однихъ, однихъ только васъ любить!

— Какъ—полгода? сказалъ батюшка. Ты долженъ любить и почитать насъ до конца нашей жизни; а помремъ, долженъ поминать насъ. Кто родителей поминаетъ, тотъ во вѣки не погибаетъ.

— Буду любить и честить васъ, батюшка—матушка, молвилъ я

со слезами, и на семъ и на томъ свѣтѣ; всегда и всюду любить васъ буду. Но жена—вѣдь если она моя жена, такъ мнѣ развѣ не любить ее?

— Любить, такъ любить, какъ велитъ законъ Господень; душа въ душу.

— Но когда любишь многихъ, стало быть ужъ любишь не одного, а многихъ; а мнѣ хочется однихъ васъ любить.

— Дѣло, дѣло!

— Когда я буду глядѣть на жену, стало быть въ то время мнѣ не можно будетъ глядѣть на васъ; а вѣстимо, что мнѣ надо будетъ глядѣть на жену. Когда прилучится нужда призрѣть жену, стало быть мнѣ неколи будетъ призрѣть васъ. Когда жена хвора или закручинилась, такъ надо съ нею посидѣть, ее приголубить: но вѣдь это съ нею, а не съ вами, родители мои. Когда жена поглядитъ на меня, какъ жена, и скажетъ ласкательно: сдѣлай мнѣ это и это, сослужи мнѣ службу такую-то; стало быть мнѣ и надо дѣлать на нее, а не на васъ, служить ей, а не вамъ. Когда если, неравенъ случай, примѣромъ сказать...

Тутъ я замялся, а мой родитель, обратившись къ матушкѣ, сказалъ: жена! ты мать ему; такъ присматривай за нимъ получше. Это ясно, что такое онъ разсказываетъ намъ. А тебѣ, братъ, я скажу вотъ что: стараго — воробья — на — мякинѣ — не — обманешь. Вмѣсто того, чтобъ слушать пустомелю, давно бы надо разчесать тебѣ кудри отцовскою пятерней и палочьемъ выбить блохъ изъ души твоей; ну, да это мы успѣемъ сдѣлать и послѣ твоей свадьбы. Будь готовъ, молокососъ! Говорить тебѣ больше нечего!

И точно, говорить мнѣ было нечего. Я замолчалъ; но я не могъ удержать ни горькихъ слезъ, ни тяжкихъ рыданій; я видѣлъ, что мое дѣло кончено, что мои слова вмѣсто того, чтобъ утаить мою тайну, всю вывели ее на чистую воду передъ батюшкою; и я такъ заплакалъ и зарыдалъ, что, кажись, лучинѣ стало меня жалко; она потухла.

— Ну, да чтожъ въ самой вещи ребенка-то неволить? сказала матушка, сама утирая слезы. Можетъ, онъ и правду говоритъ. Лгуны такъ не плачутъ, и откуда у нихъ слезы возьмутся? А вѣдь онъ, сердечный, плачетъ, что рѣка льется. Стало быть не то, что ложь; стало быть у него есть горе, тяжкое горе, великія слезы. Ахти—хти—хти—мнѣшеньки!

— Полно, мать! отвѣчалъ батюшка. Я знаю, что у него есть горе и великое горе, да только не отъ насъ и не объ насъ съ тобою. Полно же; садитесь ужинать.

Сѣли за ужинъ. Пошли другія рѣчи, о другихъ дѣлахъ; моего словно и не бывало; объ немъ позабыли. Всѣ были веселы, опричь меня и матушки. А всѣхъ веселѣе казался батюшка, такъ что мнѣ досадно стало. Когда сынъ плачетъ и тѣломъ и душою, думалъ я, то какъ же отцу веселиться? Но и это былъ грѣхъ предъ моимъ родителемъ. Послѣ ужина вся семья разошлась; хотѣлъ и я идти, но батюшка молвилъ: »будь здѣсь!« Мы остались втроемъ: онъ, матушка и я. Самъ опять сѣлъ за столъ; меня посадилъ противъ себя; а матушка помѣстилась между мною и отцомъ. Склонивъ голову на руку, то опуская свои родительскія очи, то поднимая ихъ на меня, онъ и ласково и грустно говорилъ:

— Можетъ ты, Лёва, думаешь, что я не люблю тебя? Неправда. Можетъ ты думаешь, что я дурю, не слушаю и не хочу слушать тебя? Неправда. Можетъ ты думаешь, что я по одной волѣ отцовской и по одной прихоти моей хочу женить тебя на Пересвѣтовой? И это неправда, — все неправда!.. Слушай, не перебивай меня. Я всѣхъ васъ люблю, потому что всѣ вы мои дѣти; а тебя больше всѣхъ, потому что тѣ уже взросли, поженились и своихъ дѣтей имѣютъ, а ты у меня еще на рукахъ, не только на рукахъ, но и въ груди моей. Стало быть не любить тебя нельзя мнѣ. Люблю еще и за то, что ты и по кожѣ и по нраву крѣпко на отца твоего похожъ. Когда смотрю на тебя, — а я часто гляжу на тебя, — на твою стать, на твое рукодѣлье, на твои шалости и затѣи, я вижу себя самаго, чистаго себя въ тѣ поры, какъ я былъ въ твоихъ лѣтахъ. Все, что ты говорилъ мнѣ давеча, оно тоже самое, что и я говорилъ моему покойному родителю, Якову Васильевичу, царство ему небесное; а мой родитель говорилъ тоже самое и тѣми же рѣчами моему дѣдушкѣ покойному Василью Семеновичу. Вотъ почему я и прибавилъ тебѣ старинную пословицу нашу: стараго воробья на мякинѣ не обманешь. Въ нашемъ домѣ она испоконъ вѣку была наукою. Не знаю кого, но притоманно знаю и вижу, что ты уже выбралъ кого-то, не спросясь у отца и матери. Почему я хочу женить тебя не на той, которую ты выбралъ, а на той, которую я, долго пріискивая, нашелъ

для тебя? Потому что такъ надо; потому что этакъ сдѣлалъ и со мною покойный батюшка; онъ хорошо сдѣлалъ—не согласился на мою, а согласилъ меня на свою. И онъ худо сдѣлалъ бы, если бы женилъ меня на той, на которой мнѣ до смерти хотѣлось жениться. Я думалъ, не хуже тебя, что умру безъ ней,—такъ я любилъ ее! Анъ нѣтъ: я живъ—живёхенекъ, а ее ужъ давнымъ—давно не стало. Я думалъ, что лучше ея ничего нѣтъ на всемъ свѣтѣ бѣломъ, а она вышла дрянь — баба. Послѣ я распозналъ, когда ужъ не нужно было распознавать, что она не дюже любила меня: вовсе не тужила, что меня женили на другой, народила хилыхъ дѣтей, а сама взяла да умерла, оставивъ мужу худыхъ цыплятъ на шею. Напротивъ та, на которой меня женили поневолѣ и на которой до смерти мнѣ не хотѣлось жениться.... ты знаешь ее,—она мать твоя. Лучшей матери и ты не захочешь имѣть; лучшей жены я не хотѣлъ и не хочу и не буду хотѣть, да лучшей никому и хотѣть не надо. Видишь, Лёвушка, — не все то хорошо, что намъ кажется хорошимъ, и не все то дурно, что намъ не по сердцу до поры до времени. А эта пора—время и есть молодость; ей вѣрить нельзя; она мало жила и мало знаетъ на свѣтѣ. Видишь опять, сынокъ, что не отъ дурости, не по прихотямъ хочу я женить тебя противъ воли твоей, а потому что мое житье—бытье, мои дѣды и прадѣди научили меня этому. Женись я на выбранной мною, а не батюшкой, я вѣкъ цѣлый плакался бы, а на кого? на себя, а можетъ еще поропталъ бы и на покойнаго родителя, за чѣмъ онъ не училъ сына—дурака. Смертное прегрѣшеніе! Чего во всю жизнь мою боялся за себя, того еще страшнѣй боюся за тебя. Я доживаю мой вѣкъ, а ты еще не починалъ своего. Почнешь, когда женишься; а вѣкъ твой будетъ—правда истинная—таковъ, каково ты женишься и какую приведешь къ себѣ, чтобъ жить съ ней до гробовой доски, либо душа въ душу, либо какъ собака съ кошкою, отъ чего спаси—помилуй Творецъ Создатель нашъ! Въ роду нашемъ не бывало собачьей жизни, и не будь, не помянись она въ домѣ нашемъ, на корени прародительскомъ! Стало быть, намъ—отцу и матери твоей—надо знать лучше тебя, на комъ тебя женить, и какъ женить.... грѣхъ, тяжкій грѣхъ! Мнѣ надо было женить тебя прошлою весною, и не откладывать до нынѣшней осени: я отложилъ, по старинному обычаю, и согрѣшилъ. Я не стану хитрить и лукавить словами передъ тобою, какъ ты давеча хитрилъ передо мною. Я скажу прямо, что кручина вошла тебѣ въ душу

съ прошлыхъ покосовъ, а до нихъ у тебя кручины не было, никакой кручины не было.

Я вздрогнулъ, какъ воръ, котораго поймали на первомъ воровствѣ, и тотчасъ спознали, что онъ воръ, что его надо въ железы, въ тюрьму, на каторжную работу.

— Постой, погоди, не мѣшай отцу говорить, сказалъ батюшка. Бывало, мать твоя рада не нарадуется, что нашъ Лёвка пересталъ вертопрашничать, сталъ остепеняться, работалъ больше, спалъ меньше, день ото дня набиралъ ума—разума. А я думалъ: охъ, бѣда! И чѣмъ я находилъ тебя противъ прежняго умнѣе, а въ иную пору глупѣе, тѣмъ притоманнѣе видѣлъ, что твоя кручина глубоко вошла во всего тебя, проникла и въ кровь и въ кости твои. Съ тѣхъ поръ я каждую ночь почесывалъ затылокъ мой, и думалъ думу крѣпкую о томъ, какъ бы мнѣ женить тебя. Я не старался узнать, какую ты полюбилъ: но я крѣпко неволилъ себя распознать, какую тебѣ надо любить. Я всѣхъ ихъ перебралъ;—и ближнихъ и дальнихъ: всѣхъ перемѣрилъ и выбралъ Пересвѣтову. Тутъ все есть, чего ты не знаешь теперь, но что все будетъ надо тебѣ послѣ и чего больше не будетъ надо.

— Да чтожъ, Яковлевичъ, молвила матушка,—можетъ и та хороша, нехуже Пересвѣтовой, которую онъ самъ облюбилъ Испытъ не убытъ, говоритъ пословица.

— Пожалуй, скажи, кто она такая, печально молвилъ родитель мой.

Я молчалъ, потому что мнѣ надо было молчать. Что я хотѣлъ и думалъ сказать, то самое сказалъ батюшка.

— Ты молчишь, говорилъ онъ, и хорошо дѣлаешь. Безъ словъ видно что ты полюбилъ не ту, которую выбралъ я; стало быть, мнѣ и не нужно знать твоей, то есть лучше не знать ее. Я уже сказалъ, что всѣхъ ихъ перебралъ, перемѣрялъ, и нашелъ самую нужную и тебѣ самую пригодную. Правда, знаю одну изъ нихъ, которая лучше и богаче Пересвѣтовой, богаче насъ съ тобой: но потому-то самому она и не приходится тебѣ по мѣркѣ, что богаче. Нѣтъ ровни; а мужъ и жена неровни — это все едино, что къ сивку пристегнуть поросенка въ одну телегу. Я, братъ, знаю Мироновыхъ изстари. Домъ хорошій, славный домъ, нечего сказать и говорить худаго не надо: но отецъ ихъ спѣсивъ немного, и думаетъ, что лучше его дѣтей никого нѣтъ на свѣтѣ, а присмотрѣть за ними не любитъ. Братья у *ней* оторви — головы; межъ

невѣстками нѣтъ добраго ладу, хоть и не бываетъ драки: да и всѣ они какъ-то умѣютъ жаръ загребать чужими руками. А это дѣло не совсѣмъ праведное; по мнѣ, ужъ лучше бѣденъ да честенъ, хоть голъ, да правъ. Такъ-то, Лёвушка! О Наташѣ Мироновой, самой по себѣ, грѣхъ молвить недоброе слово: дѣвка видная, дѣвка смирная, мастерица и слово сказать, и дѣло сдѣлать. Но я уже сказалъ, чѣмъ она тебѣ неровня. А ты самъ посуди: гдѣ дочь, тамъ и отецъ, и мать, и вся родня. Стало быть съ одною хорошею ты приведешь къ себѣ много всякой всячины, что и самому негдѣ будетъ дѣваться. Ну, да что толковать объ нихъ! Я совѣтовался съ батькой отцомъ священникомъ, нашимъ отцомъ духовнымъ; онъ лучше меня съ тобою вѣдаетъ всякую душу христіанскую, и спрашивалъ у него: которую—Миронову али Пересвѣтову? Онъ безъ запинки молвилъ: Пересвѣтову. Говорилъ Самойлѣ: онъ радъ—радехонекъ, и дочь его знаетъ, что ты женихъ ей. Сказано, сдѣлано и передѣлывать не надо. Меня назовутъ дуракомъ, тебя ослушникомъ, и обо всѣхъ насъ скажутъ: »какой нынѣ свѣтъ сталъ! гдѣ старина—матушка? отецъ слушаетъ сына, сынъ не слушаетъ отца, — не бывать добру!« Такихъ рѣчей я слушать не хочу, потому, что онѣ будутъ не пустыя рѣчи, а сущая правда. Полно, братъ Лёвка, не кручинься. Перемелется, все мука будетъ Иди съ Богомъ на сонъ грядущій. Богъ милостивъ; Онъ дастъ, что до женитьбы ты одумаешься. А женишься и со всѣмъ перемѣнишься.

Я поклонился моимъ родителямъ до лица земли, и когда выходилъ изъ хаты, батюшка еще мнѣ промолвилъ: »не кручинься! Если Господу угодно, такъ Пересвѣтова будетъ твоей женою: а если не угодно, такъ она никогда и не будетъ.«

Велика вещь, сударь, отцовское слово къ сыну! Оно слово истинное, и неправды въ немъ нѣтъ, потому оно даетъ иную душу человѣку, и другой разумъ головѣ человѣческой. Вотъ я теперь стоялъ передъ словомъ родителя моего чистъ, какъ мать родила; все что было у меня на умѣ и подъ грудью, всѣ мои хотѣнья и замышленья, все что я думалъ или могъ думать, все это слова батюшкины перебрали, вывернули, и я сталъ наружу, со всѣми тайными д яньями моими. До сей поры я вѣрилъ, что я одинъ вѣдаю то, что знаю, а теперь увидѣлъ, что батюшка не въ примѣръ лучше зналъ и меня и мое все. У меня всѣ жилки и косточки трепетали, когда мой родитель говорилъ о

Мироновой: я думалъ, что умру, коли услышу отрѣзъ. Ни мало не умеръ; у меня еще катились слезы: но это слезы не той кручины, которыя прежде изъѣдали кости и душу мою, а какія-то добрыя слезы,— плачешь и не наплачешься. Я былъ покоенъ и какъ-то ясенъ самому себѣ; а прежде все во мнѣ было темно и тяжко. Легши на сѣнѣ—моей ежедневной постелѣ, я перебралъ всѣ батюшкины слова до единаго, и видѣлъ, что изъ каждой рѣчи моего родителя выходилъ и входилъ въ мою душу цѣлый и свѣжій умъ—разумъ; текло въ сердце такое добро, съ которымъ можно вѣкъ прожить. Миронова, по временамъ, хоть и толкалась въ грудь мою, но не такъ больно, какъ прежде; я глядѣлъ на нее тамъ въ груди: но она стала будто темнѣть. Изъ за нея выходила Пересвѣтова, словно утренняя зорька восходитъ. Я разглядывалъ ее, и она показывалась мнѣ такою же полнотою, такою же правдою, какъ слово моего родителя. Я почти уже любилъ ее, то есть, я думалъ, что люблю ее, то есть, бояринъ, мнѣ хотѣлось теперь не того, чтобъ любить больше всего на свѣтѣ, а того чтобъ слушаться моихъ родителей болѣе всего на свѣтѣ. На другой, на третій день я былъ—истинная правда—какъ мать, родившая отцу хорошаго младенчика. Не родилось—мучится родами, и свѣтъ Божій не милъ; родилось,—такъ и радъ человѣкъ. Такая радость и легость на душѣ, такая свѣтлость въ глазахъ, на лицѣ и въ головѣ; словно умылся живой водой«.

Нѣтъ,—не лесть, а чистая, святая правда водила перомъ писавшаго слѣдующія строки къ Автору Левы Долины:

Не въ сказкахъ науки, понятой тобой,
Не въ свѣтѣ, занятомъ пустой суетой,
Ты такъ человѣка побѣдно слѣдилъ,
И сердце и разумъ его изучилъ.
По книгѣ Господней людей ты читалъ,
И въ нѣдрахъ природы ты ихъ постигалъ,
И тайной покрытый, замкнутый въ себѣ,
Какъ пойманный тать, сказался тебѣ,
Безъ маски, какъ есть онъ, пустой человѣкъ,
И высказалъ горькій ему ты упрекъ.
Но зная всю низость вседневныхъ грѣховъ,
Не тратилъ напрасно ты остренькихъ словъ,
И съ смѣхомъ кощунства надъ ближнимъ твоимъ

Не мазалъ ты грязью постыдныхъ картинъ.
Съ печатью величья и съ теплой душой,
Но съ думой паденья, прошелъ предъ тобой
Могучій и крѣпкій, прямой чаловѣкъ;
Списалъ ты его: но гордый нашъ вѣкъ,
Смѣясь, не повѣрилъ картинѣ такой,
И мимо прошелъ онъ, любуясь собой.

Но не увлекаясь пристрастіемъ, должно сказать, что *Амфитеатровъ* въ своихъ свѣтски—литературныхъ разсказахъ, отличаясь неподражаемымъ искуствомъ чисто — русскаго, искренняго слова,—въ очертаніи нѣкоторыхъ характеровъ далеко не точенъ. Мы сказали уже, что свѣтская сторона литературы не была его призваніемъ, что чуждый свѣту съ его калейдоскопической игрой чувствъ и мыслей, съ его принужденнымъ безстрастіемъ и тайными страданіями, онъ по идеѣ только могъ судить и судилъ о людяхъ, не встрѣчавшихся съ нимъ на жизненномъ пути.

Задолго передъ симъ (1837 г). *Яковъ Косьмичъ* утвержденъ былъ въ званіи ординарнаго профессора Словесности Уроки по класссу Церковнаго Краснорѣчія сдѣлались въ эту пору предметомъ серьезныхъ его думъ и занятій. Первая часть Гомилетики давно уже была представлена имъ въ Духовно-Учебное Управленіе, и наконецъ въ 1845 году вышли въ свѣтъ въ двухъ томахъ *Чтенія* его *о Церковной Словесности* или *Гомилетика*. Весь учено-литературный міръ встрѣтилъ похвалами и радостными привѣтствіями это превосходное произведеніе глубоко-наблюдательнаго ума, многосторонней учености и долголѣтняго опыта Всѣ наши отечественные журналы, рѣдко согласные между собою въ оцѣнкѣ извѣстнаго сочиненія, въ настоящемъ случаѣ единодушно отдали должную справедливость автору Гомилетики. Лестные отзывы просвѣщеннѣйшихъ мужей и опытнѣйшихъ въ дѣлѣ проповѣданія слова Божія пастырей Церкви сыпались на *Амфитеатрова* со всѣхъ сторонъ Графъ С. С. *Уваровъ* назвалъ его книгу „прекрасною по пред-

мету и достойною своего предмета по исполненію". Князь П. А. *Шихматовъ—Ширинскій*, прочитавъ Гомилетику „съ осо„беннымъ вниманіемъ и съ истиннымъ удовольствіемъ, нашелъ, „что изложеніе предмета всегда ясное и нерѣдко краснорѣ„чивое соотвѣствуетъ его важности, и что вся книга отъ на„чала до конца проникнута духомъ Православія и народ„ности". (а) Извѣстный нашъ ученый А. *Стурдза* выразилъ восторгъ свой такимъ образомъ: „наконецъ чаяніе мыслящихъ „ревнителей Православія сбылось: ваша Гомилетика трудъ зрѣ„лый. и потому самому драгоцѣнный, вышла въ свѣтъ, сдѣ„лалась достояніемъ училищъ и учащихся на Руси; несомнѣнно „надѣюсь, что Господь, даровавшій вамъ слово вразумленія и „назиданія для многихъ, отнынѣ возьметъ свое съ лихвою. „Ваша книга не мимолетное явленіе, не блёстка, а напротивъ, „слитокъ чистаго золота, добытый размышленіемъ и молитвою „изъ сокровищницы Отца свѣтовъ".—Ваши чтенія о Словес„ности, писалъ къ *Амфитеатрову С. О. Бурачекъ*,—въ сво„емъ родѣ Камень Вѣры, удовлетворившій самую вопіющую „потребность по меньшей мѣрѣ на двѣсти лѣтъ, Когда то еще „родится другой Яковъ Косьмичъ, головою повыше нынѣшняго, „который сможетъ усмотрѣть недостающее и восполнить оное; „а теперь наши учащіе, учащіеся и проповѣдующіе всесто„ронно направлены на прямой истинный и спасительный путь. „Я читалъ, читаю и не могу насладится благодати, преизо„бильно изліянной на васъ отъ Господа".—Но еще выше, еще поразительнѣе благодарные отзывы іерарховъ Церкви Русской, мыслію и дѣломъ постигающихъ высокую цѣну *Чтеній Амфитеатрова* „Я срѣтаю, писалъ знаменитый нашъ витія *Иннокентій* (нынѣ архіепископъ Херсонскій) вашу прекрасную „книгу, какъ давняго и давно-ожидаемаго знакомаго и пріа„теля. И прежде онъ стоилъ уваженія, а теперь еще болѣе.

(а) Оба эти письма помѣщены сполна въ примѣчаніяхъ № 5.

„Всегдашняя благодарность вамъ отъ всей учебной и ученой „части нашей! Вы одолжили ее много и надолго трудомъ сво„имъ. Безъ васъ эта стезя, доселѣ мало удобная къ проѣзду, „можетъ быть, нѣсколько раздѣлана, но по всей вѣроятности „полу—нѣмецкою киркою, полу—французскимъ топоркомъ, а „не русскою, церковною мотыкою“.—Нельзя не радоваться, отзывался экзархъ Грузіи, высокопреосвященнѣйшій *Исидоръ*, что „наконецъ пополнился столь ощущительный недостатокъ въ „кругу наукъ духовно — учебныхъ заведеній“. — Въ вашимъ „произведеніи, писалъ къ автору преосв. *Арсеній* (нынѣ архіепископъ Варшавскій) взглядъ на предметъ вездѣ вѣренъ, а „что особенно замѣчательно, онъ вмѣстѣ и старъ и новъ, и „новъ именно отъ того, что старъ, а старъ отъ того, что „утвержденъ на древнемъ основаніи, такъ безразсудно и „неблагодарно покинутомъ новыми поколѣніями. Наши теоре„тики, а за ними и многіе проповѣдники, увлекшись знамени„тыми образцами полу—христіанскаго запада, слишкомъ далеко „уклонились отъ истиннаго проповѣдническаго пути, освя„щеннаго примѣромъ и дѣятельностію мужей богопросвѣщен„ныхъ. Вмѣсто того, чтобъ поставить слушателя съ истиною „лицомъ къ лицу, они нарочно, чтобъ не оскорбить его не„пріятнымъ впечатлѣніемъ, окольными дорогами проводили его „въ какой-то сумрачный міръ отвлеченностей, въ которомъ „онъ можетъ прогуливаться, сколько ему угодно и съ оскор„бительною истиною нигдѣ не встрѣтиться, а если бы слу„чайно какъ нибудь и встрѣтился, то имѣетъ все удобство „уклониться отъ нея; за то самъ проповѣдникъ рисовался „предъ нимъ на первомъ планѣ и вездѣ являлся, гдѣ только „нужно и можно явиться въ самомъ привлекательномъ видѣ. „Благодарный за пощаду слушатель не оставался въ долгу: „онъ удивлялся, восхищался и рукоплескалъ искуству пропо„вѣдника. Отсюда выходило то, что шуму и грому много, а „толку мало; проповѣдникъ торжествовалъ, а истина страдала.

„Дай Богъ, чтобъ ваше руководство обратило проповѣдниковъ „на прежній правый путь!“—„Чтенія ваши о Церковной Сло„весности, относился къ автору *Евгеній*, архіепископъ Ярославскій, я прочиталъ и прочиталъ съ особеннымъ удовольствіемъ, „благодаря васъ на каждой страницѣ, что вы снабжаете „Россійскихъ проповѣдниковъ столь свѣтлымъ руководствомъ. „Мнѣ приходилось неоднократно удивляться, какъ умѣли вы „сочетать и глубокую мыслительность Нѣмца и зоркую наблю„дательность Француза“.— Вы, писалъ *Игнатій*, архіепископъ Воронежскій, сдѣлали даръ самый пріятный для читающей пу„блики, какъ свидѣтельствуютъ открытые отзывы о семъ ли„тераторовъ“.

Дѣйствительно, ни прежде, ни послѣ въ нашей литературѣ не являлось ничего подобнаго. Какъ классическая книга, Гомилетика *Амфитеатрова* заслуживаетъ полнѣйшее уваженіе; но и кромѣ того, она должна занять почетнѣйшее мѣсто у всякаго любителя истинно-русскаго, православнаго просвѣщенія. Какъ мелки подлѣ этого высокаго руководства кажутся всѣ прославленныя творенія западныхъ ораторовъ! Повѣряемыя строгимъ критеріумомъ великихъ свѣтилъ Церкви Вселенской, самыя пышныя слова и рѣчи Бурдалу и Массильона вдругъ разоблачились отъ той роскоши, которою убирались онѣ предъ лицомъ свѣта, пріученнаго глядѣть только на лицевую сторону церковно-ораторскихъ произведеній. Драгоцѣнный подарокъ изъ кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА былъ Всемилостивѣйшею наградою благородному и добросовѣстному труженику науки. 26 Марта 1848 года ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по представленію Оберъ-прокурора св. Синода, соизволилъ пожаловать *Амфитеатрову* осыпанный бриліантами перстень въ четыреста рублей сер. Такимъ образомъ послѣдняя заря грустныхъ и скорбныхъ дней незабвеннаго профессора Академіи освѣтилась Всемилостивѣйшимъ вниманіемъ Августѣйшаго Покровителя всего добраго и полезнаго въ нашемъ любезномъ,

отечествѣ. А между тѣмъ не безъ искренней, душевной радости, конечно, видѣлъ *Амфитеатровъ*, что сѣмя, сѣянное имъ въ продолженіи всей многотрудной и многополезной жизни, пало не на безплодную землю. Цѣлыя сотни его воспитанниковъ, изъ коихъ многіе занимаютъ уже высокія мѣста въ іерархіи Церковной, съ благодарностью произносятъ имя своего наставника, и во всѣхъ концахъ обширнаго нашего Отечества есть дѣлатели, возросшіе и питавшіеся вдохновеннымъ словомъ профессора *Амфитеатрова*.

Спеціально занимающіеся наукою Церковнаго Краснорѣчія, безъ всякаго сомнѣнія, вполнѣ знакомы съ книгою знаменитаго ученаго: но людямъ, довольствующимся только "легкимъ" чтеніемъ, сочиненіе *Амфитеатрова*, по самому заглавію своему, можетъ показаться скучнымъ и годнымъ только для школы. Ошибка великая! Для убѣжденія въ противномъ всякаго, кого это можетъ касаться, представимъ изъ Гомилетики что нибудь. Мы не станемъ отыскивать болѣе легкое, а выберемъ отрывокъ нарочно посерьезнѣе и потруднѣе.

Изложивъ главное свойство слова *помазаннаго*, заключающееся въ евангельской благодати, сочинитель приступаетъ къ полному раскрытію онаго въ примѣненіи къ самому лицу проповѣдующему.

Слово помазанное, говоритъ онъ, отзывается нѣкою священною скорбію даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно восхищаетъ насъ сладостными надеждами на лучшую будущность; ознаменовано чувствомъ спасительной грусти даже и тамъ, гдѣ изображаетъ блага вѣчныя, описываетъ полное наслажденіе и радость человѣка. *Боже сердца моего, Боже—часть моя во вѣкъ! Когда пріиду и явлюся лицу Твоему?... Увы мнѣ, яко пришельствіе мое продолжися!* Сіи и подобныя воздыханія составляютъ родъ господствующаго и постояннаго тона во всякомъ словѣ помазанномъ, какой бы ни былъ предметъ этого слова.

Тонъ умиленія и трогательности есть собственный тонъ Евангелія (Іоан. XIV—XVIII). Его называютъ грустію Евангельскою, высокою ме-

ланхоліею и почитаютъ душою христіанскаго краснорѣчія. Но тоже умиленіе и священная грусть являются преобладающими въ пѣсняхъ церковныхъ,—не только въ такихъ, которыя направлены къ выраженію печальныхъ событій (постная Тріодь, чинъ погребенія), но и такихъ, которыя имѣютъ предметомъ своимъ свѣтлыя торжества христіанскія (вечерняя Служба въ день Пятидесятницы, разныя молебствія, даже самая торжественная пѣснь: *Тебе Бога хвалимъ*). Этотъ же тонъ господствуетъ и въ поученіяхъ Отцевъ Церкви. Напримѣръ, замѣчаетъ авторъ, поученіе Златоуста о ночной молитвѣ: самое тихое, умилительное, глубоко трогательное слово!

Тону умиленія и духовной печали всего естественнѣе тихость, печальное спокойствіе; почему онъ и не возмущаетъ души, а только размягчаетъ ее; умѣряетъ, настроиваетъ къ тихому, хотя и глубокому, размышленію, послѣ котораго человѣкъ обыкновенно произноситъ со вздохомъ краткія и тихія восклицанія: ахъ, о! и проч. Способность слова помазаннаго приводить человѣка въ тихую задумчивость и саморазмышленіе,—сія способность и есть то, что называется *трогательностію*. Впрочемъ тихое умиленіе переходитъ иногда въ жесточайшую скорбь; и тогда слово помазанное пріемлетъ тонъ скорби необыкновенной, раздирающей душу. Прочтите, напримѣръ, конецъ XX главы Іереміи: пророкъ измѣрилъ всю глубину страданій, постигшихъ народъ его; знаетъ причины ихъ; отъ Іеговы имѣетъ повелѣніе предсказывать ихъ, — и что говоритъ? »Проклятъ день, въ оньже родихся, день, въ оньже породи мя »мати моя, да не будетъ благословенъ. Проклятъ мужъ, иже возвѣсти »отцу моему, рекій: родися тебѣ отрокъ мужескъ, и яко веселіемъ воз»весели его. Да будетъ человѣкъ той, якоже гради, яже преврати »Господь яростію и не раскаяся; да слышитъ вопль заутра (каждую »зарю раннюю) и рыданіе во время полуденное, яко не убилъ мене въ »ложеснахъ матере, — и была бы мнѣ мати моя гробъ мой и чрево ея »навѣки беременно. Вскую изыдохъ изъ ложеснъ, да вижду трудъ и »болѣзни и да скончаются дни мои въ страданіи?...« Что это? Ропотъ на Всевышняго? Жалобы на свою обязанность, что Іегова сдѣлалъ пророка проповѣдникомъ печальныхъ событій въ Іудеи, обличителемъ народнаго нечестія? Нѣтъ, это высочайшая степень состраданія; это великая скорбь за цѣлый народъ, совмѣстившаяся въ одной душѣ; это болѣзненный вопль пламенной любви, по которой пророкъ желалъ бы бѣд-

ствія цѣлаго народа снять на одного себя. И однако же рѣчь тѣмъ не менѣе до глубины потрясаетъ душу, и производитъ въ ней не простую грусть, но терзаніе. Іовъ, съ своими страданіями, есть крайняя степень страданій цѣлаго человѣчества; Іовъ, съ своею книгою, есть крайняя степень скорби, проявленной въ словѣ человѣческомъ.

Пламенная ревность къ благочестію, непреодолимое желаніе спасать непокоривыхъ братій своихъ, часто заставляютъ помазаннаго принимать тонъ *строгій* и *обличительный*. Сей тонъ измѣняется по свойству случаевъ и заблужденій, противъ которыхъ помазанный направляетъ свое словъ. Онъ имѣетъ видъ дружескаго выговора или отеческаго увѣщанія, когда слушатели не слишкомъ ожесточены, и впадаютъ въ погрѣшности какбы невзначай, не съ намѣреніемъ; отзывается легкою и добродушною ироніей, когда проповѣдникъ не находитъ нужнымъ прямо нападать на заблужденія народныя; имѣетъ видъ мимоходныхъ замѣчаній— обличенія, представленнаго въ общихъ чертахъ — когда нужно бываетъ не исправлять дѣйствительные пороки, а только предостерегать отъ нихъ и побуждать къ ревностнѣйшему исполненію своихъ обязанностей. Но онъ же бываетъ грозенъ и даже ужасенъ, когда пастырскія увѣщанія остаются безъ дѣйствія. Слово помазаннаго бываетъ словомъ суда и прощенія, когда ожесточеніе народа и безчувственность его доходятъ до крайней степени. Послушайте Златоуста въ тѣ минуты, когда онъ вступаетъ въ судъ съ своими Византійцами за то, что они въ Великій Пятокъ ходили въ театръ,—какъ неумолимо слово его! Какъ откровенно и съ какою немилосердою подробностію разбираетъ онъ театральныя впечатлѣнія, въ душѣ слушателя оставшіяся! Какой грозный судъ ведетъ онъ съ сердцемъ слушателя, принесшимъ съ собой изъ театра домой льстивые и соблазнительные образы! Послушайте Василія Великаго, препирающагося съ тѣми, которые во время Пасхи предавались неумѣренному употребленію напитковъ. Какъ живо описываетъ онъ этого несчастнаго, который въ чашѣ одуревающаго питья потерялъ образъ и подобіе человѣческое! Какъ безжалостно сводитъ онъ его, шагъ за шагомъ, со степени человѣка на степень скота, со степени скота на степень истукана, *иже очи имать и не видитъ, уши имать и не слышитъ, нозѣ имать и не пойдетъ;* со степени истукана на мѣсто мертвеца смердящаго, и даже состояніе мертвеца находитъ лучшимъ въ сравненіи съ состояніемъ упившагося. Въ подобномъ видѣ тонъ обличительный пре-

имущественно встрѣчается у пророковъ, почему и можно назвать его *строгостію пророческою* въ словѣ помазанномъ. Не прихоть, не произволъ заставляетъ помазаннаго быть строгимъ и неумолимымъ; нѣтъ, прежде чѣмъ другимъ изрекаетъ судъ и горе, онъ самъ снѣдается внутреннимъ горемъ. *Горе мнѣ, аще не благовѣствую* (1 Кор. IX, 16. 17.) Можетъ быть, онъ и хотѣлъ бы удержать грозное слово свое: но онъ самъ не можетъ снести внутренняго огня, который снѣдаетъ его. »Сказалъ »я самъ себѣ, говоритъ древній пророкъ,—не воспомяну имени Господня, »ниже возглаголю ктому во имя Его: но вотъ бысть въ сердцы моемъ »яко огнь горящъ, палящъ въ костяхъ моихъ и разслабѣхъ отвсюду, и »не могу носити.« (Iерем. XX. 9) И тогда говоритъ онъ себѣ, готовясь обличать народъ непокорный: »горькимъ словомъ моимъ посмѣюся, от»верженіе и бѣдность наведу, яко бысть въ поношеніе мнѣ слово Госпо»дне и въ посмѣхъ весь день.« (ст. 7. 8).

Слово помазанное съ духомъ грознаго обличенія соединяетъ необыкновенную *возвышенность;* когда то нужно бываетъ, настроивается на тонъ священной поэзіи. Не въ высокопарныхъ выраженіяхъ, не въ страстной фигурѣ, даже не въ чрезвычайно высокой мысли заключается тайна высоты въ словѣ помазанномъ; нѣтъ, она сокрыта въ духѣ помазаннаго; слова могутъ быть просты, мысли обыкновенны: но высокій духъ проповѣдника, являя необыкновенную силу свою въ простыхъ и повсюдныхъ формахъ, вмѣстѣ съ собою восхищаетъ и слушателя въ ту область созерцаній, мыслей и чувствъ, гдѣ самъ обитаетъ въ минуты выспренней дѣятельности своей. Что проще тѣхъ словъ и истинъ, которыя Даніилъ изрекаетъ смущенному духомъ Валтасару? Но читая описаніе пиршества и слушая пророка, обличающаго царя и пирующихъ съ нимъ, невольно переносишься мыслію въ чертоги Вавилонскаго владыки, невольно чувствуешь трепетъ колѣнъ царскихъ, и какбы видишь это ужасное *мани, фекѐл, фарѐс,* которое вмѣстѣ съ рѣшеніемъ пророка, рѣшаетъ судьбу злощастнаго, но развратнаго монарха (Дан. V. 3 — 6. 14 — 28).

Выспреннее состояніе помазаннаго выражается въ Писаніи и въ книгахъ церковныхъ, *восторгомъ, восхищеніемъ* отъ Духа, *состояніемъ въ духѣ.* »Я былъ въ духѣ, говоритъ о себѣ Тайновидѣцъ въ своемъ Откровеніи (Апок. 1. 10). »И духъ воздвиже мя, выражаетъ свое состояніе древній пророкъ, и взя мя, и поидохъ вознесенъ во устремленіе

»духа моего (Іезек. III. 12. 14). И взя мя за верхъ главы моея, и взя »мя духъ, — носилъ мене среде земли и среде небесе (VIII. 3).« Въ минуты восторга помазанный дѣйствительно весь становится какбы одинъ духъ безплотный: предметы созерцанія быстро предъ нимъ мѣняются; по ихъ направленію измѣняется состояніе чувствъ и слова. Рѣчь бываетъ тиха или быстра, плавна или прерывиста, связна или разсѣчена, смотря по свойству видѣній. Одно созерцаніе приводитъ его въ задумчивость, и онъ, иногда, въ самомъ жару рѣчи, внезапно умолкаетъ; другое понуждаетъ его къ слову, и тогда рѣчь стремится, подобно потоку; одно повергаетъ въ скорбь,—тогда рѣчь тяжела и прерывиста; другое возбуждаетъ священную ревность,—тогда слово грозно и величественно. Образецъ возвышенной рѣчи находимъ между прочимъ, въ книгѣ пророка Наума, наприм. II 6—13. III. 1—7, гдѣ онъ предсказываетъ паденіе Ниневіи. Пророкъ видитъ будущую судьбу славнаго города, какъ уже прошедшую и вмѣстѣ настоящую; созерцательно присутствуетъ при его разрушеніи, и смотря на ужасное событіе въ нѣкоторомъ отдаленіи, попеременно устремляетъ духъ то на одинъ, то на другой предметъ картины грозной. Рѣчь то утихаетъ, то воспламеняется; нить ея безпрестанно прерывается потому, что сами явленія безпрестанно мѣняются. Тотъ ничего не понялъ бы, кто захотѣлъ бы въ словахъ пророка искать школьной, логической связи. Чтобъ постигать смыслъ и духъ пророковъ, вообще надобно сперва понять ихъ восторженное состояніе, и хотя сколько нибудь вознестись до высоты, откуда они созерцали предметы.

Въ словѣ помазанномъ есть *глубокость* мыслей, чувствованій и истинъ, касающихся вѣры и добродѣтели христіанской, — глубокость, имѣющая признаки христіанскаго всевѣдѣнія; и если помазаніе, понимаемое въ смыслѣ обильнаго духовнаго просвѣщенія, отнесемъ къ тѣмъ Учителямъ Церкви, которымъ усвоено имя помазанныхъ,—найдемъ, что сіи учители дѣйствительно обладали нѣкоторымъ всевѣдѣніемъ въ предметахъ духовныхъ. Ибо они говорятъ о сихъ предметахъ такъ, какъ будто все знаютъ и сами все испытали. Когда св. Златоустъ изъясняетъ Посланія Павловы,—ощущаешь, что онъ какбы лицемъ къ лицу бесѣдуетъ съ самимъ Апостоломъ, и не напрасно Прозорливецъ увѣряетъ, что онъ видѣлъ бесѣду Павла съ Іоанномъ въ тѣ минуты, когда послѣдній писалъ свои толкованія на апостольскія творенія. Когда Ефремъ

Сиріанинъ оплакиваетъ падшую природу человѣческую и возбуждаетъ къ покаянію,—сознаешься, что онъ постигъ и проникъ созерцаніемъ всю глубину паденія. Когда Макарій Великій разсуждаетъ о дѣйствіяхъ благодати въ душѣ, или о произшествіяхъ въ мірѣ духовномъ,—онъ разсуждаетъ такъ, какбы самъ все видитъ и знаетъ. Когда св. Димитрій Ростовскій учитъ о внутреннемъ человѣкѣ, — онъ ясно созерцаетъ его; когда изображаетъ страданія Господа,—онъ весь объятъ ими и терпитъ ихъ въ себѣ. Когда Іоаннъ Лѣствичникъ, Максимъ исповѣдникъ говорятъ о христіанской любви,—они живутъ ею и знаютъ ее, какъ собственную мысль. Когда благочестивый Тихонъ Воронежскій явленія міра вещественнаго представляетъ образами предметовъ духовныхъ,—онъ самъ ясно видитъ тѣ и другіе и созерцаетъ точное между ними отношеніе. Когда древній пророкъ обращаетъ прозорливый взоръ свой на людей,—онъ видитъ судьбы того или другаго народа въ настоящемъ, прошедшемъ и будущемъ. Предъ нимъ постоянно проходятъ племена и народы, царства, города, храмы и религіи въ различныхъ видахъ и символахъ; и бываетъ съ племенами и народами такъ, какъ видитъ Пророкъ. Въ словѣ помазанномъ не бываетъ мечтательныхъ представленій, теоретическихъ догадокъ, ложныхъ видѣній фантазіи; въ немъ явленіе истины, которая заставляетъ слушающаго или читающаго углубляться въ размышленіе; и чѣмъ болѣе онъ углубляется, тѣмъ обширнѣе раскрывается предъ нимъ сфера сей истины, тѣмъ болѣе онъ открываетъ новыхъ сторонъ въ предметѣ; что собственно и есть *глубокость*.

Глубина, возвышенность, строгость, въ соединеніи съ другими нравственными качествами, сообщаетъ помазанному слову *силу и власть апостольскую*, посредствомъ которой оно владычествуетъ надъ силами духовной природы нашей, распредѣляетъ и устроиваетъ ихъ, повелѣваетъ или однѣ возвышаетъ, другія унижаетъ, смотря по ихъ достоинству. Видимое помазаніе, совершаемое надъ древними царями, означало величіе и могущество ихъ, сообщало имъ духъ силы и крѣпости. Когда мы вспомнимъ, что апостолы и учители первыхъ временъ христіанства побѣдили міръ не силою оружія, но силою проповѣди: то не трудно согласиться, что и помазанному слову приличенъ характеръ царственнаго величія и могущества. И оно имѣетъ сей характеръ; потому что оно борется и побѣждаетъ волю нашу, которая обыкновенно одарена необычайнымъ упорствомъ и силою противиться добру. Слово пома-

занное *прямо* сказываетъ и *учитъ*, не опасаясь, что истина его будетъ подорвана; рѣдко доказываетъ, никогда не предполагаетъ, но *просто полагаетъ;* потому что его положенія истинны, тверды и равны себѣ, сами по себѣ суть начало и доказательство, противъ которыхъ нельзя спорить. Это и сообщаетъ слову помазаннаго характеръ царственный, власть апостольскую надъ волею другихъ. Характеромъ власти, достоинства и силы апостольской особенно отличаются посланія св. Апостола Павла, что, по свидѣтельству самаго же Павла, замѣтилъ еще одинъ изъ современныхъ его критиковъ: *посланія рече тяжки* (важны, имѣютъ необыкновенное достоинство и власть) *и крѣпки* (сильны). 2 Коринѳ. X. 8—10.

Одно изъ величайшихъ совершенствъ слова помазаннаго есть то, что въ немъ всѣ самые разнообразные тоны и направленія состоятъ въ величайшей гармоніи; самыя противоположныя крайности являются въ нѣкоторомъ родственномъ отношеніи, не разрываютъ связи, а утверждаютъ ее; сходятся для того, чтобы взаимно себя объяснять, усиливать и поддерживать для достиженія предположенной цѣли. Такъ духъ строгости пророческой и власти апостольской является въ немъ нераздѣльно съ духомъ *кротости отеческой*, по которой въ самыхъ рѣзкихъ обличеніяхъ открывается самое глубокое и живое участіе помазаннаго къ опасному положенію обличаемыхъ; въ неумолимой укоризнѣ выражается непреодолимая любовь къ укоряемымъ; въ гнѣвѣ и горечи слова обнаруживается глубочайшее состраданіе и болѣзнь сердца объ окамененіи сердца у грѣшника. Всѣ древнія пророчества, начинаясь строгимъ обличеніемъ, излагая строгіе суды Божіи на нечестивыхъ, обыкновенно оканчиваются утѣшеніемъ. Всѣ посланія апостольскія за обличеніемъ всюду представляютъ тихое отеческое увѣщаніе. Если въ строгихъ обличеніяхъ слово терзаетъ и разрушаетъ: то въ увѣщаніяхъ оно помазуетъ и зиждетъ. Посмотрите на Спасителя въ ту минуту, когда Онъ обращается къ Фарисеямъ съ вопросомъ: *достоитъ ли въ субботу добро творити или зло творити?* Можно ли представить что нибудь умилительнѣе, какъ выраженіе лица Его, когда Онъ воззрѣлъ на враговъ своихъ съ *гнѣвомъ* и вмѣстѣ *скорбя* объ окамененіи сердецъ ихъ? (Матѳ. III. 1—5). Тѣже самые учители Церкви, которые предписываютъ проповѣднику самыя строгія правила касательно обличенія нечестія, — тѣже самые завѣщаваютъ ему учить народъ съ великою кро-

тостію; обращаться съ нимъ, какъ съ больнымъ; носить его въ нѣдрахъ своихъ, какъ доилица носитъ дитя свое Св. Златоустъ не учительствомъ называетъ, а губительствомъ всегдашнюю кротость въ обращеніи съ учениками. »Если съ кротостію присно ко ученикомъ бесѣдовати, говоритъ онъ, не учителево, но губителево есть и супостатное«. Но тотъ же св. Учитель, вмѣсто строгости, гораздо чаще убѣждаетъ слезами и моленіями. »Восплачуся, говоритъ, многихъ, прежде согрѣшшихъ, не просто »согрѣшшихъ, но не покаявшихся. Помысли апостольскую добродѣтель, »когда иеедино въ себѣ свѣдый зло, о чуждихъ плачется злыхъ и о »согрѣшеніяхъ другихъ человѣкъ смиряется. Сіе бо намъ паче учи»тельство есть, еже тако соболѣзновати ученическимъ злополучіямъ, »еже рыдати и плакати о язвахъ слышателей«. Вотъ наставленіе св. Игнатія Богоносца священномученику Поликарпу Смирнскому: »всѣхъ »подъемли, якоже и тебе Господь, всѣхъ на себѣ носи въ любви.... »Всѣхъ немощи носи, яко совершенный подвижникъ; идѣже большій бу»детъ трудъ, тамъ и прибыль большая. Добрыхъ учениковъ возлюби»ши,—нѣсть тебѣ благодаренія; паче подвизайся упрямыхъ кротостію »покорить. Не всякая рана врачуется однимъ лекарствомъ; острое елея »возліяніемъ умягчай«.

Отеческая кротость обыкновенно располагаетъ къ *простотѣ* бесѣды—къ одному изъ лучшихъ и необходимѣйшихъ свойствъ Церковнаго наставленія. Простота слова помазаннаго происходитъ a) изъ простоты христіанства или тѣхъ истинъ, коимъ вѣруетъ христіанство, и изъ коихъ оно образуется; b) изъ живаго и глубокаго вѣдѣнія христіанскихъ истинъ, коимъ обладаетъ помазанный бесѣдовникъ. Кто совершенно знаетъ истину и глубоко убѣжденъ въ ея непререкаемомъ достоинствѣ: тому не естественна темнота и хитрословіе; c) отъ христіанской невинности и простоты характера, свойственнаго всякому помазанному проповѣднику. Помазанные уподобляются въ Евангеліи младенцамъ и дѣтямъ, а простота характера полагается средствомъ пріобрѣсть благодать и получить откровеніе таинствъ вѣры. *Исповѣдаютися, Отче, Господи небесе и земли*, говоритъ Спаситель, *яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ, и открылъ еси та младенцемъ* (Матѳ. XI. 25. 26). Мудрымъ о себѣ и разумнымъ не открывается истина потому, что всякій мудрецъ, въ худомъ смыслѣ, всегда есть эгоистъ — человѣкъ, замкнутый въ себя, вѣрующій въ себя, въ свои

мысли и правила, — человѣкъ, образовавшій для себя уединенную, отдѣльную отъ всего сферу бытія, въ которую онъ никого и ничего не хочетъ впускать; за то и къ нему ничто не приходитъ.... Помазанный не по тому простъ, что выражаетъ мысли свои простыми и общеупотребительными словами; не потому понятенъ, что говоритъ ясно, опредѣленно, логически, хотя и это есть неотъемлемое достоинство его: но потому онъ простъ, что передаетъ намъ себя самаго всецѣло такимъ, каковъ онъ есть, раздѣляетъ себя со всѣми, и всѣмъ сообщаетъ себя въ подлинной своей чистотѣ и безъискуственности. Кроткій духъ его до того умягчается и расширяетъ себя, что легко можетъ примѣняться къ каждому изъ слушателей и какбы преображаться въ каждаго изъ нихъ. Отсюда возникаютъ два неподражаемыя свойства слова помазаннаго, по видимому противоположныя: a) истины самыя высокія и непостижимыя легко и свободно принимаются отъ слушателей разумѣвающею вѣрою и принимаются съ тѣмъ именно убѣжденіемъ, какое имѣетъ бесѣдовникъ; b) истины обыкновенныя и общеизвѣстныя получаютъ характеръ необыкновеннаго величія и важности, получаютъ особенную силу внѣдряться въ сердца и такую полную образность, что будучи однажды выведены изъ ряда обыкновенныхъ вещей, онѣ никогда не могутъ потеряться изъ взора слушателей.

Всегдашняя спутница простоты есть искренность или *сердечность* (cordialitas) — видъ и полнѣйшее раскрытіе простоты. Въ отношеніи къ бесѣдовнику, она есть слово сердца его или слово отъ сердца; въ отношеніи къ слушателямъ, она есть слово въ сердце (in animum) и въ сердцѣ (in animo). Въ св. Писаніи часто употребляется прекрасное выраженіе *говорить въ сердце, вѣщать въ сердцѣ.* Примѣняя сіе выраженіе къ слову помазанному, можно объяснить его такъ: слово помазанное, сообщаясь намъ, перестаетъ быть для насъ внѣшнимъ словомъ, отъ другихъ переходящимъ; оно есть внутреннее слово наше, не требующее никакихъ изъясненій, потому что его толкуетъ намъ совѣсть наша; мы не можемъ ему противорѣчить, потому что оно наше слово; мы напротивъ покоряемся ему съ любовію и довѣріемъ, потому что оно само есть слово отъ любви и для любви христіанской. Отъ того оно постоянно сопровождается нѣжными обращеніями, частымъ повтореніемъ словъ, выражающихъ дружество, братство и проч. Эти обороты, употребляемые

бесѣдовниками: *братія мои, возлюбленные, други, дѣти мои*—не суть одна холодная форма, — нѣтъ, ихъ внушила христіанская любовь и простота, дабы упростить слово и обращеніе съ слушателями. Тотъ напрасно употребляетъ ихъ, въ комъ нѣтъ ни любви, ни простоты; они холодны въ устахъ его, и мы чувствуемъ, что употребляя ихъ, онъ дѣлаетъ неприличіе.

Простота и искренность естественно располагаютъ помазаннаго къ живому и *полному* изліянію мыслей и чувствъ своихъ. Отъ того языкъ помазанныхъ проповѣдниковъ съ неизъяснимою сладостію и простотою соединяетъ великое *обиліе* въ словѣ. Обиліе слова выражается въ писаніи и книгахъ церковныхъ уподобленіемъ источнику или рѣкѣ воды живой: *вѣруяй въ Мя, якоже рече Писаніе, отъ чрева его истекутъ рѣки воды живы*, говоритъ Спаситель о ученіи Евангелія, обильно преподаваемомъ проповѣдниками, просвѣщенными Духомъ Божіимъ. Прозорливый старецъ, слушавшій св. Ефрема, видѣлъ, что слова текли изъ устъ его, какъ источникъ: »видѣвъ же старецъ, видѣвый видѣніе, повѣствуетъ церковная книга, яко Ефрему даша Ангели свитокъ напи»санъ внутрьуду и внѣуду; и воставъ заутра, слыша Ефрема, учаща »люди, и *яко источникъ* бѣ текій изъ устъ его«. Видѣніе древняго пророка, подъ видомъ воды, потока, рѣки, изображающее обиліе благодати въ царствѣ Мессіи, изображаетъ также характеръ слова помазаннаго въ отношеніи къ обилію. Это слово течетъ иногда быстро, *аки шумъ поточный, егоже не прейдутъ;* но чаще изливается тихо и спокойно, и тогда сравниваютъ его съ струею благодати. Оно бываетъ чисто, какъ свѣжая вода; свѣтло, аки кристаллъ, такъ что всякій можетъ въ немъ видѣть свою физіономію нравственную. Оно прохлаждаетъ и оживляетъ душу грѣшника, палимаго зноемъ страстей. Оно возращаетъ въ сердцѣ святыя чувства и желанія, какъ при потокѣ растутъ и зеленѣютъ добрыя древа. *И живо будетъ всякое, на неже аще придетъ рѣка, тамо живо будетъ. И на брезѣ ея оба-полы всякое древо ядомое не обетшаетъ у нея, не оскудѣетъ плодъ его, новости своея первый плодъ принесетъ, ибо воды ихъ сія отъ святыхъ исходятъ· и будетъ плодъ ихъ въ снѣдь и прозябеніе ихъ во здравіе.* (Іезек. XLVII. 9. 12).

Трудно изъяснить всѣ свойства и дѣйствія слова помазаннаго въ

надлежащей подробности и точности, потому что оно весьма *разнообразно*; измѣняется по свойству изображаемыхъ имъ предметовъ, по различію опредѣленныхъ цѣлей, по характеру слушателей, по тону обстоятельствъ мѣстныхъ и временныхъ, даже по духу и характеру самаго проповѣдника. Впрочемъ какъ бы ни было направлено и куда бы ни было устремлено, но оно всегда приходитъ кстати, приходитъ въ свое время къ своему мѣсту, и всякій внутри себя слышитъ спасительное дѣйствіе его именно въ такой степени и свойствѣ, какія необходимы каждому, по различію существенныхъ его потребностей нравственныхъ. Учитъ ли помазанный,—слово его въ высшей степени бываетъ назидательно. Убѣждаетъ ли, — оно бываетъ сильно и побѣдоносно. Если обличаетъ, — то обличеніе производится со властію. Если угрожаетъ,—то угроза слова нерѣдко наводитъ ужасъ на слушателей, еще не совсѣмъ потерявшихъ нравственное чувство. Если умоляетъ,—то умоленіе бываетъ трогательнѣе и дѣйствительнѣе прещенія. Слово помазанія бываетъ просто и умилительно тамъ, гдѣ поучаемый имѣетъ нужду въ отеческихъ совѣтахъ и увѣщаніяхъ; бываетъ возвышенно и грозно, какъ слово пророческое, когда надобно производить судъ надъ развращеніемъ народа; бываетъ тихо и спокойно, какъ дѣйствіе росы или елея, когда нужно врачевать слишкомъ больныя и раздражительныя раны грѣшнаго сердца; бываетъ пламенно, когда есть необходимость сокрушить жестоковыйную и застарѣвшую въ грѣхахъ душу. *Ангельскою пищею питалъ еси люди твоя*, говоритъ древній мудрецъ къ Богу о манѣ Израильской, *и уготованъ хлѣбъ съ небесе послалъ имъ безъ труда, всякое услажденіе въ себѣ имѣющій, и ко всякому сличный вкушенію* (сообразный требованіямъ вкуса у каждаго). *Существо бо Твое сладость Твою къ сынамъ показоваше, и угождая единаго коегождо воли, якоже хотяше, превращашеся* (Премудр. XVI. 20. 21). Манна, посылаемая Израилю въ пустынѣ, принимала такой вкусъ, какого желалъ вкушающій; преображалась въ видъ такой или иной пищи, какой требовала не только нужда, но, можно сказать, прихоть каждаго изъ сыновъ Израиля. Такъ и слово помазаннаго приспособляется ко вкусу всѣхъ и каждаго, то есть, дѣйствуетъ такъ или иначе, смотря по силамъ, способностямъ, нравственному или гражданскому состоянію, существеннымъ потребностямъ каждаго слушателя. Оно животворитъ и питаетъ душу именно тѣмъ, что ей нужно и пріятно. Оно же остается безвкуснымъ, и еще болѣе—

оно судитъ и погубляетъ иногда, но только тѣхъ, кои сами себя рѣшительно обрекли на погибель упорствомъ своей воли«.

Скажемъ истину, что если о какомъ либо другомъ произведеніи *Амфитеатрова*, то именно объ этихъ *Чтеніяхъ* его можно повторить слова поэта:

Придетъ пора,—созданье твое
Надъ грудой ничтожныхъ, прославленныхъ книгъ
Поднимется, станетъ и въ прахъ сотретъ ихъ;
И Русское сердце возьметъ то себѣ,
И скажетъ большое спасибо тебѣ.

Дай Богъ, чтобъ эти предвѣщательныя слова не остались одними словами, и чтобъ высокое понятіе *Амфитеатрова* о лучшемъ дарѣ Божіемъ человѣку—о словѣ его образумило тѣхъ, которые любятъ и всему предпочитаютъ легкое, обезсмысливающее чтеніе; чтобы наши присяжные литераторы честнѣе обращались съ словомъ и не дѣлали его орудіемъ для выраженія нечистыхъ похотей растлѣнной природы человѣка! Грустно подумать, что сталось нынѣ съ прекраснымъ, русскимъ, православнымъ словомъ! „Безнравственность, говоритъ *Амфитеатровъ*, много принесла съ собою словъ въ языкъ человѣческій, „которымъ бы совсѣмъ не слѣдовало тамъ быть; а еще хуже „она сдѣлала то, что слова священныя примѣнила къ вещамъ „и дѣламъ нечестивымъ Извѣстно, какъ въ модномъ языкѣ „употребляются слова; *божество, ангелъ, небесныя* улыбки, „*святыня, святилище, завѣса, завѣтный, провидѣніе, промыслъ*, „*храмъ, обожать, молиться, благоговѣть, истаявать* и тьма „другихъ выраженій. Языкъ міра и плоти похитилъ сіи слова „у языка священнаго и сдѣлалъ изъ нихъ идоложертвенное „употребленіе.“

На сколько самъ *Амфитеатровъ* умѣлъ осуществлять созданный имъ идеалъ христіанскаго проповѣдника, — это можно видѣть и теперь изъ оставшихся по немъ гомилетическихъ

произведеній: но еще виднѣе было тогда, когда слово учительное непосредственно выходило изъ устъ его. Просто, даже какбы неловко всходитъ онъ бывало на каѳедру церковную; начинаетъ, по видимому, безъ одушевленія: но чѣмъ дальше, тѣмъ прикованнѣй къ проповѣднику становится вниманіе слушателя, тѣмъ обильнѣе пошло въ душу его животворное слово. Вы слушаете его не съ той горделивой осанкой, которую невольно придаетъ вамъ краснорѣчивый ораторъ, не съ выраженіемъ критицизма, даже не съ готовою на устахъ похвалою,— нѣтъ, — при сказываніи *Амфитеатровымъ* поученія никто бывало духу не переведетъ, съ похвалою некогда собраться. Онъ сполна завладѣлъ вами, и уже не выпуститъ васъ изъ рукъ до послѣднихъ, заключительныхъ словъ своихъ: „Ему же слава во вѣки вѣковъ, аминь.“ Но вотъ уже нѣтъ властителя вашихъ думъ благочестивыхъ; онъ сошелъ съ каѳедры также просто, также неловко; вы проводили его благодарными очами и уже забыли личность проповѣдника. Съ вами осталось только живое, поражающее слово его, и вы осязательно чувствуете, какъ глубоко и благотворно пошло оно въ душу вашу.

По опыту зная всю важность и благотворность единственно вѣрнаго и спасительнаго руководства—св. Церкви въ жизни вѣрующихъ, *Амфитеатровъ* положилъ изобразить ее, какъ любвеобильную матерь, съ нѣжностію и любовію пекущуюся о чадахъ своихъ, и научить христіанъ, какъ въ святыхъ ея уставахъ и учрежденіяхъ обрѣтать наставленіе и утѣшеніе, отраду и благопотребную помощь. Плодомъ этой благочестивой рѣшимости были *Бесѣды объ отношеніи Церкви къ христіанамъ*, помѣщенныя сначала въ Воскресномъ Чтеніи и потомъ напечатанныя отдѣльно 1847 года. Требованія на эту полезнѣйшую книгу были такъ велики, что въ самое непродолжительное время понадобилось второе, а потомъ и третье изданіе—и все это неболѣе, какъ въ восемь лѣтъ. Отрадное явленіе для всякаго истиннаго—русскаго человѣка! Вся православ-

ная Русь съ восторгомъ встрѣтила это новое произведеніе высокаго, творчески-христіанскаго ума. Знаменитые іерархи нашей Церкви привѣтствовали автора благодарностью, испрашивая на него благословеніе Бога Вышняго.

Искренно привязавшись къ вдохновенному слову св. Златоуста, *Амфитеатровъ*, отлично владѣвшій греческимъ и латинскимъ языкомъ, переводилъ въ часы отдохновенія и помѣщалъ въ Воскресномъ Чтеніи *письма* великаго Отца Церкви *къ діакониссѣ Олимпіадѣ*. Собраніе этихъ переводныхъ писемъ составило книгу, вышедшую въ свѣтъ 1835 года, уже по смерти переводчика.

Глубоко и основательно изучивъ всѣ философскія системы древнихъ и новѣйшихъ школъ, постигнувъ всю призрачную высокость германской философіи, *Амфитеатровъ* терпѣть не могъ вмѣшательства ея въ дѣло религіи. Энергически возставалъ онъ противъ всякаго, кто осмѣлился бы при немъ какую либо неизслѣдываемую тайну Вѣры подвергать философскому анализу; противъ такихъ, по выраженію его, *абсолютовъ* дѣйствовалъ онъ всѣми доказательствами, почерпнутыми прямо изъ живоноснаго источника истинной премудрости и какъ молотомъ разбивалъ всѣ ихъ софистическія убѣжденія. Вообще, *Амфитеатровъ* не любилъ германщины и даже къ нѣмецкому языку всегда питалъ непреодолимое отвращеніе, хотя и зналъ его самъ. Врагъ всякой туманной выспренности, онъ не терпѣлъ ее нигдѣ; вычурныя выраженія и хитро придуманныя фразы онъ преслѣдовалъ неотразимымъ сарказмомъ. Бѣда бывало студенту, который осмѣлился бы щегольнуть какимъ нибудь моднымъ, журнальнымъ выраженіемъ или иностраннымъ словцомъ, скроеннымъ на русскую стать! Въ эпоху преслѣдованія невинныхъ мѣстоименій *сей* и *оный*, *Амфитеатровъ* явился однимъ изъ крѣпкихъ защитниковъ мелодичности русской рѣчи, и какъ дважды—два доказалъ увлеченной молодежи скрыпучесть періодовъ, обременяемыхъ вставными предложеніями, съ

неизбѣжной прибавкой *которыхъ* и неблагозвучныхъ *этихъ*. Объ этомъ не утерпѣлъ онъ не сказать на лекціи, при которой однажды присутствовалъ нашъ ветеранъ — литераторъ Н. И. Гречъ. Отлично знакомый со всѣми корифеями нашей литературы, *Амфитеатровъ* мѣтко указывалъ хорошую и дурную ихъ сторону, и нещадно поражалъ своимъ рѣзкимъ приговоромъ вычурность и манерность Марлинскаго и его послѣдователей. Какъ бы ни былъ хорошъ оборотъ, какъ бы ни роскошно риторическое словоизвитіе, *Амфитеатровъ* прямо обличалъ ихъ неестественность, гдѣ бы и въ чемъ бы онѣ ни встрѣтились — въ поученіи ли, въ бесѣдѣ ли, въ студентческой диссертаціи или въ беллетрическомъ сочиненіи прославляемаго литератора. Вторая часть его Гомилетики содержитъ въ себѣ великое множество такихъ замѣтокъ, полныхъ глубокаго убѣжденія, и самаго легкаго и пріятнаго юмора.

По принятому въ Академіяхъ порядку, достиженіе ученыхъ степеней условливается, какъ и быть должно, прежде всего ревностнымъ изученіемъ всего преподаваемаго въ школѣ, а главное сочиненіями, которыя съ мнѣніемъ Конференціи представляются въ Духовно-учебное Управленіе, гдѣ онѣ уже окончательно разсматриваются, съ утвержденіемъ авторовъ въ присвоиваемыхъ имъ степеняхъ. Такого рода сочиненіе есть истинно академическое: ибо въ немъ претендентъ на степень является со всѣми своими свѣдѣніями, со всѣмъ трудолюбіемъ и опытностію въ дѣлѣ научномъ. Много нужно прочитать книгъ, много требуется думы, размышленія и соображенія, пока состоится диссертація, безпрерывно занимающая студента иногда въ продолженіе цѣлаго года и болѣе. Въ такихъ случаяхъ добрый совѣтъ наставника цѣнится очень дорого; и здѣсь-то *Амфитеатровъ* являлся истиннымъ благодѣтелемъ питомцевъ Академіи, указывая имъ матеріалы, направляя ихъ мысли, разстроиваемыя чтеніемъ разнаго рода книгъ, болѣе или менѣе относящихся къ избранному предмету. Онъ обходился съ

воспитанниками Академіи, какъ съ младшими своими братьями. На школьной каѳедрѣ являлся онъ истиннымъ наставникомъ и систематически—строгимъ взоромъ слѣдилъ за успѣхами какъ своими, такъ и своихъ слушателей, отдавая себѣ отчетъ во всемъ, что сдѣлано въ теченіи того или другаго учебнаго курса.

Годъ окончился, говорилъ *Амфитеатровъ* во вступительной лекціи своей 20 Августа 1834 года,—съ тѣхъ поръ, какъ мы начали заниматься теоретическими и практическими опытами и изслѣдованіями по предмету Церковной Гомилетики. Что сдѣлали мы въ этотъ годъ? Какими обогатили себя свѣдѣніями? Далеко ли успѣли? Почитаю сей вопросъ необходимымъ въ настоящемъ случаѣ: ибо не обративши вниманія на образъ и сущность дѣйствій нашихъ въ прошедшемъ, нельзя съ точностію опредѣлить надлежащій слѣдъ въ темное будущее; не давши себѣ отчета въ томъ, что ты сдѣлалъ, не можно узнать, что остается тебѣ сдѣлать. И такъ опять повторяю: что мы сдѣлали по части Гомилетическихъ занятій въ теченіи минувшаго года?

I. Прежде всего обращаюсь къ себѣ и испытываю свою совѣсть. *Теоретическія* занятія мои еще до половины не кончены по тому плану, какой я вначалѣ предложилъ вамъ. Тѣ, кои вы благосклонно слышали уже отъ меня, большею частію, по собственному моему сознанію, не удовлетворяютъ требованіямъ и обязательствамъ, кои я самъ положилъ на себя, по чувству моего долга священнаго, и по внутреннему, сердечному уваженію къ предмету, который преподаю вамъ, и коего достоинство, а равно и трудность каждый разъ встрѣчаются въ душѣ моей, какъ только обращу мысль на себя, на мое званіе и вмѣстѣ на вашу судьбу. Да, эти лекціи не удовлетворяютъ существеннымъ требованіямъ предмета, который онѣ раскрываютъ. Не хочу скрывать отъ васъ того, что впрочемъ вы и сами хорошо, можетъ быть лучше, нежели я, знаете,—не могу скрывать, что онѣ шли медленно, неразвязно, во многихъ мѣстахъ неотчетливо, во многихъ разрывчиво; нѣкоторыя изъ нихъ слишкомъ съуживались, другія напротивъ тянулись и расплывались. Вообще. онѣ часто въ устахъ моихъ лишались той жизни и свѣжести, которою я думалъ и могъ бы наполнить ихъ, часто не были одушевлены тѣмъ пламенемъ или правильнѣе, согрѣты питательною для сердца теплотою, какую иногда я самъ, по милости Господа, ощущаю въ своей душѣ

при моемъ домашнемъ, кабинетномъ занятіи оными. Отъ чего происходятъ у меня подобные недостатки? Этотъ вопросъ, я увѣренъ, вы предоставите разрѣшать мнѣ одному, тѣмъ болѣе, что рѣшеніе онаго не принадлежитъ къ вашему дѣлу, и не принесетъ никому никакой пользы. Охотники до осужденій могутъ осуждать: но я надѣюсь, что между вами мало такихъ охотниковъ. Доселѣ я видѣлъ одни опыты благосклоннаго усердія ко мнѣ, а не взыскательности. Съ другой стороны самое главное и существенное въ моемъ предметѣ все уже изложено мною, то есть, подлинный характеръ и духъ священнаго краснорѣчія достаточно раскрытъ. Остаются подробности, и тѣ большею частію касаются только различныхъ формъ, а не внутренняго духа церковныхъ наставленій. Сіи подробности сами по себѣ не такъ важны, и раскрывая оныя мы часто будемъ находиться въ затрудненіи—давать имъ важность, изыскивать, можетъ быть натягивать для нихъ то, чего безусловно нѣтъ въ нихъ и быть не можетъ.

II. *Практическія* занятія. Критикою моею также немного указано, не много разобрано истинныхъ образцовъ Церковнаго краснорѣчія. Но въ замѣнъ сего не опущенъ ни одинъ знаменитый проповѣдникъ и пастырь Церкви, который бы по временамъ не былъ мною рекомендованъ вамъ для вашего домашняго чтенія; не были опущены мною мысли и правила, чему и какъ должно подражать въ извѣстномъ проповѣдникѣ. Также почти на каждый воскресный день и на многіе праздники происходило у васъ чтеніе печатныхъ поученій въ храмѣ Божіемъ. Сіи поученія избираемы, одобряемы и назначаемы были вамъ такимъ наставникомъ, съ которымъ намъ не равняться. Мы только должны быть весьма благодарны, что *ему* угодно было принять на себя добровольно часть труда, который весь на насъ лежитъ, и должны поучаться вкусу проповѣдническому выборомъ и указаніемъ образцовъ общаго нашего начальника и руководителя. Разсматривать же въ классѣ всѣ тѣ поученія, кои, по моему выбору, кажутся мнѣ достойными критики, — это невозможно, по краткости времени, опредѣленнаго на нашъ предметъ и безполезно, по обширности готовыхъ отличныхъ, но чужихъ произведеній проповѣдническихъ.

Съ другой стороны, соотвѣтственно ходу успѣховъ вашихъ въ опытахъ проповѣдей собственныхъ, вниманіе мое необходимо было обращено на критику другаго рода: а) на разборъ вашихъ сочиненій, боль-

шею частію, расположеній: ибо проповѣди вообще вы поздо представляете; b) на разборъ мѣстъ изъ Писанія, или на способъ составленія плановъ для поученій—въ классѣ, общими силами и содѣйствіемъ. Принесли ли пользу такіе разборы? Принесли; это вижу изъ вашихъ опытовъ.

Послѣ сего обращаюсь къ другимъ наставникамъ Богословія, или лучше къ *одному* изъ нихъ — главнѣйшему и не въ примѣръ лучшему всѣхъ насъ. Въ душѣ моей не могу нарадоваться, не могу довольно выразить мою глубокую признательность *ему* за то, что *онъ* самъ принимаетъ дѣятельнѣйшее участіе въ вашихъ и моихъ проповѣдническихъ упражненіяхъ, и снабжаетъ всѣхъ насъ замѣчаніями о нашемъ предметѣ здравыми, полными богатыхъ мыслей, которыя слѣдуетъ только понимать и развивать, замѣчаніями основательнѣйшими, какихъ, можетъ быть, нельзя отыскать въ самыхъ достоуважаемыхъ руководствахъ къ Краснорѣчію, тѣмъ менѣе можно встрѣтить въ живыхъ, для насъ доступныхъ примѣрахъ. Извольте видѣть: преподаваемое *имъ* Богословіе имѣетъ много проповѣдническаго направленія; въ главнѣйшихъ догматахъ показывается вамъ цѣль, способъ, нужда, взглядъ, какъ предлагать сіи догматы народу.

Это первое,—второе: *онъ* самъ критикуетъ ваши проповѣди и расположенія, самъ открываетъ точки зрѣнія какъ на общія, такъ частныя предложенія для словъ церковныхъ; самъ разбираетъ дневныя чтенія, приспособительно къ способу составленія проповѣдей. Кратко, не опускаетъ ни одного случая и въ домѣ и въ школѣ безъ того, чтобъ не дать вамъ полезныхъ наставленій о предметѣ, который *онъ* сердечно любитъ и почитаетъ весьма важнымъ въ вашемъ званіи.

Третье: не говорю о разборѣ весьма многихъ отдѣльныхъ, какбы случайно подъ руку попадающихся *ему* мѣстъ Писанія, о разборѣ, который можетъ быть обильнѣйшимъ источникомъ мыслей и чувствъ для того, кто желаетъ быть проповѣдникомъ. Но *онъ* сверхъ того вполнѣ разобралъ вамъ Евангельскую исторію о рожденіи Іисуса Христа,—разобралъ подробно, свѣтло, съ жизнію, какая одному *ему*, такъ сказать, далась,—и что всего для меня съ вами важнѣе и назидательнѣе—разобралъ совершенно въ духѣ и тонѣ проповѣдническомъ.

Четвертое. *Онъ* самъ съ церковной каѳедры многократно показываетъ вамъ превосходнѣйшіе, скажу смѣло, единственные образцы того,

какъ должно проповѣдывать. Примѣръ лучше правилъ,—старинная истина. Вы имѣете примѣръ, какой не многіе имѣли и будутъ имѣть. Чего вамъ болѣе и лучше?

Пятое. Съ недавняго времени *онъ* открывалъ вамъ новый, обильнѣйшій и полезнѣйшій источникъ для обогащенія васъ опытами проповѣдническаго вкуса и для умноженія матеріальныхъ вашихъ познаній. Вы понимаете, что я говорю объ изъясненіи Писанія по Воскреснымъ и Праздничнымъ днямъ предъ Литургіею. Всѣ эти дѣйствія нашего начальника такъ важны и полезны для васъ, что васъ можно почитать счастливѣйшими изъ всѣхъ воспитанниковъ вашего времени. Не мое дѣло, хотя впрочемъ это совершенно согласно съ моимъ внутреннимъ чувствомъ, умолять васъ, чтобы вы не теряли плодовъ отъ сихъ благодѣтельныхъ дѣйствій главнѣйшаго и опытнѣйшаго наставника вашего (а). Вы уже не дѣти, и слѣдовательно сами понимаете цѣну вещамъ. Замѣчаю только, что вамъ многіе-многіе позавидуютъ, и что на томъ лежитъ и ляжетъ тяжкій грѣхъ, кто—либо не хочетъ пользоваться умственнымъ и религіознымъ богатствомъ, какое предлагается ему, либо пользуется лѣниво и вяло, по свойственному нѣкоторымъ людямъ тяжелому образу дѣятельности, либо наконецъ—еще хуже—пренебрегаетъ тѣмъ, что даютъ ему, тоже по свойственной многимъ людямъ самонадѣянности, которая, впрочемъ, для васъ теперь невозможна, къ счастію вашему. Вообще, вамъ много сдѣлано и многое дѣлается, много предложено самыхъ вѣрныхъ способовъ къ искуству проповѣдническому.

Здѣсь же не могу умолчать о другомъ добромъ наставникѣ вашемъ, который, по своей благосклонности, вмѣстѣ со мною принималъ нѣкогда на себя трудъ разсматривать ваши проповѣдническія произведенія. Но не это главное, за что мы обязаны ему благодарностію, — нѣтъ, важнѣйшая выгода, *имъ* завѣщанная вамъ, есть истинно благочестивое направленіе, которое *онъ* старался сообщить вамъ. Духъ истинной вѣры и христіанства, духъ не нынѣшняго времени, а духъ древній и чистый, коимъ жили и управлялись подвижники первыхъ вѣковъ христіанства—этотъ духъ управлялъ дѣйствіями вашего начальника, къ вамъ относящимися. *Онъ* старался перелить его въ ваши сердца; дѣйствовалъ такъ,

---

(а) Все, что говорится здѣсь, относится къ бывшему тогда ректоромъ Академіи, нынѣ высокопреосвящ. *Иннокентію*, архіепископу Херсонскому.

чтобъ поселить въ васъ охоту и вкусъ къ чтенію Писаній Отцевъ Церкви, къ чтенію Слова Божія, къ уваженію ученія Матери—Церкви; слѣдовательно, *онъ* преподавалъ вамъ самое нужнѣйшее въ дѣлѣ проповѣдническаго служенія. Мы лишились *его:* но стыдно забыть *его* намъ, какъ людямъ чувствительнымъ; грѣшно забыть, какъ дѣтямъ христіанства; еще грѣшнѣе не удержать, не возгрѣть въ себѣ духа благочестія, который завѣщалъ намъ отнятый у васъ наставникъ (а).

III. Теперь обращаю къ вамъ рѣчи мои. Само собою разумѣется, что здѣсь я долженъ во первыхъ изъявить мою сердечную признательность тѣмъ изъ слушателей моихъ, кои оказали значительные успѣхи по дѣлу проповѣдническому; во вторыхъ, сердечно пожалѣть о тѣхъ, коихъ опыты не соотвѣтствовали ожиданіямъ, — пожалѣть, но вмѣстѣ и утѣшиться надеждою въ будущемъ.

Точно; не льстя ни себѣ, ни вамъ, могу сказать, что многіе изъ васъ по временамъ представляли плоды своихъ занятій, кои способны порадовать душу самаго взыскательнаго критика. Многіе показали довлѣющую для будущаго служителя Церкви силу мышленія, показали христіанскую любовь въ чувствахъ, поняли надлежащій вкусъ проповѣдническій и показали умѣнье развивать и усовершать оный; всѣ вообще не вышли по крайней мѣрѣ изъ должнаго порядка и ни одного не знаю вовсе безнадежнаго. Не указываю ни на кого лично, дабы не обездолить тѣхъ, на коихъ нельзя указать лично; не опасаюсь похвалою внушить самомнѣніе, ибо имѣю дѣло не съ дѣтьми; не опасаюсь, ибо вслѣдъ за одобреніемъ вашихъ успѣховъ, я сіюжъ минуту обязанъ выставить и несовершенство, показать въ самыхъ успѣхахъ нѣкоторые неуспѣхи. Прошу слушать.

а) Въ ходѣ развитія вашихъ способностей, относительно къ проповѣдямъ, я замѣчаю нѣкоторое колебаніе, какую-то шаткость и неопредѣленность... Видно, что мои слушатели понимаютъ дѣло: но не видно твердаго и постояннаго шага въ исполненіи сего дѣла. Вотъ почему большая часть моихъ критикъ по вашимъ проповѣдямъ заключалась въ несносныхъ для меня выраженіяхъ: »*запутано, растянуто, неопредѣленно, много лишняго, взглядъ невѣренъ и не глубокъ.*« Прошу

(а) Архимандритъ *Іеремія*, переведенный тогда въ ректоры Кіевской семинаріи, нынѣ преосвященнѣйшій епископъ Нижегородскій.

взять это во вниманіе для предостереженія себя отъ погрѣшностей въ будущемъ.

β) Въ окончательной отдѣлкѣ проповѣдей замѣчаю нѣкоторую невнимательность, забывчивость, недостатокъ энергіи или проще—терпѣнія,—недостатокъ, почти всѣмъ вамъ общій. Выпадали такіе несчастные случаи, что въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, въ числѣ десяти, пятнадцати и болѣе сочиненій вашихъ не встрѣчалось ни одного, отрадно дѣйствовавшаго на сухую и безъ того уже безотрадную душу критика. Казалось, что люди какбы нѣкіимъ вреднымъ испареніемъ разслабѣвали, и душа ихъ дремала, и тяжело, будто въ просонкахъ, поднимала вѣжды свои на дѣло, ей опредѣленное. Не разъ приходилось мнѣ думать съ самимъ собою объ этомъ странномъ, психологическомъ явленіи и съ тоскою повторять: »видно, теперь нашла на нихъ година темная.« ... Вотъ почему на нѣкоторыхъ, даже лучшихъ вашихъ проповѣдяхъ стоятъ выраженія: *неполно*, *неоконченно*, *начато хорошо*, *продолжаемо неловко* и т. п. Прошу и это взять во вниманіе.

γ) Общій недостатокъ: вы недугуете формализмомъ; вездѣ вижу преобладаніе формы надъ матеріею, вездѣ нахожу школьную правильность въ составленіи поученій, но не нахожу того, что должно помѣстить въ эти правила; вы ставите рамы, но эти рамы пустыя, часто пустыя, безъ картинъ, безъ характерныхъ мыслей и чувствованій. Вотъ почему почти на каждомъ изъ вашихъ поученій приходится мнѣ писать: *не достаетъ силы и жизни.* Обыкновенно я прибавляю: *есть назиданіе;* но это, извините меня, есть менѣе правда, нежели сожалѣніе касательно труда сочинителей; отъ правды я удерживаюсь сердобольною мыслію, что трудъ, каковъ бы онъ ни былъ, всегда есть трудъ, требующій пощады и обыкновенно ждущій одобренія. Между тѣмъ, понимая мои чувства и усердіе къ вамъ, вы можете также понять и мое внутреннее мученіе—видѣть трупъ, мертвый оставъ, и говорить противъ совѣсти: »тутъ есть назиданіе.« Прискорбно и непріятно! Но я снова долженъ повторить, что въ вашихъ проповѣдяхъ не достаетъ жизни и силы мыслей и чувствованій; большая часть изъ нихъ—пустая форма безъ матеріи. Нѣкоторые изъ васъ дѣлали попытки оживить свои мысли: но впадали въ принужденность и натянутость; нѣкоторые старались выказывать жаръ чувствованій, но при холодномъ разборѣ сей жаръ оказывался холоднымъ и притворнымъ; нѣкоторые не покушались ни на то

ни на другое,—слѣдствіе—водяность, вялость, потеря времени на трудъ неблагодарный. Все это показываетъ, что мы не вошли еще въ истинный духъ проповѣдничества, не привели сердца своего въ сочувствіе съ симъ духомъ. И все это прошу особенно взять во вниманіе.

Недостатки частные: a) въ изобрѣтеніи, или въ составѣ расположеній мы всѣ крайне затрудняемся. Тутъ весьма ощутительно отсутствіе логики и бѣдность во взглядахъ. Большая часть расположеній состояла и состоитъ въ общемъ способѣ дѣленія: a) разумъ, b) воля, c) сердце. Большая часть главныхъ мыслей въ изслѣдованіяхъ не родятся, non efflorescunt, по выраженію Цицерона, одна изъ другой, но привязываются насильно, даже нерѣдко противорѣчиво. Замѣтьте это, господа! b) Въ раскрытіи мыслей по расположеніямъ не достаетъ подробности, которая бы могла сообщить живость поученію, но есть множество понятій общихъ; есть иногда и подробности, но мелкія. Не достаетъ помощи отъ Писанія. Поученія бѣдны Словомъ Божіимъ; тексты приводятся рѣдко; иногда приводятся не по духу, а по буквѣ; приведенные по духу не разрастаются, не богатѣютъ мыслями въ поученіяхъ; остаются одиноки, не видны въ толпѣ мыслей постороннихъ. Не замѣтно также вліянія отъ чтенія знаменитыхъ учителей Церкви; не видно, чтобы кто кому подражалъ, напитывался чьимъ либо духомъ. Нѣкоторые любятъ вставлять мѣста изъ Отцовъ: но эти вставки ничего болѣе не показываютъ, какъ только случайное, недавнее чтеніе по нуждѣ, а не питаніе онымъ. Нѣкоторые берутся приводить пѣсни изъ книгъ богослужебныхъ, сказанія изъ лѣтописей церковныхъ: но и тутъ не достаетъ вкуса и ловкости, а странности есть. c) Слогъ и языкъ вообще вялъ; у многихъ дикъ и грубъ, въ непріязни съ граматикою; даже строчные знаки часто страдаютъ отъ своеволія сочинителей, кои ставятъ ихъ вовсе не по своимъ мѣстамъ.

Довольно. Устраняю на время тягостную и для меня и для васъ обязанность—изчислять свои и чужіе недостатки. Но это изчисленіе показываетъ, что для насъ, друзья мои, еще не настало время покоя и наслажденія трудомъ. Не думаю, чтобы кто нибудь изъ васъ захотѣлъ оскорбляться моими замѣчаніями, ибо не предполагаю въ васъ ребяческаго каприза и малодушія. Пора уже привыкнуть намъ къ той мысли, что неудача должна пробуждать духъ, сообщать энергію, а не убивать оной. Сказываю откровенно, ибо ищу и хочу вамъ лучшаго: въ душѣ

моей не питаю ни на кого никакихъ претензій, кромѣ претензій общей вашей чести и пользы. Не скрываю и моихъ недостатковъ, ибо желаю, чтобы вы своимъ усердіемъ содѣйствовали мнѣ, а съобща общее дѣло веселѣе дѣлается.«

Желательно было бы знать: въ какомъ другомъ училищѣ, кромѣ, такъ называемыхъ, духовныхъ, можно слышать такую рѣчь, въ которой что ни слово, то правда, святая правда, въ которой столько нравственно-живительныхъ уроковъ, столько святаго, чисто-русскаго, православнаго чувства, въ которой наставникъ является настоящимъ наставникомъ и отцомъ?..

И студенты Академіи какъ нельзя лучше понимали умнаго и добраго своего наставника Не въ огорченіи сердца, не въ раздраженіи глупаго и пустаго эгоизма принимали они справедливыя, хоть и рѣзкія замѣтки *Амфитеатрова,* а съ благороднымъ сознаніемъ указываемыхъ имъ недостатковъ, и всѣми силами старались избавиться отъ нихъ, очень хорошо понимая ту истину —и особенно примѣнительно къ наставникамъ,— что тотъ величайшій врагъ нашъ, кто хвалитъ насъ за все и всегда. Какъ чести добивались они отъ своего „Кузьмича" искренняго *ты*, вмѣсто церемоннаго *вы*, и простительно завидовали тому, кого онъ удостоивалъ своего откровенно-дружескаго обращенія. Такіе счастливцы бывали у *Амфитеатрова* въ каждомъ академическомъ курсѣ; любвеобильному сердцу его какъ будто тѣсно и грустно было оставаться всегда одному; онъ искалъ съ кѣмъ подѣлиться добрымъ искреннимъ словомъ и всегда находилъ такого въ кругу скромныхъ и благонравныхъ воспитанниковъ Академіи. Самъ познавъ нужду во всей ея тяжелой наготѣ ([6]), *Амфитеатровъ* любилъ благодѣтельствовать бѣднякамъ, лишеннымъ всякаго вспоможенія. Но благодѣтельствуя, онъ крѣпко не жаловалъ изліяній благодарности и съ досадой отворачивался отъ того, кто рѣшался приступать къ нему съ изъявленіемъ признательности. За то какъ онъ радовался, если видѣлъ, что благодѣянія его не пропадаютъ даромъ,

что поднятый имъ изъ бѣдности и нищеты оправдываетъ его надежды и желанія! „Спасибо тебѣ, *голубенокъ*, говаривалъ онъ такому бѣдняку, я зналъ, что изъ тебя будетъ прокъ“! Вотъ и вся для него награда!

Амфитеатровъ рѣдко являлся въ обществѣ. Онъ всегда чувствовалъ себя неловко тамъ, гдѣ люди говорятъ для того только чтобъ не молчать, и гдѣ задушевная мысль является странною и эксцентрическою. „Вообще, пишетъ онъ въ одной изъ неконченныхъ своихъ повѣстей, я не любилъ посѣщать „собраній, потому что не любилъ скучать; обращеніе мое было „неловко, ибо я былъ изъ ученыхъ; образъ жизни моей былъ „самый беззаботный, потому что не о чѣмъ мнѣ было забо„титься, когда я ничего не имѣлъ. Нравъ у меня отъ при„роды былъ дѣтскій и независимый; непринужденная веселость „и вмѣстѣ простодушная задумчивость, и иногда совсѣмъ не „къ мѣсту, были отличительною чертою онаго. Жить какъ буд„то не живя; смотрѣть на все, какъ на свое, не спрашивая о томъ, „принадлежитъ ли мнѣ хоть что нибудь: все любить, и ни къ „чему не быть привязаннымъ; во всемъ нуждаться и ни о чемъ „не горевать; слышать худые или хорошіе о себѣ толки съ „такимъ равнодушіемъ, какъ будто бы худая и хорошая молва „были совершенно одно и тоже; смѣяться тогда, когда хотятъ „сего другіе, думать, когда велитъ моя должность — такова „была моя душа, мои правила, мой характеръ“. Очевидно, что не легко было поладить съ свѣтомъ и его привычками человѣку, который смотрѣлъ на жизнь, какъ на самую плохую и испорченную хронику. „Есть люди, писалъ онъ въ послѣдней статьѣ своей, принесенной Воскресному Чтенію,—есть люди— „и сколько ихъ есть!—которые ведутъ жизнь, какъ случится, „на удачу, день за день, годъ за годъ. Это жизнь безъ на„чала, точно лѣтопись безъ первой главы или безъ многихъ „начальныхъ главъ. Спросите у такихъ людей: на чемъ осно„вывается жизнь ихъ? Почему они живутъ такъ, а не иначе?

„Вмѣсто прямаго отвѣта, они взаимно спросятъ васъ: а какъ „же иначе жить? Есть люди, которые только и знаютъ изъ „своей жизни, что они жили и живутъ. Спросите ихъ: для чего? „Они скажутъ простодушно: такъ,—или будутъ отвѣчать во„просомъ: а кто знаетъ, для чего всѣ мы живемъ? Есть люди, „которые все начинаютъ и ничего не оканчиваютъ; выдумы„ваютъ планы, которыхъ никогда не исполнятъ: предприни„маютъ подвиги, которыхъ никогда не совершатъ. Есть люди, „которые, живя многіе годы, каждый день все только соби„раются жить. Есть еще люди, которые одну половину жизни— „счастливую и роскошную — почитаютъ дѣйствительною жи„знію, а другую, болѣе скудную, хоть и болѣе спокойную, „почитаютъ ничѣмъ, и говорятъ: было наше время, и мы жили,— „а теперь что за жизнь! — Все это жизнь безъ конца, безъ „цѣли, какъ хроника безъ окончанія, безъ послѣднихъ очень „важныхъ главъ. Читаемъ надписи на памятникахъ надгроб„ныхъ: родился въ такомъ-то году, умеръ въ такомъ-то. И „такъ вся жизнь его состояла только въ томъ, что онъ ро„дился и умеръ? Только въ этомъ. Конечно, было много и „другихъ произшествій: но онѣ такъ ничтожны, что ихъ какъ „будто вовсе не было, или лучше бы совсѣмъ не быть имъ. „Возьмите, напримѣръ, евангельскаго богача, который пилъ, „ѣлъ, одѣвался пышно, веселился на всякъ день свѣтло:—развѣ „это важныя событія жизни? Развѣ жить значитъ пить и ѣсть, „одѣваться и пировать? Возьмите человѣка, цѣлый вѣкъ пишу„щаго, думающаго, строящаго построеніе или систему: но и „мысль и система его въ послѣдствіи оказываются совершенно „ложными или даже вредными: — развѣ жить значитъ ложно „мыслить и ложно строить, или—значитъ мыслить, а не дѣй„ствовать? Возьмите этотъ народъ, который, опредѣлившись „къ должности гражданской, военной, духовной или какой „угодно, только *числится* въ ней, — что это за жизнь? Хро„ника безъ средины: есть физическое начало—рожденіе, фи-

„зическій конецъ — смерть; но средина вся сотлѣла или на-„полнена такими фактами, которыхъ никакая лѣтопись не за-„хочетъ сберегать. *Родился, умеръ,*—только и можно записать въ „метрикѣ или на могильномъ камнѣ, ибо только и было замѣ-„чательнаго". Согласитесь, что съ такимъ взглядомъ на жизнь и человѣка нельзя найти веселости въ свѣтскихъ обществахъ. Но что всего болѣе раздражало тревожное сердце нашего практическаго философа, такъ это свѣтское злословіе и пересуды, такъ общія гостинымъ нашимъ. „Нѣтъ терпѣнія выше того „терпѣнія, говоритъ онъ въ повѣсти своей *Лева Долина*, ко-„торое требуется подъ ударами оскорбленнаго языка смерт-„ныхъ! Нѣтъ мужества славнѣе того мужества, которое дѣ-„лаетъ непобѣжденнымъ на полѣ битвы со злостію и зави-„стію, раскипѣвшеюся въ крови мужеской и женской осо-„бенно". Отъ того-то *Амфитеатровъ* и чуждался близости съ ярко бросающимися въ очи страстями, одѣтыми въ человѣческое тѣло. Особенно крѣпко не по душѣ бывала ему чопорность и манерность нѣкоторыхъ или „просто-пріятныхъ дамъ", или „дамъ пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ". Съ ними онъ ни какъ не могъ сговорить, не имѣя силъ и терпѣнія поддѣлываться подъ ихъ приторную сантиментальность и мелочную щепетильность. Узколобые умники свѣтскіе всегда выводили его изъ терпѣнія, и оставаясь въ гостяхъ изъ приличія на какіе нибудь полчаса, онъ незамѣтно уходилъ къ своимъ пенатамъ и заводилъ съ ними умный, оживленный разговоръ.

Почти двадцатилѣтняя, ревностная, неутомимая, ученая служба, и частые недуги предрасположили *Амфитеатрова* сначала къ преждевременной старости, а наконецъ къ болѣзни, единственнымъ исходомъ которой большею частію бываетъ могила. Въ первую недѣлю Великаго поста 1848 года *Яковъ Косьмичъ*, движимый святымъ христіанскимъ чувствомъ, посѣтилъ пещеры для поклоненія нетлѣннымъ мощамъ Угодниковъ

Божіихъ. Возвращаясь оттуда, онъ получилъ простуду, которая скоро обратилась въ смертельный недугъ. По убѣжденію близкихъ къ нему, *Амфитеатровъ* принялъ пособіе медицины: но и та скоро отказалась возстановить здоровье, быстро разрушаемое тяжкой болѣзнію Весною 1848 года, мѣсяца за полтора до своей кончины, *Яковъ Косьмичъ* переѣхалъ за городъ въ хуторъ, принадлежащій митрополитанскому дому, гдѣ онъ и прежде проводилъ большею частію вакаціальное время, чтобы пользоваться леченіемъ на свѣжемъ сельскомъ воздухѣ: но уже и природа не могла поддержать силъ, потрясенныхъ въ самомъ основаніи своемъ. Чувствуя приближеніе кончины, *Амфитеатровъ* переѣхалъ въ митрополитанскій домъ, находящійся при Софійскомъ Соборѣ, а потомъ за нѣсколько дней до смерти въ Академію. Здѣсь съ полнымъ присутствіемъ духа занялся онъ составленіемъ духовнаго завѣщенія, и устроившись такимъ образомъ, отложилъ за тѣмъ всякое попеченіе житейское, и сталъ уже думать исключительно о приготовленіи себя къ дальнему и невозвратному путешествію. (7) Два раза сподобился онъ причаститься святыхъ и животворящихъ Христовыхъ таинъ, достойно благодаря Господа за вся благая въ животѣ своемъ, и съ особеннымъ чувствомъ умиленія принялъ таинство елеосвященія. 8 Іюня Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Кіевскій Филаретъ, посѣтивъ послѣ литургіи страдальца на болѣзненномъ его одрѣ, осѣнилъ послѣднимъ благословеніемъ того, кого нѣкогда самъ руководилъ въ дѣлѣ православнаго просвѣщенія; а вечеромъ въ тотъ же день, какбы по нѣкоему предчувствію, собрались къ умирающему нѣкоторыя лица, родные и близкіе ему. Съ яснымъ и веселымъ лицомъ простился онъ со всѣми, дружелюбно выговаривая за то, что они безпокоились для него Еще минута—и *Якова Косьмича* не стало..... Безболѣзненно разрѣшился духъ его отъ тѣла, уже истомленнаго страданіями; мирно и тихо сомкнулись усталыя вѣжды добраго христіанина. Онъ скончался 8 Іюля 1848

года въ десятомъ часу по полудни въ камерѣ, находящейся въ новомъ Академическомъ Корпусѣ, насупротивъ Библіотеки.

Яковъ Косьмичъ Амфитеатровъ былъ роста не большаго; лицо его, не отличаясь правильностью и красотою, было выразительно, полно думы и едва уловимой ироніи. „Я, пишетъ онъ самъ о себѣ, былъ вовсе безъ патента на то, чтобъ плѣ„нять другихъ своею наружностью: одна голова, одинъ носъ, „двѣ руки и двѣ ноги, какъ у всѣхъ людей,—вотъ моя земная „оболочка, теперь, правда, поношенная, но вообще мало измѣ„нившаяся". Болѣзни и труды убѣлили голову его ранней сѣдиною. Сутуловатый, а въ послѣднее время даже нѣсколько сгорбившійся, онъ не отличался граціозными движеніями и рѣдко поднималъ глаза, наиболѣе устремленные долу и всегда выражавшіе доброту и прямодушіе. Въ разговорахъ съ близкими себѣ онъ былъ простъ, откровененъ и радушенъ. Врагъ всякой лжи и унизительной угодливости, онъ всегда говорилъ правду, передъ кѣмъ бы то ни случилось стать ему. Въ этомъ отношеніи столкновеніе съ нимъ не всегда могло быть благопріятно для того, у кого не совсѣмъ чистъ жизненный формуляръ.

Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Филаретъ, не смотря на свое желаніе отдать послѣдній долгъ человѣку, имъ любимому, и сверхъ того близкому своему родственнику, не могъ отправлять заупокойной литургіи, по случаю совершающагося въ Лаврѣ 10 Іюля празднованія памяти препод. Антонія; почему литургію и погребеніе совершалъ въ Братскомъ монастырѣ преосвящ. Аполлинарій, викарій Кіевской митрополіи. Бывшій тогда Ректоръ Академіи (нынѣ епископъ Тульскій) архимандритъ Димитрій произнесъ въ высшей степени трогательное слово надъ тѣмъ, кто въ дѣлѣ проповѣданія былъ его наставникомъ. Приводимъ оное сполна, какъ искреннее и приснопамятное свидѣтельство о трудахъ, подъятыхъ *Амфитеатровымъ* во славу Божію и на пользу православнаго юношества.

Воздадите всѣмъ должная, заповѣдуетъ нѣгдѣ св. апостолъ Павелъ, объясняя взаимныя обязанности наши другъ ко другу.

Что же воздадимъ тебѣ, почившій о Господѣ, возлюбленный собратъ нашъ, когда ты прервалъ всякое видимое общеніе съ нами, и лежишь, хотя еще посредѣ насъ, но одинъ въ своемъ гробѣ?

Принесемъ ли ко гробу твоему дань похвалъ, кои слышатся обычно изъ устъ витій мірскихъ при гробахъ людей именитыхъ? Обрѣлось бы, конечно, чѣмъ прославить намъ и твое имя, которое содѣлалъ ты незабвеннымъ для насъ и благоплоднымъ служеніемъ просвѣщенію духовному и драгоцѣнными произведеніями ума своего. Въ описаніи блистательныхъ талантовъ, коими обильно ущедрилъ тебя Отецъ небесный, въ изображеніи привлекательныхъ качествъ твоего сердца, мы могли бы собрать много блестящихъ и благоуханныхъ цвѣтовъ, чтобъ соплести изъ нихъ вѣнецъ похвалъ и положить его на твоемъ гробѣ. Но что пользы? Гробъ все унесетъ съ собою въ землю, гдѣ все обратится въ персть и прахъ. Что и для тебя теперь въ похвалахъ человѣческихъ? Ахъ, много ли пользы отъ нихъ и для живыхъ, кои, обращаясь между подобными себѣ человѣками, болѣе или менѣе зависятъ отъ ихъ суда и одобренія? Но ты предстоишь теперь суду Божію—страшному и нелицепріятному; ты окруженъ теперь св. ангелами—свидѣтелями жизни нашей вѣрными и неподкупными. Какъ долженъ быть судъ сей отличенъ отъ суда человѣческаго! Какъ должно быть мнѣніе небожителей несходно съ погрѣшительнымъ мнѣніемъ человѣческимъ! Какъ, быть можетъ, желаешь ты самъ теперь, чтобы многія дѣла твои, казавшіяся даже похвальными предъ очами людей, покрыты были предъ очами Правды Божіей завѣсою Милосердія; чтобы многія, казавшіяся невинными, слабости изглаждены были изъ книги живота всеочищающею кровію Искупителя!... Дерзнемъ ли послѣ сего тревожить твой смертный покой суетными словами похвалъ человѣческихъ?

Совсѣмъ другую обязанность возлагаетъ на насъ, братіе, св. Церковь въ отношеніи къ умершему собрату нашему. *Пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему, благодаряще Бога:* вотъ къ чему призываетъ насъ теперь гласъ Церкви! Было время цѣлованіямъ радости, насталъ часъ цѣлованію скорбному; привѣтствовали прежде живаго лобзаніями первыми, дадимъ нынѣ умершему цѣлованіе послѣднее. Таковъ непреложный законъ земнаго бытія нашего! Оно

начинается и кончается: всѣ мы, какъ странники и пришельцы, идемъ и преходимъ въ небесную отчизну; всѣ, какъ дѣющіе куплю, приходимъ на торжище жизни и паки возвращаемся въ домъ отчій; всѣ, какъ воины небеснаго Царя, исходимъ на поле брани, и паки удаляемся въ мирные кровы, по гласу Началовождя и Господа своего. И такъ не только братская любовь, а и собственное благо наше обязываетъ насъ воздавать послѣдній долгъ любви другимъ, чтобъ воздали, въ свою чреду, и намъ, — послужить послѣднему исходу другихъ, чтобъ послужили и нашему!

Какъ и чѣмъ послужить? *Пріидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ умершему, благодаряще Бога:* дадимъ братолюбное цѣлованіе истинной христіанской любви, отъ всего сердца благодаря Господа за всѣ благодѣянія, явленныя собрату нашему отъ рожденія до смерти, и умоляя Отца свѣтовъ о упокоеніи души его въ селеніяхъ праведныхъ.

И во первыхъ возблагодаримъ Господа за временную жизнь, которую скончалъ почившій собратъ нашъ. Даръ жизни есть первый и величайшій изъ даровъ благости Божіей. Правда, обратили мы сами во зло себѣ сей даръ Божій; обезобразили сами богоподобное естество свое грѣхомъ и нечестіемъ; сами лишили себя безсмертія и блаженства, которымъ почтилъ насъ вначалѣ Господь и Владыка живота нашего; сами отравили жизнь свою скорбями и бѣдствіями, —такъ что теперь человѣкъ и раждается уже не на радости, а на печали. Но премилосердый Господь, взыскуя погибшихъ и обѣтовавъ намъ всесовершенное блаженство въ вѣчности, не лишилъ насъ даровъ благости своей и здѣсь, и наказуя праведно, милостію многою помиловалъ насъ. Сколько чистыхъ и святыхъ радостей можетъ еще вкушать христіанинъ и теперь, во дни тяготѣющей на насъ кары гнѣва Божія! Сколько благъ уготовано въ наслажденіе намъ даже и здѣсь, на мѣстѣ изгнанія и пришельствія нашего! Самая темница заключенія нашего не часто ли и живо напоминаетъ намъ о потерянномъ раѣ? — Не долго, правда, почившій братъ нашъ наслаждался симъ благомъ жизни; едва преполовилъ дни свои и уже позналъ западъ свой. Но возблагодаримъ Господа и за то, что ему дано Промысломъ Божіимъ прейти ту именно часть земнаго поприща, которую не безъ причины называютъ цвѣтущею и лучшею; что ему вполнѣ дано было вкусить того, что во всѣхъ земныхъ радостяхъ есть чистаго и непорочнаго. Святая радость о Богѣ—Творцѣ и Промыслителѣ, о Сынѣ

Божіемъ—Ходатаѣ и Искупителѣ, о Духѣ Святомъ—Утѣшителѣ и Просвѣтителѣ,— первая и драгоцѣннѣйшая радость падшаго и обновляемаго человѣка—не была ли вполнѣ доступна его сердцу? Чистое наслажденіе созерцаніемъ дѣлъ Божіихъ въ окружающей насъ природѣ и въ минувшихъ событіяхъ міра не было ли удѣломъ души его? Непорочное утѣшеніе любовію родственною, пріязнію и благорасположеніемъ знаемыхъ, сердечнымъ уваженіемъ младшихъ, благоволительнымъ вниманіемъ высшихъ, искреннимъ дружествомъ сотрудниковъ — не сопровождало ли его во всѣ дни жизни? А утѣшительное сознаніе усовершенствованія всѣхъ дарованій своихъ посредствомъ полнаго и прочнаго образованія; а тихая и усладительная бесѣда съ мудрыми и богопросвѣщенными мужами вѣковъ минувшихъ; а незамѣнимое ничѣмъ удовольствіе видѣть плоды трудовъ своихъ созрѣвшими, сѣмена ученія своего возросшими и приносящими плодъ сторицею — не дано ли всѣмъ этимъ вполнѣ насладиться почившему? *Буди имя Господне благословенно* о немъ! Буди благословенно имя Господне и о томъ, что Господь воззвалъ къ себѣ почившаго прежде того времени, съ котораго самая жизнь наша становится трудомъ и болѣзнію, и бурное само по себѣ плаваніе наше въ морѣ житейскихъ попеченій становится еще труднѣе и опаснѣе!

Паче же и прежде всего возблагодаримъ Господа, что Онъ вседѣйствующею благодатію своею споспѣшествовалъ почившему ознаменовать недолголѣтнюю жизнь свою долговѣчными плодами, которые переживутъ цѣлыя поколѣнія людей, будутъ рости и приносить постоянно новые плоды въ вертоградѣ Господнемъ. Есть не малое число жизней, которыя, сколько бы ни были продолжительны, не оставляютъ и слѣдовъ бытія своего на земли, или, что хуже всего, оставляютъ такіе слѣды, отъ которыхъ болѣзнуетъ самая земля. Не такова жизнь почившаго! Не скудное число талантовъ взаимодалъ ему небесный Домовладыка, и не малую куплю сотворилъ въ нихъ вѣрный призванію своему рабъ Христовъ. Съ малыхъ лѣтъ направленный Промысломъ Божіимъ на стезю просвѣщенія духовнаго, онъ шелъ по ней твердо и неуклонно. Тяжкимъ и долговременнымъ трудомъ и пóтомъ, при скудости средствъ вещественныхъ, пріобрѣталъ онъ познанія; за то пріобрѣтенное, какъ драгоцѣнное сокровище, внимательно слагалъ и хранилъ въ своемъ сердцѣ. Кончилось время образованія,—настало время дѣйствованія; и здѣсь-то открылись обильные плоды

долгаго и моготруднаго сѣянія; тогда-то явилось внутреннее богатство свѣтлыхъ и благотворныхъ познаній, чистыхъ и возвышенныхъ чувствованій, стяжанное потомъ и трудами. И не скудною рукою дѣлился онъ сокровищемъ своимъ со всѣми. Поставленный, въ свою чреду, наставникомъ другихъ, онъ всецѣло посвятилъ себя исполненію своей высокой обязанности. Не довольствуясь употреблявшимися дотолѣ скудными, сухими и безжизненными образцами науки, которые перешли къ намъ отъ учителей иноземныхъ, онъ, подъ руководствомъ св. Церкви, проложилъ себѣ новую стезю къ наукѣ, и возводилъ за собою другихъ къ тому святому, безъискуственному искуству-живо и дѣйственно, благотворно и спасительно вѣщать Слово Божіе людямъ, — коимъ обладали великія свѣтила и столпы Церкви Христовой—Аѳанасіи и Григоріи, Василіи и Златоусты. Руководствуя наставленіями, онъ предшествовалъ руководимымъ и собственнымъ примѣромъ. Чувствуя живо и испытавъ на себѣ всю тяжесть различныхъ скорбей и обстояній жизни человѣческой, онъ искалъ утѣшенія въ Словѣ Божіемъ, и передавалъ другимъ въ живыхъ и сильныхъ, потрясающихъ, но вмѣстѣ и умиляющихъ душу и сердце бесѣдахъ. Зная по опыту всю важность и благотворность единственно вѣрнаго и спасительнаго руководства св. Церкви въ жизни вѣрующихъ, онъ изобразилъ ее, какъ любвеобильную Матерь, съ матернею нѣжностію и любовію пекущуюся о чадахъ своихъ, и въ ея святыхъ уставахъ и учрежденіяхъ научалъ искать и обрѣтать наставленіе и утѣшеніе, отраду и благовременную духовную помощь. Сіи-то утѣшительныя бесѣды и оныя поучительныя наставленія оставилъ онъ намъ какъ драгоцѣнное наслѣдіе, отъ богатаго сокровища сердца своего, которое озарялось и вдохновлялось живымъ и дѣйственнымъ Словомъ Божіимъ. Отнынѣ—прочтемъ ли съ утѣшеніемъ его поучительную бесѣду,—возблагодаримъ Господа, давшаго ему глаголъ благовѣствующему силою многою. Воспользуемся ли съ успѣхомъ его благотворнымъ совѣтомъ и наставленіемъ,—возблагодаримъ паки Господа, просвѣтившаго разумъ его и наставившаго на путь правый. О всѣмъ и во всѣхъ буди имя Господне благословенно во вѣки!

Но братіе мои, жизнь человѣческая, какъ бы ни была даже благоплодна и хороша, еще не полна и не совершенна, если не вѣнчается столь же хорошимъ концемъ. Этотъ златой вѣнецъ жизни, который окончательно украшаетъ ее, есть мирная христіанская кончина живота

нашего—залогъ непостыднаго отвѣта на страшномъ судищи Христовомъ. И въ семъ-то отношеніи намъ должно особенно благодарить Господа за почившаго собрата нашего. За четыре мѣсяца предъ симъ, въ продолженіи постническаго и молитвеннаго приготовленія христіанъ къ празднованію св. Пасхи Христовой, тяжкій недугъ, поселившійся въ груди его, напомнилъ ему, что четыредесятница жизни его преклонилась къ своему исходу, и что нужно позаботиться о приготовленіи къ той всемірной Пасхѣ, которую избранные Божіи будутъ праздновать въ невечернемъ дни царствія Христова. Съ покорностію волѣ Божіей онъ внялъ сему напоминанію, усугубилъ усердіе свое къ храму Божію, очистилъ себя покаяніемъ и соединился съ Господомъ Іисусомъ Христомъ причащеніемъ плоти и крови Его, — и въ этомъ всеоружіи вступилъ въ борьбу съ тяжкимъ недугомъ своимъ. Мы были свидѣтелями, какъ долго и болѣзненно продолжалась борьба сія. Казалось неразъ, что сила жизни и крѣпость силъ его брали перевѣсъ надъ разрушительнымъ дѣйствіемъ тяжкаго недуга: но Господу угодно было опредѣлить конецъ дней его, — и сила болѣзни и смерти преодолѣла силу жизни, и низложила его на одръ, который долженствовалъ быть смертнымъ. Въ семъ состояніи, чувствуя приближеніе кончины, онъ еще-и неоднократно—очистилъ себя покаяніемъ, освятился причащеніемъ животворящихъ таинъ Христовыхъ и укрѣпилъ себя на смертный подвигъ помазаніемъ освященнаго елея. Истомленное болѣзнію тѣло его уже безболѣзненно разрѣшилось отъ духа; мирно и тихо смерть сомкнула его вѣжды среди напутственной молитвы св. Церкви. Такъ скончалъ многотрудную жизнь свою почившій собратъ нашъ!.... Вѣруемъ, Господи, Твоему Божественному обѣтованію: *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь имать животъ вѣчный* (Іоан. VI, 54), *и на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ* (Іоан. V. 24); *вѣруяй въ Мя аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. XI. 25). Ибо Ты единъ жизнь и воскресеніе наше, Ты оправданіе и спасеніе наше, Ты надежда и упованіе наше!

Съ сею вѣрою въ непреложность обѣтованій божественныхъ, въ безконечныя заслуги и неизреченное милосердіе сладчайшаго Искупителя нашего, въ дѣйственную силу молитвъ Церкви небесной и земной, предаемъ тебя, возлюбленный братъ нашъ, безконечному Милосердію Отца небеснаго. Съ сею вѣрою, провождая тебя ко гробу, воспоемъ съ Церковію: *блаженъ путь, въ онь же идеши днесь, яко уготовася*

тебѣ мѣсто упокоенія. Блаженъ путь твой: ибо послѣ того, какъ Господь Іисусъ Христосъ самъ благоволилъ пройти симъ, прежде мрачнымъ и страшнымъ, путемъ смерти, онъ содѣлался для насъ путемъ къ вѣчному успокоенію отъ трудовъ земной жизни, началомъ новой, нескончаемой жизни въ Богѣ, свѣтлою лѣствицею къ небеси. Блаженъ путь твой: ибо не въ безвѣстную страну и не въ чуждое общество ты отходишь отъ насъ, а въ домъ Отца нашего небеснаго, гдѣ срѣтаетъ вѣрныхъ своихъ самъ Господь и Спаситель нашъ, въ сообщество ангеловъ и святыхъ Божіихъ. Тамъ узришь лики св. пророковъ и апостоловъ, коихъ богодуховенными глаголами питалъ и услаждалъ ты свою душу; тамъ срѣтитъ тебя ликъ святителей и іерарховъ Христовыхъ, коихъ богомудрыя писанія изучалъ ты здѣсъ съ такимъ усердіемъ и любовію; тамъ увидишь свѣтоносный ликъ преподобныхъ и богоносныхъ Отцевъ, предъ коими благоговѣлъ ты въ жизни и коихъ достоподражательнымъ подвигамъ удивлялся со смиреніемъ; тамъ срѣтитъ тебя сама Царица небесъ, честнѣйшая херувимовъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимовъ, Ходатайница и Заступница рода нашего, Пресвятая Матерь Господа нашего Іисуса Христа. Вѣруемъ и уповаемъ, что святые небожители, какъ старшіе братія наши, пріимутъ тебя въ свои любвеобильныя объятія, защитятъ отъ нападеній злобнаго врага нашего, оклеветающаго насъ предъ Богомъ и вознесутъ о тебѣ молитвенный гласъ свой къ престолу Царя и Господа своего. *Блаженъ путь, въ оньже идеши днесь!*

Не долго, конечно, странствовать здѣсь и намъ. Еще кара гнѣва Божія тяготѣетъ надъ нами. (а) Но если и пощадитъ насъ милосердіе Божіе отъ угрожающей намъ язвы, то все же выросли, безъ сомнѣнія, тѣ дерева, изъ коихъ вытешутъ намъ гробъ!.... Такъ, раньше или позже, настанетъ и нашъ часъ, — и мы пойдемъ въ тотъ же смертный путь!... А до того времени у насъ одно мѣсто свиданія съ тобою, почившій братъ нашъ,—это св. храмъ Божій, гдѣ приносится выну безкровная жертва за живыхъ и умершихъ, и гдѣ предъ Агнцемъ, закланнымъ отъ сложенія міра, Церковь небесная соединяется съ земною;—это твоя, приснопамятная для насъ, могила въ тиши уединенной обители, подъ сѣнію храма Божія, гдѣ избралъ ты мѣсто покоя для

(а) Въ это самое время въ Кіевѣ страшно свирѣпствовала холера.

твоего утружденнаго тѣла. Теперь одно богодарованное средство общенія съ тобою, — это святая молитва вѣры, которая не знаетъ разстоянія временъ и мѣстъ, проходитъ небеса и восходитъ къ престолу Божію, объемлетъ и соединяетъ время и вѣчность, міръ горній и дольній;— и мы не перестанемъ возносить ее къ Богу духовъ и всякія плоти, смерть поправшему и діавола упразднившему Господу нашему Іисусу Христу: да пощадитъ Онъ тебя на страшномъ и праведномъ судѣ своемъ; да проститъ всѣ согрѣшенія твои ради всеочищающей жертвы, принесенной имъ за грѣхи всего міра, ради ходатайства святыхъ своихъ, ради молитвъ св. Церкви; да сподобитъ того неувядаемаго вѣнца славы, который обѣтовалъ Онъ любящимъ Его, и тѣхъ почестей вышняго званія, предъ коими ничтожны всѣ почести свѣта! аминь.

Тѣло усопшаго, сопутствуемое знатнѣйшимъ Кіевскимъ духовенствомъ, изъ котораго многіе были воспитанниками *Амфитеатрова*, прибывшими единственно по усердію и уваженію къ памяти покойнаго, сопровождаемо было отъ Братскаго монастыря до церкви Рождественской преосвященнымъ Аполлинаріемъ: отсюда до монастыря Николаевскаго ректоромъ Академіи архимандритомъ Димитріемъ: а отъ Николаевскаго до Выдубицкаго монастыря ректоромъ Кіевской семинаріи (нынѣ ректоромъ Академіи) архимандритомъ Антоніемъ, отдававшимъ послѣдній долгъ другу и брату своему, который въ дни юности его былъ для него истиннымъ руководителемъ. Тамъ, по собственному желанію покойнаго, почили бренные его останки. На скромномъ памятникѣ, воздвигнутомъ на могилѣ *Якова Косьмича Амфитеатрова*, нѣтъ хитрыхъ выраженій земнаго тщеславія, а стоятъ слова Писанія, которое обнималъ онъ умомъ и сердцемъ своимъ: *аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмы.* (Римл. XIV. 8).

Благочестивый путникъ, ступившій на достопамятную землю Выдубицкаго монастыря! При входѣ въ храмъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія, оглянись на лѣвую сторону и пожелай съ молитвою царствія небеснаго рабу Божію *Іакову!*...

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Всѣми свѣдѣніями о дѣтствѣ и первыхъ годахъ ученія Я. К. *Амфитеатрова* я обязанъ двоюродному брату его протоіерею Н. В. *Амфитеатрову*.

2. Нынѣшній ректоръ Кіевской Академіи, докторъ Богословія, архимандритъ *Антоній*.

3. Вотъ полное изчисленіе статей *Амфитеатрова* въ томъ порядкѣ какъ онѣ появлялись въ Воскресномъ Чтеніи. Годъ первый. №. 2. *Сокровище язвъ Христовыхъ* (передѣлано изъ поученій св. Димитрія Ростовскаго). №. 3. *Слово* св. Димитрія Ростовскаго въ недѣлю женъ Мvроносицъ (въ сокращенномъ видѣ). №. 29. *Лилія*. №. 41. *Тріодь постная.—Мытари и Фарисеи*. №. 42. *Блудный сынъ*. №. 43. *Полночь*. Годъ второй. №. 1. *Утреннюемъ утреннюю глубоку*. №. 4. *Преполовеніе*. №. 9. *Недѣля всѣхъ святыхъ.—Свѣте тихій*. №. 12. *Виноградная лоза и вѣтви*. №. 14. *Засохшее дерево*. №. 15. *Древніе аскеты или подвижники*. №. 23. *Св. Столпники*. №. 28. *Развалины*. №. 40. *Проповѣдь новаго года*. №. 49. *Да исправится молитва моя*. Годъ третій. №. 5. *Цвѣтная тріодь*. №. 11. *Бесѣда на кладбищѣ весною*. №. 18. *Преданія о св. Пророкѣ Иліи*. №. 23. *Бесѣда съ сыномъ* въ одинъ Воскресный день при воспоминаніи о покойной матери №. 28. *Минея общая* №. 47. *Слово къ распутному*. №. 48. *Бесѣда священника съ прихожаниномъ, у котораго сынъ распутный.*— Годъ четвертый. №. 1. *Въ началѣ бѣ Слово.—Христосъ воскресе!* №. 8. *Суббота предъ пятидесятницею*. №. 10. *Разговоръ* Магомета II, султана турецкаго съ патріархомъ константинопольскимъ Геннадіемъ о христіанской Вѣрѣ. №. 13. *Св. Онуфрій великій*. №. 14. *Воскресное Чтеніе*. №. 15. *Св. пророкъ Амосъ*. №. 20. *Святое путешествіе*. №. 31. *Черепъ*. №. 43. *О храмовомъ пѣніи и музыкѣ у Евреевъ*. Годъ

пятый. №. 12. *Бесѣда священника съ бѣдною вдовою*, оставшеюся съ сыномъ. №. 37. *Послѣдованія во время бездождія.* Годъ шестой. Съ 12 №. начались печататься *Бесѣды* его объ *отношеніи Церкви къ христіанамъ.* №. 50. *Видите, колицѣми книгами писахъ вамъ моею рукою.* Годъ седьмой. №. 14. *Дружество.* №. 18. *Гробница Пресв. Дѣвы Богоматери.* №. 13. *Константина Багрянороднаго*, царя римскаго *повѣствованіе* о пренесеніи нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя нашего изъ Едеса въ Царьградъ въ 344 году. — *Отъ готоваго жилища своего призрѣ на вся живущія на земли, создавый на единѣ сердца ихъ, разумѣваяй на вся дѣла ихъ.* №. 20. *Юность непорочная и юность порочная.* №. 22. *Ева, праматерь наша и Пресв. Дѣва Марія, Матерь Божія.* №. 24. *Неудоборазумѣваемость грѣхопаденій.—Лѣта наша, яко паучина, поучахуся.* №. 28. *И отъ чуждихъ пощади раба твоего* и проч. №. 39. *Да пріидетъ царствіе Твое* и проч. №. 40. *Бездна бездну призываетъ.* №. 41. *Сиротство.* №№. 46—50. *О необходимости, силѣ и различныхъ способахъ покаянія.* (Переводъ изъ Бесѣдъ св. Златоуста). Годъ осьмой. №. 3. *Жизнь духовно воскресшихъ.* №. 6. *О цвѣтной Тріоди.* №. 9. *Окончаніе Тріоди.* №. 42. *Іорданъ.* №. 45. *Павелъ Ѳивейскій.—Спаситель на первой пасхѣ Іудейской.* Годъ девятый №. 1. *О первомъ явленіи воскресшаго Спасителя.* №. 37. *Ясли.* Годъ десятый. №№. 25. 28 34. *Бесѣды къ поселянамъ.* Годъ одиннадцатый. №№. 12. 39 и 48. *Бесѣды къ поселянамъ.* №. 46. *Хроника.* Съ этого же года начали выходить переведенныя имъ письма св. Златоуста къ Олимпіадѣ. Годъ двѣнадцатый. Продолженіе писемъ св. Златоуста къ Олимпіадѣ. Годъ четырнадцатый. №. 41. *Слово въ недѣлю Мытаря и Фарисея.* №. 44. *Слово въ недѣлю Сыропустную.* №. 52. *Слово въ Великій Пятокъ.* Годъ пятнадцатый. №. 7. *Слово въ неделю. св. Отецъ.* №. 34. *Слово въ недѣлю* XXVI. Годъ шестнадцатый. №. 22. *Слово въ недѣлю* XIV. №. 35. *Слово въ недѣлю св. Отецъ.* Годъ семнадцатый. №. 1. *Любовь Христова.* Годъ девятнадцатый. №. 19. *Слово въ недѣлю XI по Пятидесятницѣ.* Кромѣ этого во всѣхъ годахъ Воскреснаго Чтенія разсѣяно множество переводныхъ статей *Амфитеатрова* изъ св. Отцевъ.

4. Въ Маякѣ за 1843 годъ помѣщены были въ Смѣси слѣдующіе три небольшіе разсказа: 1. *Охотникъ* 2. *Батыева дорога* и 3. *Любо-*

пытство. Въ томъ же журналѣ за 1845 г. напечатанъ былъ его же разсказецъ: *Падающія звѣзды.* Въ Кіевлянинѣ за 1840 г. есть также статейка *Амфитеатрова* подъ названіемъ: *Желаніе лучшаго.*

»5. М. Г. Яковъ Косьмичъ! Имѣвъ удовольствіе получить экземпляръ »Вашихъ *Чтеній о Церковной Словесности*, я считаю пріятнымъ долгомъ »благодарить Васъ за доставленіе мнѣ этой книги, прекрасной по пред»мету, достойной своего предмета по исполненію. Примите и проч.

Графъ Уваровъ.

11 Іюня, 1847 г.

»М Г. Яковъ Косьмичъ! Приношу Вамъ искреннѣйшую признатель»ность за доставленіе мнѣ книги Вашей: *Чтенія о Церковной Словесно»сти.* Я прочиталъ ее съ особеннымъ вниманіемъ, и, могу сказать, съ »истиннымъ удовольствіемъ. Въ первомъ еще у насъ опытѣ такого рода »сочиненій я не надѣялся найти столь строгой системы и такой полноты, »съ возможною притомъ краткостію. Изложеніе предмета, всегда ясное »и не рѣдко краснорѣчивое, соотвѣтствуетъ его важности, и вся книга, »отъ начала до конца, проникнута духомъ Православія и народности. »Поздравляя Васъ съ произведеніемъ, которое обѣщаетъ несомнитель»ную пользу нашему юношеству, готовящемуся вступить на поприще »проповѣданія Слова Божія, прошу принять увѣреніе въ совершенномъ »моемъ почтеніи.

Князь Ширинскій—Шихматовъ.

6. По свидѣтельству двоюроднаго брата Якова Косьмича, о. протоіерея Н. В. *Амфитеатрова*, онъ три года ходилъ въ училище въ лаптяхъ, и до философскаго класса носилъ пестрядинный халатъ.

7. Къ этому времени относится одно и единственное стихотвореніе его, помѣщаемое нами въ примѣчаніяхъ, какъ такая вещь, которой и самъ онъ не придавалъ особеннаго значенія, и которое, если не художественностью, то по крайней мѣрѣ замѣчательно по выраженію послѣдней думы истиннаго философа въ жизни.

На горѣ крутой, высокой.
Какъ сиротка одинокій,
Ветхій, скучный дубъ стоитъ;
Съ нимъ никто не говоритъ.

Прежде славный красотою,
Онъ обитъ теперь грозою,
Исхудалъ онъ отъ жаровъ
И зачахъ отъ холодовъ.

Есть въ немъ жизнь, но очень мало;
Двѣ-три вѣтки увѣнчало
Грустное его чело,
Облысѣвшее чело.

На него никто не взглянетъ,
Развѣ дровосѣкъ вспомянетъ
И подъ часъ проговоритъ:
„Да за чѣмъ онъ тамъ торчитъ?“

На горѣ крутой, безлюдной,
Ветхій, скучный дубъ стоитъ:
Безотрадный, безпріютный,
Онъ печально вдаль глядитъ.

Онъ глядитъ на сѣверъ хладный,
И на синій югъ глядитъ,
На востокъ глядитъ отрадный,—
Всѣхъ онъ проситъ: „какъ мнѣ быть?

„Сколько лѣтъ я жду привѣта
„Отъ росы, отъ вѣтерка!
„Ни привѣта, ни отвѣта!
„Всѣ забыли старика!“

На горѣ крутой, высокой
Старый, скучный дубъ стоитъ;
Подъ горой струей широкой
Рѣчка быстрая бѣжитъ.

„Дай хоть каплю мнѣ напиться,
„Высохла моя душа:
„Дай хоть крошкой освѣжиться.—
„Ты добра и хороша.“

Съ шаловливою улыбкой
Рѣчка мимо вдаль бѣжитъ,
И струей играя шибкой,
Старика не освѣжитъ.

Пойдетъ дождикъ,—не обмоетъ
Грязи на челѣ сухомъ;
Вѣтръ повѣетъ, дубъ завоетъ,
Какъ больной въ лѣсу глухомъ.

Нѣтъ, не дубъ стоитъ то хилый:
То жизнь бѣднаго Панька,
Жизнь Панька, и бытъ унылый
Удалаго казака.

Гдѣ богатство, гдѣ та сила,
Гдѣ та слава и краса.....
. . . . . .
. . . . . .

Это были послѣднія строки, написанныя рукою *Амфитеатрова*.

Подумаемъ въ простотѣ сердца о нашемъ предметѣ. Мы откуда научились словамъ? Отъ другихъ. Дитя какъ учится говорить? Мать или отецъ даютъ ему слово точно такое, какое пишу. Но мать и отецъ сами получили слово въ видѣ рѣчи отъ своихъ матерей и отцовъ, потомки своихъ предковъ, а предки тоже отъ своихъ предковъ и т. д. Куда эта нить доведетъ насъ (смѣемъ ли сказать сомнительно ли)? На край первобытъ вселенной, къ первому Отцу и Матери всѣхъ человѣковъ. Они говорили; слѣдственно ~~оно~~ отецъ и мать уже вѣрно говорили; слѣдственно отъ первой отецъ и первая мать человѣчества несомнѣнно говорили. Откуда у нихъ слово?

Цѣна экземпляру *рубль сер.* съ пересылкою *рубль пятьдесятъ коп.*

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Nov. 2005

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 014 674 588 A